

Российская академия наук
Институт археологии

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тезисы докладов
научной конференции молодых ученых

Москва, 15–17 марта 2011 г.

Москва
2011

УДК 902/903
ББК 63.4
Н76

Сборник издан при финансовой поддержке Президиума РАН,
в рамках программы целевых расходов «Поддержка молодых ученых» (2011),
раздел 2 – «Поддержка проведения научных школ молодых ученых».

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:

к. биол. н. *А.Е. Антипина*, к. и. н. *А.Н. Ворошилов*, д. и. н. *М.В. Добровольская*,
д. и. н. *А.А. Завойкин*, к. и. н. *И.Е. Зайцева*, к. и. н. *О.В. Зеленцова*,
д. и. н. *С.Н. Корневский*, к. и. н. *Д.С. Коробов*, к. и. н. *Е.В. Леонова*,
д. и. н. *Ю.Б. Цетлин*

Ответственные редакторы

к. и. н. *В.Е. Родинкова*,
А.Н. Федорина

Новые материалы и методы археологического исследования: На-
Н76 учная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН,
2011. – 92 с.: илл.
ISBN 978-5-94375-105-9

В сборник включены тексты докладов, прочитанных молодыми учеными
на научной конференции «Новые материалы и методы археологического иссле-
дования», прошедшей в Институте археологии РАН 15–17 марта 2011 г.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических спе-
циальностей и всем интересующимся историей.

УДК 902/903
ББК 63.4

В оформлении обложки использованы иллюстрации к докладу *О.М. Ворошиловой*

ISBN 978-5-94375-105-9

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ

Ожерельев Д.В. Исследования памятников раннего палеолита в Дагестане в 2010 г.	7
Зардарян Д.Э., Гаспарян Б. О двух разновидностях древней обуви из Армении	8
Агеева К.Е. Возможности пространственного анализа и проблема синхронности объектов культурного слоя (историографический аспект) ...	9
Александрова О.И., Хамакава М. Функционально-планиграфический анализ микродебитажа (на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II)	11
Медведев С.П. Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II	14
Солдатова Т.Е. Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь	15
Загородняя О.Н., Степанова К.Н. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых пород	16
Долбунова Е.В. Воссоздание технологии изготовления сосудов и ее значение для реконструкции исторических процессов (на примере керамики раннего неолита)	17
Петрова Н.Ю. Органические примеси в керамике неолита Северной Месопотамии	18
Андреев К.М. Типология и хронологический аспект в изучении керамики елшанской культуры (по материалам бассейна р. Сок)	19
Барацков А.В. Проблема нового метода датировки по неолитической керамике Северного Прикаспия	19
Кондратьев С.А., Шалапинин А.А. Хронология позднего неолита - раннего энеолита Марийского Поволжья.	20

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Гончаров А.А. Каменные наконечники эпохи раннего металла на Среднем Урале	21
Фомичев А.В. Металлургический комплекс поселения Кудук-сай в Восточном Оренбуржье	22
Самсонова А.И. Реконструкция жилищ поздняковской культуры эпохи бронзы по материалам поселения Дмитриевская Слобода-II	23
Бондаренко А.В. Нарушенные погребения. К постановке проблемы	24
Ивашов М.В. Комплексные исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы в 2010 г.	25
Умрихин С.М. Могильник эпохи поздней бронзы Казачья Губерля I	27
Хаванский А.И. Синташтинская погребальная и поселенческая керамика (сравнительный анализ).	28
Азаров Е.С. К интерпретации специфической орнаментальной композиции двух грузиков стоянки Кораблино (эпоха поздней лесной бронзы)	29

Митряков А.Е. К вопросу о функции ямок на пьяноборской посуде (по материалам Барановского III поселения)	29
---	----

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И АНТИЧНОСТИ

Брилева О.А. Гигатлинский клад и проблемы его интерпретации. . .	31
Куринских О.И. Клинковое оружие из могильников ранних кочевников у с. Покровка в Левобережье Илека	32
Модин Р.Н. Находки предметов скифского времени в Тульской области	33
Белоусов В.В. Метод классификации клинкового оружия сарматов на примере материалов Подонья I–IV вв. н.э.	34
Акимов В.О. Монетные находки из подводных раскопок в Фанагории в 2009 г.	35
Ворошилова О.М. Гипсовые рельефы из грунтовых погребений Фанагории	36
Кузьмина Ю.Н. Новый строительный комплекс (Объект 123) из раскопок Фанагории	37
Горлов В.А. Лепная керамика Фанагории VI–IV вв. до н.э.	38
Капустина Е.П. Основные проблемы типологии зооморфных ручек керамических сосудов Боспора	39
Новоселова Н.Ю. Мезийская сигиллата: археологическая коллекция с о. Березань в собрании Государственного Эрмитажа	40
Камелина Г.А. Вотивная табличка с изображением оленя из позднеантичного дома в Кехах	41
Шувалова Н.В. Основные методические направления изучения темы взаимоотношений Боспора и Афин в классическое время на современном этапе исследования	42

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Земцов Г.Л. Планиграфия материалов гуннского времени на поселении Мухино-2.	43
Зозуля С.С. Датировка камерного погребения в кургане 348 тимевского некрополя	44
Кашинцев А.Ю. Находки кузнечных изделий на средневековом поселении Крутик	45
Шарганова О.Л. О некоторых особенностях конструирования лепной керамики Гнёздова	46
Иванова И.В. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам раскопа близ Варяжской улицы в с. Старая Ладога 1972–1977 гг.	47
Сарапулов А.Н. Изделия из кости и рога городища Купрос (по материалам раскопок 2008–2010 гг.)	48
Гусев А.А., Линденков Д.Н. Моховский комплекс X–XI вв.: открытое торгово-ремесленное поселение на юго-востоке Беларуси	49
Пономарева Т.М. Типология средневековых комплексов из раскопок гор. Стрелка в Среднем Приобье (по результатам исследований 2009 года).	50
Акилбаев А.В. Предметы иноэтничного происхождения в материалах Русенихинского могильника	51

Успенский П.С. Проблемы изучения кремационных могильников северо-западного Кавказа. VIII–XIII вв.	52
Столярова Д.А. Технология изготовления украшений могильника Мамисондон	53
Кузнецова В.Н. Полые орнитоморфные и коньковые подвески начала II тыс. н.э.	54
Метелкина К.М. Украшения из цветного металла в костюме жительниц Клочковского селища X–XII веков (по археологическим материалам)	55
Бегунова В.В. Археологическое изучение древнерусских городов Смоленской земли (XI–XIII вв.)	58
Бадеев Д.Ю. Находки шахматных фигурок из раскопок Рубленого Города в Ярославле	59
Русakov П.Е. Керамика региона Михайловское поле в Рязанской области	60
Виноградов А.С. К вопросу о традициях кузнечного ремесла русского поселения Городецкой округи (по материалам исследований коллекции ножей с селища Першино-1)	61
Нуретдинова А.Р. Особый тип технической керамики Волжской Булгарии	62
Белов М.А. Шестилучевая бляха из могильника «Аушедз». К вопросу интерпретации	63
Надбитова Д.Д. Зеркала в культуре Золотой Орды	64

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Павлова Н.А. Текстиль в поздних (XVI–XIX вв.) марийских и мордовских погребениях (по материалам Государственного Исторического музея)	66
Мухина Ж.В. Детские игрушки XV–XVII вв. по материалам археологических раскопок на территории Шуйского кремля в 2010 г.	67
Коноваленко М.В. Гребни городища Мангазея	68
Усолкина М.А. Берестяная посуда Нижнего Приобья XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований)	69
Калыгина Ж.С. Дренажные сооружения Царевококшайского посада конца XVIII – XIX вв.	70

НА СТЫКЕ НАУК

Ворошилов А.Н. О современных методах введения в научный оборот изображений археологических объектов	72
Федорина А.Н. Суздальские селища на геомагнитных картах: границы и внутренняя структура	73
Долгих А.В. Информативная роль почвенных горизонтов в культурном слое.	74
Бабенко А.Н. Влияние выпаса на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене: по палинологическим и археологическим данным	75
Антипушина Ж.А. Палеоэкологическая интерпретация археозоологического материала из древнеалеутских памятников	76

Яниш Е.Ю. Результаты определения остеологических материалов из археологического памятника «Сотера» (VIII–XI вв. н.э.)	77
Горлова Е.Н. Анализ стабильных изотопов в палеоэкологических реконструкциях	78
Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтовомаяцкой культуры из могильника Верхний Салтов	79
Радостева Г.И. К вопросу об анализе детских погребений средневековых могильников (на основе материалов Бояновского могильника).	81
Шмуратко Д.В. Алгоритм реконструкции культурно-исторических связей по материалам погребальных памятников.	82
Бугаев Д.С. О визуальной реконструкции на примере кургана 2 селища Засобье-II	83
Филиппова Е.Е. Природно-географические условия возникновения г. Мохши	84
Вострокнутов А.В. Археологические памятники Верхнекамского бассейна XI–XV вв. Опыт картографического исследования	85
Ногайлиев Р.Х. Использование Google для выявления поселений в Верховьях Кубани	87
Сафронов А.В. Исследование исторической географии древних майя: традиционный подход и ГИС-метод	88
Гусев К.А. Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в формировании археологических коллекций музеев Московского Университета	89
Ванюшева К.В. Письма как источник изучения истории провинциальной археологии в России.	90

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ

Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, Москва

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ДАГЕСТАНЕ В 2010 г.

Многослойный памятник эпохи раннего палеолита Мухкай II исследуется в течение 2008–2010 гг. усилиями совместной экспедиции Института археологии РАН и Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Махачкала). Памятник находится на территории Акушинского р-на Республики Дагестан в 2.5 км к юго-востоку от с. Акуша. Уникальность памятника заключается в том, что культурные слои залегают в мощной толще плейстоценовых отложений, достигающей 80 м. Она представляет собой чередующиеся галечно-валунные, галечно-гравийные слои и суглинки и залегает непосредственно на коренных известняках.

За три года работ шурфом-врезкой в склон в виде двух траншей удалось вскрыть 34 м раннеплейстоценовых отложений. Исследованный разрез включает 81 литологический слой, имеющий различные генезис и структуру.

В 2010 г. был получен новый богатый материал, значительно расширивший возможности применения различных естественнонаучных методов при датировке памятника, восстановления особенностей природной среды в раннем плейстоцене и характеристики жизнедеятельности древнего человека Центрального Дагестана. В частности, было выявлено два горизонта (глубиной 27 и 34 м), содержащих богатые палеофаунистические останки. Установлено, что почти во всех слоях содержится ископаемая пыльца растений.

Важнейшим событием стало открытие в слое 80 уникального уровня обитания – стоянки базового типа с культурными останками в виде каменных изделий из кремня и связанных с ними многочисленных костей животных, являвшихся пищевыми отходами деятельности древнего человека. Собственно слой 80 – это мелкий и средний галечник с незначительными включениями гравия и крупных галек известняка. Содержит многочисленные кремневые изделия. Именно с этим слоем и связана деятельность древнего человека. Планиграфически слой неоднороден. С востока на запад его пререзает древняя промоина неглубокого водоема либо временного водотока с подпруженным руслом. Промоина имеет глубину до 30 см и четко маркирует берег водоема и границу стоянки. Русло водотока заполнено целыми и раздробленными костями раннеплейстоценовых животных. Деятельность древнего человека связана с существованием водоема, который привлекал многочисленные стада животных, по-видимому, служивших объектом охоты. Всего в слое 80 на площади 9 м² обнаружено 48 фрагментов костей и зубов животных различной видовой принадлежности и 180 кремневых изделий. Предварительное типологическое определение указывает на преобладание в коллекции “мелкоразмерных” орудий с некоторым представительством крупных рубящих форм. Эти признаки не выходят за рамки определения индустрии олдована Центрального Дагестана, но могут указывать на его фациальное разнообразие.

Таким образом, данные, полученные в ходе первоначальных работ на стоянке Мухкай II (слой 80), указывают на открытие *in situ* уникального уровня обитания древнего человека. Комплекс памятников Акушинской котловины

(Айникаб I–V, Мухкай I–II, Гегалашур I–III) Центрального Дагестана представляет собой наиболее информативный и перспективный микрорегион для дальнейших исследований и открытий раннего палеолита и, прежде всего, олдована Северного Кавказа.

Д.Э. Зардарян, Б. Гаспарян
*Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Республики Армения, Ереван*

О ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ДРЕВНЕЙ ОБУВИ ИЗ АРМЕНИИ

В 2008 г. во время раскопок пещеры Арени-1, обл. Вайоц Дзор, Республика Армения была обнаружена целая туфля. Обувь происходила из первого горизонта позднеэнеолитического слоя пещерного памятника и датировалась в пределах 3600–3300 гг. до н.э. (Pinhasi et al., 2010).

Туфля великолепной сохранности, прикрытая разбитой миской, была найдена на дне тщательно обработанной ямы. Заостренная к концу обувь имела миндалевидную форму, была изготовлена из целого лоскута кожи крупного рогатого скота и зашнурована тонкой кожаной тесемкой в носовой части и на заднике. находка, напоминающая “трех”, придала новый импульс проблеме башмачного дела Южного Кавказа в эпоху ранних земледельцев.

Согласно А. Армаганян, самой ранней разновидностью обуви в древней Армении считались трехи. Они изготавливались из целого куска шкуры или кожи и затягивались кожаными шнурками или шнурками, сделанными из сушеных кишок, вокруг щиколотки и верхней передней части стопы. Со временем трехи стали украшать цветными нитями. Такую обувь армянские крестьяне носили вплоть до XIX в. (Армаганян, 1978. С. 34).

Представление о последующем развитии древней обуви Армянского нагорья дают изображения, дошедшие до нас на фризах серебряного кубка XXII–XXI вв. до н.э. из Карашамба. Ноги изображенных персонажей обуты в башмаки на толстой подошве с высокими голенищами и заостренным загнутым вверх носом (Оганесян, 1988. С. 149).

Аналогии описанной обуви можно встретить и на Триалетском кубке, схожем с Карашамбским. Согласно М. Гамбашидзе, такая обувь встречается в Анатолии и Сирии. В нее обуты только божества и цари, изображенные на кубке, поэтому она могла иметь сакрально-ритуальное значение и использоваться во время религиозных празднеств (Гамбашидзе, 2010. С. 117–119).

Достаточно реалистичное описание особенностей обуви эпохи поздней бронзы и раннего железа воссоздается благодаря керамическим кубкам культового назначения из погребений XIII–X вв. до н.э. Давид-Бека, Каджарана и Лцена (Южная Армения). Они изготовлены в форме сапожков на плоской подошве с высокими голенищами и заостренным носом (Есяян, Шагинян, 1962. С. 202, 204. Рис. 2; 3; Мартиросян, 1964. С. 148–152. Рис. 60, 3; 61, 1, 2. Табл. XV, 1–3; Хнккян, 2002. Р. 52, 188. Pl. XXVII, 6. Р. 189. Pl. XXVIII, 18). Подобные сапожки изображены на барельефах и фресках и запечатлены в торевтике IX–VI вв. до н.э. В эпоху Ванского царства также продолжает изготавливаться ритуальная посуда (ритоны) в форме сапожков (Пиотровский, 1962. С. 50, 51. Рис. 20–24. С. 97. Рис. 61. Табл. XXVIII, XXIX, XXIII).

Можно предположить, что в древней Армении параллельно существовало два вида обуви: повседневная и празднично-ритуальная. При этом обувь наподобие трехов бытовала уже в эпоху энеолита.

Найденная в пещере Арени-1 туфля повторяет обычные трехи, и этот факт может свидетельствовать о том, что возникнув в далеком прошлом, они оставались неизменными на протяжении тысячелетий. В этом нет ничего удивительного: трехи легки и просты в изготовлении и удобны в носке. Сшить такую обувь самому не составляет большого труда. Что касается башмаков-сапожек, то им придавалось особое значение. Согласно этнографическому материалу Армении, празднично-ритуальная обувь не утратила своей значимости вплоть до XIX в. Туфли и символические вязаные гетры-сапожки преподносились в качестве дара на свадьбу и на Пасху (Авагян, 1983. С. 87–91).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авагян Н. Армянская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Ереван, 1983 (на арм. яз.).

Армаганян А.С. Обувь древней Армении. Ереван, 1978.

Гамбашидзе М. Древний анатолийский тип обуви на триалетском серебряном кубке // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Сб. докл. Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тбилиси, 2010.

Есаян С.А., Шагинян А.Н. Археологические находки в Зангезуре // СА. 1962. № 3.

Мартirosян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Оганесян В.Э. Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал. № 4. Ереван, 1988.

Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту. VIII–VI вв. до н.э. Л., 1962.

Pinhasi R., Gasparian B., Areshian G. et al. First Direct Evidence of Chalcolithic Footwear from the Near Eastern Highlands // PLoS ONE. June 2010. V. 5. Iss. 6.

Xnkikyan O. Syunik during the Bronze and Iron Ages. Barrington, RI, USA, 2002.

К.Е. Агеева

Институт археологии РАН, Москва

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА И ПРОБЛЕМА СИНХРОННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Пространственный анализ представляет собой метод воссоздания картин пространственного распределения культурных объектов на разных участках стоянки, а также анализ пространства между памятниками и анализ структуры системы памятников. Данный анализ позволяет проследить распределение различных категорий находок, их связи с другими объектами и структурами культурного слоя и их взаимные сочетания с целью выявления общих закономерностей распределения культурных остатков на памятнике (Леонова Н.Б., 1983. С. 104–110).

В современных исследованиях памятников каменного века большое внимание уделяется изучению структуры культурного слоя: особенностям его формирования, накопления, возможным нарушениям. Без пространственного анализа не-

возможно доказательство или установление структурного и хронологического единства предметов и объектов археологического памятника, а установление этих связей (или отсутствие их) и есть одна из задач пространственного анализа.

Пространственный анализ как отдельное направление стал развиваться с началом исследования стоянки Пинсеван во Франции. Математическое обоснование пространственного распределения артефактов отражено в работах Р. Валлона и Г.П. Бланкхольма. Параллельно развивается этноархеологическое направление, результаты которого используются для сравнения и интерпретации структуры археологических памятников, и экспериментальное направление, когда планиграфия археологического памятника проверяется и интерпретируется посредством эксперимента. В отечественной историографии целенаправленный пространственный анализ проводился для памятников Каменная Балка II и для мезолитических памятников Волго-Окского бассейна (Леонова Е.В., 1998.; Леонова Н.Б., 1994).

На основе этих работ можно заключить, что в отечественных исследованиях по каменному веку с помощью пространственного анализа решаются такие задачи, как: выделение «элементов слоя», выделение этапов существования, если это возможно, установление синхронности выделяемых объектов, установление специализации объекта, участка и характеристика общей структуры памятника.

Основной проблемой на данный момент остается проблема синхронности объектов культурного слоя. Она решается с помощью комплекса методов: метода связей между находками (*ремонтаж*), но единичные связи не доказывают синхронности и могут быть случайными. Помимо этого, проводится анализ «истории» самого объекта – не является ли он местом повторного использования, и как он вписывается в общую структуру памятника, проводится комплексный анализ структуры памятника с привлечением также стратиграфического и микростратиграфического анализа.

Пространственный метод имеет свои ограничения. Выводы достоверны только на памятниках с хорошо выраженной структурой, т.е. стоянках – результатах однократного посещения и кратковременного обитания. На памятниках со «смазанной» или невыявленной структурой, т.е. тех, которые неоднократно заселялись, степень достоверности невысока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонова Н.Б. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок // ВА. Вып. 71. 1983.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы. Автореферат дисс. ... док. ист. наук. М., 1994.

Леонова Е.В. Планиграфический анализ «дюнных» мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

О.И. Александрова, М. Хамакава
Институт археологии РАН, Москва
Московский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИКРОДЕБИТАЖА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II)

Основной целью проделанной работы стал функционально-планиграфический анализ микродебитажа на участке верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II, включающий классификацию микродебитажа, его трасологическое изучение и планиграфическое распределение. Одновременно были привлечены данные трасологического изучения скребков, найденных на этом же участке.

Был рассмотрен участок жилой площадки, расположенной в северо-восточной части памятника, характеризующийся высокой концентрацией кремневого и костного материалов, плотностью вмещающей породы и наличием нескольких очагов (рис. 1А). В работе использовались материалы, полученные в ходе раскопок 2006–2009 гг. и происходящие из основного слоя памятника. Была предпринята попытка выделить и изучить следы износа на микросколах и сопоставить полученные данные со следами износа на одной из категорий орудий, в данном случае – на скребках.

Термин микродебитаж в представленной работе применяется к мельчайшим кремневым сколам размером до 15 мм. Среди полученного микродебитажа трасологическому анализу было подвергнуто около 25 тыс. предметов. На микросколах был прослежен комплекс следов износа, включающий микрозаполировку, линейные следы, а также выкрошенность рабочей кромки.

В подавляющем большинстве случаев следы износа остаются на проксимальном конце микросколов. При этом необходимо отметить, что в зависимости от ряда условий и степени сохранности проксимального конца – ударной площадки микросколов – следы износа могут быть утрачены полностью или частично.

В ходе трасологического анализа микродебитажа были выявлены различные по виду и по сохранности блоки микроследов. С наибольшей долей вероятности был выделен блок микроизноса, характерный для работы с мягким материалом, – шкурами. Именно он стал предметом дальнейшего изучения. Также на исследуемом участке было выделено 12 скребков, на рабочих лезвиях которых, судя по проведенному трасологическому анализу, был выявлен микроизнос, характерный для работы по шкурам. Среди микросколов, изученных трасологически, внимание привлекли 153 предмета, микроследы на которых идентичны следам на скребках.

Описывая пространственную картину распределения микросколов со следами работы по шкурам, нужно отметить приуроченность этих микросколов к небольшому участку, ограниченному квадратами с-у/16-20. Значительное количество таких микросколов находится в приочажном пространстве, расположенном на кв. т/16-17 (около 40 предметов) (рис. 1В).

Причиной появления рассматриваемых микросколов, на наш взгляд, является намеренное их снятие с лезвий орудий. Эта гипотеза основана на следующих предположениях: а) почти на всех изучаемых материалах зафиксированы ударные бугорки, ударные площадки, свидетельствующие об их намеренном снятии. На дорсальной части большинства изучаемых микросколов отмечены грани и негати-

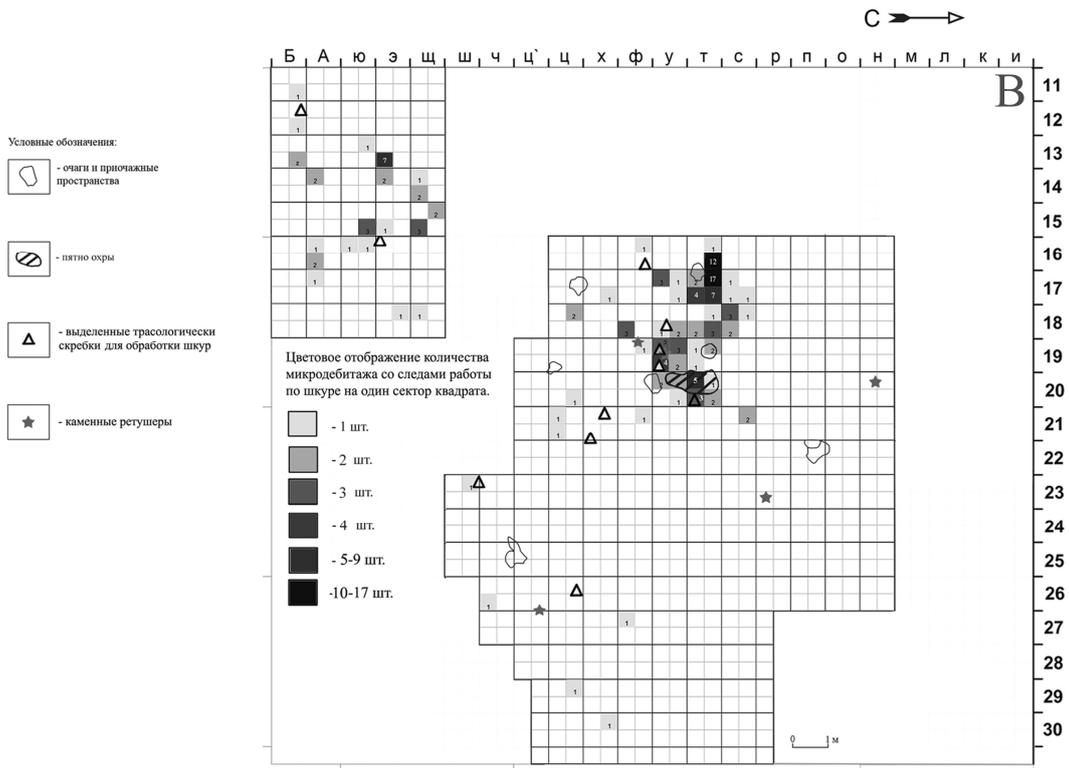
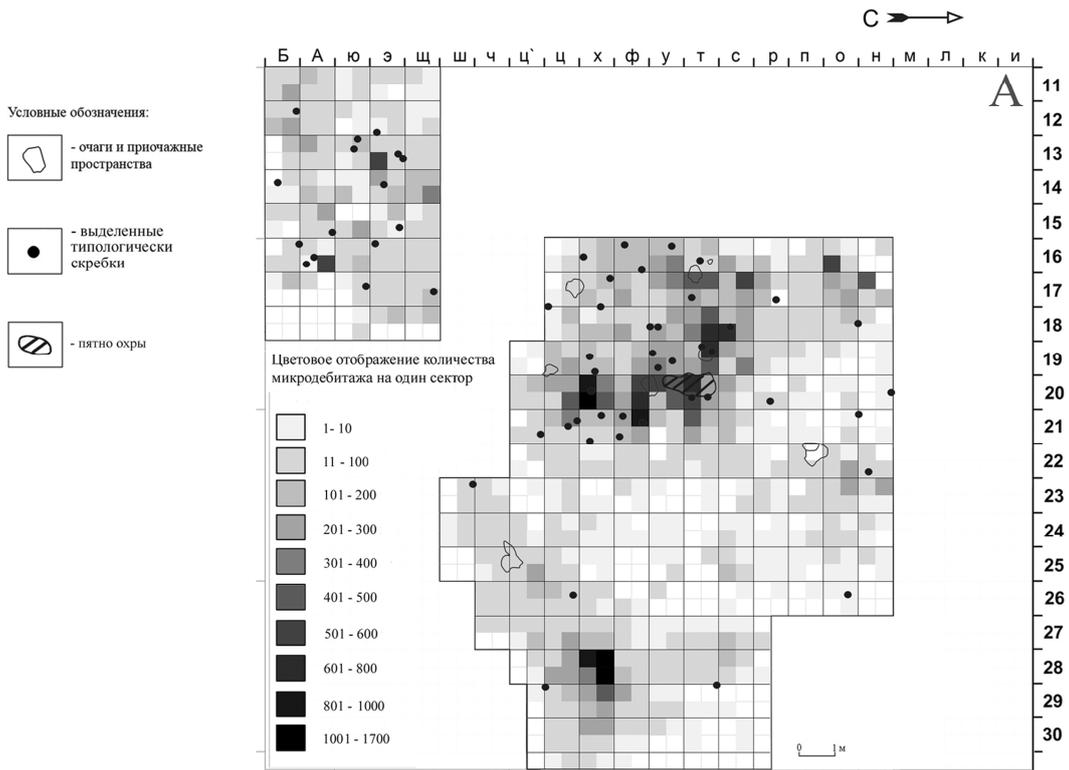

Рис. 1. А: Планиграфическое распределение скребков и микродебитажа на северо-восточном участке стоянки Каменная Балка II. **В:** Планиграфическое распределение скребков и микродебитажа, на рабочих лезвиях которых трасологически выделен блок микроизноса, характерный для обработки шкур.

вы предыдущих снятий; б) согласно ряду исследований (Семенов, 1957; Keeley, 1980; Акосима, 1989; Коробкова, Щелинский, 1996; Поплевко, 2007), работа по мягким органическим материалам не дает интенсивной выкрошенности, что подтверждается экспериментально; в) подновление лезвий орудий было вызвано необходимостью их последующего эффективного использования.

Интересным является и факт того, что скопление микродебитажа с описываемым видом износа и основная концентрация скребков находятся в непосредственной близости от большого пятна красной охры на кв. т-у/19-20. Археологические и этнографические исследования фиксируют связь между обработкой шкур и наличием красной охры (Keeley, 1980; Vaughan, 1985; Dubreuil, Grosman, 2009; Solas, 1924). Красная охра может служить в качестве натурального консерванта для шкур животных (Audoin, Plisson, 1982).

Подновление лезвий орудий непосредственно на месте обработки шкур – возможно, одна из причин находок на кв. т-у/19-20 микросколов со следами работы по шкуре и большого количества микродебитажа в целом, покрытого красной охрой. Можно предполагать, что высокая концентрация микросколов с износом, наблюдаемая на кв. т/16-17, объясняется тем, что здесь производилась подправка лезвий скребков. В то время как на кв. т-у/19-20, в месте распространения охры, непосредственно обрабатывались шкуры (рис. 1В).

На основании полученного пространственного распределения изучаемых микросколов и скребков можно предположить присутствие особого вида деятельности на участке – обработки шкур. Микросколы со следами рассматриваемого износа дают возможность говорить о наличии подправки лезвия сработанных орудий. Картина их пространственного распределения указывает на места, где она производилась, так как в отличие от орудий микродебитаж чаще всего остается “in situ” там, где происходила соответствующая деятельность (Леонова, 2006).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать некоторые выводы. В первую очередь была продемонстрирована возможность выделения следов износа на предметах микродебитажа. Представленный метод анализа кремневого материала позволяет выявить специфические места деятельности и скрытые объекты культурного слоя. Идентичный вид износа на предметах микродебитажа и скребках, а также их тяготение к пятну красной охры с большой долей вероятности позволяют предполагать специфическую деятельность, связанную с обработкой шкур и подновлением лезвий орудий, вовлеченных в этот процесс, на рассматриваемом участке стоянки. Помимо этого, весьма перспективен сравнительный анализ данных, полученных в ходе трасологического изучения микродебитажа и других категорий предметов, прежде всего орудий и заготовок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб., 1996.

Леонова Н.Б. Особенности формирования культурного слоя в жилищах и на жилых площадках // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Матер. науч. конф. М., 2006.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2007.

Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л., 1957 (МИА; № 54).

Keeley L.H. Experimental determination of stone tool uses. L.; Chicago, 1980.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

Комплекс стоянок и местонахождений эпохи позднего палеолита Каменная Балка располагается на восточной окраине хутора Недвиговка, Мясниковского р-на Ростовской обл., по бортам балки Каменной. Стоянка Каменная Балка II исследуется с 1958 г., раскопы, достигающие почти 2000 м², составляют единую площадь. Исследования проводятся экспедициями МГУ (Палеоэкология равнинного палеолита, 2006).

Верхний слой Каменной Балки II сформировался, по данным геолого-геоморфологических, палеопедологических, палеоботанических исследований и типологическому анализу археологического материала, около 13.5–12.0 тыс. л.н. Отсутствие углубленных очагов и относительная бедность фаунистических остатков не позволили провести достоверного радиоуглеродного датирования. Поселение было достаточно большим по площади, сейчас на нем раскопано около 1800 м². Культурный слой здесь очень тонок и достаточно беден, хорошо выявляется лишь на определенных участках. До сих пор не существует сколько-нибудь подробных публикаций по содержащимся в нем материалам. Введение их в научный оборот делает работу весьма актуальной.

В качестве основы “Описей кремневых находок” была составлена единая для всей стоянки база данных артефактов. Каждая запись соответствовала отдельному квадрату и содержала информацию о качественном и количественном составе находок.

Коллекция каменных изделий верхнего культурного слоя состоит из 8324 предметов. Среди них много 967 орудий (11.62% всех находок). Вообще же преобладают заготовки и отходы производства – отщепы и пластины – 2745 (32.98%) и 1972 (23.69%) предметов соответственно. Среди орудий больше всего резцов – 230 (23.78%), пластин и отщепов с участками ретуши и следами использования – 213 (22.03%), много скребков – 179 (18.51%) и микропластинок с притупленным краем (далее МППК) – 104 (10.75%).

Были построены планы распределения всех находок, орудий и отдельных категорий изделий. Из них следовало, что кремневые артефакты наиболее распространены в центральной, юго-западной, южной и восточной частях стоянки. В северной области стоянки находки располагаются разреженно.

На общем плане находок были обозначены квадраты со значимым превышением среднего числа находок. Что позволило выделить на территории стоянки 19 скоплений. Анализ состава скоплений и распространения отдельных категорий находок установил, что на площади стоянки совершался весь цикл обработки кремня. Три скопления могут быть интерпретированы как остатки жилой площадки. Это позволило отнести памятник, представленный верхним слоем, к базовой стоянке.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТЯНОЙ ИНДУСТРИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ

Изделия из кости, рога и бивня – один из важнейших источников для изучения культуры верхнего палеолита (Gvozdover, 1995). Планиграфия – анализ пространственного распределения предметов в культурном слое памятника – позволяет уточнить хозяйственную структуру стоянки, выделить различные скопления, определить размещение жилых и рабочих объектов, а также установить характерные для данного памятника сочетания категорий находок (Леонова, 1977). Предметом представленного исследования стала планиграфия костяных, роговых и бивневых предметов верхнепалеолитической стоянки Сунгирь.

Памятник расположен у восточной окраины г. Владимира, в бассейне Клязьмы. Основной массив радиоуглеродных дат располагается в промежутке от 25500 ± 200 (Gro-5425) до 28800 ± 240 (ГИН-9028) (Сулержицкий и др., 2000). Большинство исследователей относят стоянку к костёнковско-стрелецкой культуре, а некоторые отмечают в ее материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (Аникович и др., 2008; Бадер, 1978; Гаврилов, 2004; Григорьев, 2006).

Общие планы пространственного распределения всех обнаруженных в 1956–1977 гг. культурных остатков и различных групп сырья на территории стоянки Сунгирь опубликованы О.Н. Бадером (1978). Е.Д. Каверзнева изучала планиграфию отдельных категорий находок по материалам раскопов II и III (1985; 2004). А.Б. Селезнёвым были представлены результаты исследования, посвященного вопросам организации жилого пространства по планиграфическим данным распределения кремневых предметов (2008). Однако специального анализа расположения в культурном слое стоянки различных категорий костяных, роговых и бивневых изделий до сих пор проведено не было. Данное исследование — первая попытка рассмотреть планиграфию отдельных групп предметов (исключая предметы искусства, в том числе украшения) костяной индустрии стоянки Сунгирь.

За период с 1957 по 2004 г. была вскрыта площадь свыше 4600 м². Коллекция костяного инвентаря содержит 158 экз., из них из кости – 96, рога – 20, бивня – 42. Ввиду неполноты архивных материалов в рамках данного исследования было рассмотрено 104 экз.

При проведении анализа учитывались такие структурные элементы культурного слоя, как крупные скопления костей, кострища, очажные и ритуальные ямы.

Результаты планиграфического исследования костяной индустрии позволили охарактеризовать Сунгирь как, предположительно, сезонное охотничье стойбище с тремя хозяйственно-бытовыми зонами: ритуальной, производственной и площадкой, где не выделяются участки, характерные для того или иного рода деятельности. Между данными зонами прослеживается тесная связь как в орудийном наборе и сырьевой базе, так и в технологии обработки материала, что позволяет допустить относительную синхронность исследованных участков.

ВОЗМОЖНОСТИ МИКРОТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОРУДИЙ ИЗ ЗЕРНИСТЫХ ПОРОД

Трасологический метод анализа каменных орудий с его более чем полувековой историей и уверенными позициями в археологии продолжает развиваться. Одно из сравнительно новых его направлений – анализ орудий из зернистых пород (песчаник, кварцит, гранит, сланец и др.). Такие орудия присутствуют в индустриях археологических эпох от палеолита до средневековья и используются в самом широком спектре хозяйственных операций: изготовлении каменных и металлических орудий, обработке органических материалов (от шкур до продуктов питания), в качестве подставок, вместилищ и пр., при этом один и тот же предмет может выполнять разные функции. Для ранних эпох (палеолит–эпоха палеометалла) характерно использование в качестве орудия необработанной гальки, изъятой из природного окружения и подходящей по своим параметрам (размер, форма, зернистость, твердость породы) для той или иной работы. В исходном состоянии гальки имеют следы естественного происхождения, на которые впоследствии накладываются следы использования, которые и необходимо вычленивать в ходе анализа. Помимо этого, на поверхности сырья, состоящего из отдельных зерен, в отличие от таких однородных пород, как кремль или обсидиан не образуются обширных зон следов заполировок. Различимые на макротрасологическом уровне следы могут быть признаны информативными на этапе реконструкции кинематики движения, задействованной в работе. При этом понятно, что одна функция может быть реализована серией разных движений, и соответственно, может оставить комплекс разных следов.

Нами был применен метод анализа поверхностей описанных выше орудий под металлографическим микроскопом при значительных увеличениях ($\times 100$, $\times 200$, $\times 500$) для того, чтобы проследить изменения, происходившие с отдельными зернами сырья. При таком рассмотрении точечные удары (пикетажная обработка) по твердому материалу (например, при изготовлении орудий или дроблении твердой минеральной краски, руды) и точечные удары, неизбежно сопровождающие обработку мягкого материала (например, растирание растительности, когда в качестве подставки используется другой камень) лучше отличаются друг от друга. На данном этапе работы нами уверенно опознается заполировка на зернах породы от работы по коже (в том числе оставленная руками), заполировка “камень о камень”, деструкция зерен вследствие обработки кости и от ударов по твердому материалу, не сопровождавшаяся возвратно-поступательными движениями, пришлифовка поверхности вследствие естественных причин. Такие определения, не являющиеся в полном смысле функциональными, все же дают базовую информацию, способную стать основой определения конкретной роли артефакта в индустрии.

Не вполне ясной остается возможность идентификации обработки мягкой органики, поскольку, по нашим наблюдениям, пест-терочник и нижняя плита/ступа оказывают выраженное взаимное влияние, перекрывающее заполировку от растительности, в том случае, если она образуется.

Применяемая методика позволила нам уточнить описание пестов-терочников, происходящих с памятника верхнего палеолита Пушкири I, а также терочников для дробления и растирания медной руды с горно-металлургических памятников Картамышского археологического микрорайона эпохи бронзы.

Для функциональной атрибуции орудий трасологическим методом необходима представительная эталонная база. Для ее создания нами, с одной стороны, обрабатывается коллекция эталонных орудий экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, с другой – создается собственная, в чем-то дублирующая, в чем-то дополняющая существующую базу. В результате увеличатся возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых пород и уточнятся варианты функциональной атрибуции.

Е.В. Долбунова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ВОССОЗДАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СОСУДОВ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ КЕРАМИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА)

Глиняная посуда для большей части территории Восточной Европы – единственный археологически уловимый признак перехода к новой эпохе. Широкое распространение, способность отражать культурно-исторические процессы делают ее одним из самых важных источников в изучении процесса неолитизации указанной территории.

Изучение глиняной посуды подразумевает применение комплекса методов, включающего изучение технологии изготовления древней посуды, ее морфологии и орнаментации. Необходимо учитывать, что эти составляющие развиваются в своем ритме, являясь маркерами разных культурно-исторических процессов. Изучение выделенных признаков позволяет установить керамические традиции, свойственные разным культурам. Керамические традиции характеризуются набором определенных повторяющихся технологических операций, выработанных в течение жизни нескольких поколений, что и делает их культуроопределяющими.

Технология изготовления керамики – не новая тема, интерес к ней возник в конце XIX в. Исследования разных авторов в области этноархеологии показали наличие разнообразных технологических традиций, соотносящихся с культурными различиями, что и является фундаментальной моделью, основанием любого исследования. На основе представления о регламентированности технологического процесса, обусловленности его традициями, преемственностью между мастером и учеником любые перемены в технологии трактуются как показатели внутреннего переустройства быта, структуры общества.

Таким образом, цель любого исследования технологии изготовления посуды – выделение технологических традиций, определяющихся по высокой степени корреляции технологических операций. При реконструкции технологии изготовления глиняной посуды оперируют максимальным количеством признаков, определяющимся по дошедшим до нас фрагментам. Каждый из этих признаков занимает определенное место в цепочке операций и несет информацию о своем этапе изготовления сосуда.

Применение комплексного метода анализа позволило нам выделить несколько керамических традиций, существовавших в конце VII – VI тыс. на территории Днепро-Двинского междуречья (материалы сертейской культуры), Нижнего Подонья (материалы Ракушечного Яра), а также спроецировать их на известные материалы других культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы.

ОРГАНИЧЕСКИЕ ПРИМЕСИ В КЕРАМИКЕ НЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

В неолите Северной Месопотамии VII–VI тыс. до н.э. в керамических формовочных массах различными исследователями (Ф. Мэтсон, Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт, М. Ле Мьер, А.А. Бобринский, Ю.Б. Цетлин и др.) были зафиксированы органические примеси животного и растительного происхождения.

М. Ле Мьер разделила неолитическую керамику Ближнего Востока на три стадии развития. На первой стадии отмечается наличие растительной примеси, которая исчезает на второй. Появляется керамика с различными минеральными примесями (Телль Секер Эль Ахмар, Акарсай Тепе, расположенные в северо-восточной Сирии) (Nishiaki, Le Miere, 2005; Le Miere, 2009. P. 74). Позже в керамике “с примесью базальта” фиксируется растительная примесь, впоследствии полностью вытесняющая минеральную. На третьей стадии развития керамики растительная примесь преобладает, постепенно уменьшаясь.

Установлено также, что в период протохассуны (памятники Телль Сотто и Кюльтепе, третья стадия по М. Ле Мьер) в формовочные массы керамики вводился навоз крупного и мелкого рогатого скота в различном состоянии, в количестве 60% от общего объема (Бобринский, 1989; 2006. С. 415; Цетлин, 1993. С. 170).

В докладе изложены результаты изучения 50 образцов керамики от разных сосудов из 12-го (период архаической хассуны) и 7-го (период перехода от архаической хассуны к стандартной) горизонтов поселения Ярым-тепе I в Ираке (Мунчаев, Мерперт, 1981).

В керамике 12-го горизонта зафиксировано использование в формовочной массе: сухого навоза мелкого рогатого скота в концентрации 20–40% (доминирующая традиция) в сочетании либо с сеном, либо с подсушенной или свежей травой (0–40%); очень мелкой растительной примеси неясного происхождения в незначительной концентрации.

В керамике 7-го горизонта также отмечены две традиции использования органических примесей: сухого навоза мелкого рогатого скота (10–20%) в сочетании со специально обработанной подсушенной травой (концентрация 10–40%); очень мелкой растительной примеси в незначительной концентрации.

Таким образом, полученные данные, относящиеся к периодам протохассуны и хассуны, подтверждают вывод А.А. Бобринского о том, что “начиная с эпохи неолита и далее мы фиксируем тенденцию уменьшения роли такого сырья (навоза) в гончарных производствах” (1999. С. 81). В более раннее время ситуация представляется недостаточно изученной. Так как керамика с минеральными примесями, как было отмечено М. Ле Мьер, является привнесенной, то, возможно, где-то продолжают существовать носители гончарных технологий, использовавшие растительную примесь. В какой-то момент происходит смешение двух традиций, что зафиксировано на памятниках второй стадии развития керамики.

К.М. Андреев

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ КЕРАМИКИ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ БАССЕЙНА р. СОК)

В бассейне р. Сок на сегодняшний день известно шесть памятников, содержащих материалы елшанской культуры: Чекалино IV, Лебяжинка IV, Ильинка, Красный Городок, Нижняя Орлянка II, Большая Раковка II. Был проведен типологический анализ данных коллекций и установлен индекс родственности между ними. Локальное ядро микрорайона составляют стоянки Ильинка и Большая Раковка II, к которым, с одной стороны, примыкают материалы Лебяжинки IV, а с другой – Чекалино IV и Нижней Орлянки II. Данные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о хронологической преемственности памятников. На сегодняшний день известно 30 дат, имеющих отношение к елшанским материалам данных памятников (“старые” и “новые”). С применением различных типов датировок можно построить одинаково обоснованные хронологические схемы развития культуры микрорайона при неизменных типологических выкладках. Это наталкивает на мысль о недостаточной обоснованности либо типологии, либо методов датирования. Несмотря на накопление большого количества радиоуглеродных дат, ситуация с хронологией елшанских древностей не становится яснее. Для разрешения проблемы необходимо предпринять еще одну попытку массового радиоуглеродного датирования материала с привлечением более обширного круга научных центров.

А.В. Барацков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

ПРОБЛЕМА НОВОГО МЕТОДА ДАТИРОВКИ ПО НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

По новому методу каиршакские материалы продатированы начиная от первой четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов, 2008). А.В. Вискалин предлагает в качестве датировки вторую половину VI – начало V тыс. до н.э., а для тентексорских памятников – вторую четверть V тыс. до н.э., что “окончательно снимает тезис о местных истоках неолита” (Вискалин, 2010). Можно допустить, что каиршакские даты удревнены на 500 лет из-за резервуарного эффекта. Тогда они будут датироваться третьей четвертью VI тыс. до н.э. Новые даты по керамике Каиршака III относятся к последней четверти VI тыс. до н.э. Что касается соотношения Каиршака III и Каиршака I, то на последнем обнаружена трапеция со струганной спинкой – явно поздний признак.

Комплексы позднего неолита датируются от начала до середины V тыс. до н.э., т.е. они на 500 лет моложе. Их одновременность подтверждается и типологически, что не позволяет их синхронизировать. Генезис неолита Северного Прикаспия прослеживается по кремневым технокомплексам мезолита и неолита данного района (Козин, 2002; Кольцов, 2005; Горашук, 2007). Предположение А.В. Вискалина о смешанном характере каиршакских стоянок с мезолитом при тщательной проработке коллекций по типам сырья не находит подтверждения (Барацков, 2011). По возникновению керамической традиции допустимы два варианта: автохтонный или заимствованный. Последний, возможно, сопряжен с закавказским регионом.

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА - РАННЕГО ЭНЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

К настоящему времени благодаря целенаправленным работам А.Х. Халикова, В.П. Третьякова, В.В. Никитина для позднего неолита-энеолита Марийского Поволжья разработана концепция развития археологических культур. В связи с появлением серии радиоуглеродных дат возникает необходимость уточнить хронологическую составляющую данной схемы.

Эпоха позднего неолита-энеолита Среднего Поволжья характеризуется наличием нескольких групп памятников. Первую образуют памятники с ямочно-гребенчатой керамикой. В соответствии с радиоуглеродными датами хронологические рамки существования данных материалов в некалиброванном виде определяются началом – третьей четвертью IV тыс. до н.э., в калиброванном значении при вероятности 95.4 % составляют 5050–4050 BC, а при вероятности 68.2 % – 4940–4490 BC. Вторую составляют материалы волго-камской культуры. В настоящее время даты получены по материалам двух памятников волго-камской культуры Марийского Поволжья. Ограниченная выборка радиоуглеродных определений позволяет лишь ориентировочно наметить хронологическое положение данной группы первой четвертью – серединой IV тыс. до н.э. (в некалиброванном виде). Сумма интервалов дат в калиброванном значении при вероятности 95.4 % составляет 4950–4050 BC, а при вероятности 68.2 % разбивается на два диапазона – 4850–4600 и 4500–4250 BC.

Особое место в схеме развития с позднеэнеолитическими древностями Среднего Поволжья занимают материалы стоянки Старо-Мазиково III. Радиоуглеродные определения были получены по фрагментам сосуда, обладающего технико-типологическими признаками гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамики. Полученные даты в некалиброванном виде укладываются в рамки второй четверти IV тыс. до н.э. Сумма интервалов дат в калиброванном значении при вероятности 95.4 % составляет 4730–4340 BC, а при вероятности 68.2% – 4690–4400 BC.

Следующий этап неолитической эпохи Марийского Поволжья представлен памятниками красномостовского типа. Полученные даты по красномостовской керамике указывают на существование данных материалов в конце третьей четверти IV тыс. до н.э. в некалиброванном виде. В калиброванном значении их хронологические рамки определяются при вероятности 95.4% интервалом 4330–3950 BC, при вероятности 68.2% – 4240–3990 BC.

Время существования ранних волосовских памятников на территории Марийского Поволжья в некалиброванном виде определяется первой четвертью III тыс. до н.э. В калиброванном значении сумма интервалов дат для указанных материалов при вероятности 95.4 % составляет 4000–3350 BC, а при вероятности 68.2% – 3940–3520 BC.

Результаты радиоуглеродного датирования не только не противоречат периодизации позднего неолита-энеолита северных районов Среднего Поволжья, но и наглядно иллюстрируют периоды сосуществования и общую последовательность смены археологических культур, что может служить дополнительной аргументацией в пользу данной периодизации.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

А.А. Гончаров
Ruhr-Universität Bochum, Германия

КАМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

В лесной зоне Европы в эпоху раннего металла продолжают господствовать каменные и костяные наконечники стрел, но в комплексах степных и лесостепных культур Урала появляются медные и/или бронзовые формы.

Памятником, насчитывающим самую большую коллекцию наконечников стрел в уральском регионе, является пещерное святилище в Камне Дыроватом на реке Чусовой (Свердловская обл.). При раскопках Н.А. Прокошева (1932–1937) и Ю.Б. Серикова (1982–2000) были найдены 21700 наконечников стрел, датированных от мезолита до средневековья.

Ю.Б. Сериков интерпретирует комплекс Камня Дыроватого как межплеменной культовый центр, поскольку здесь встречены разнообразные типы наконечников стрел, характерные как для западного, так и для восточного склонов Уральского хребта.

Характер залегания наконечников стрел на Камне Дыроватом практически исключает стратиграфический анализ находок. Таким образом, их датировка возможна лишь по аналогиям в хорошо датированных комплексах.

Из части коллекции, хранящейся в археологической лаборатории НТГСПА (раскопки Ю.Б. Серикова), 805 определимых каменных экземпляров датируются эпохой раннего металла. Ещё 89 обломков имеют признаки, характерные для находок эпохи энеолита или бронзового века.

Среди каменных наконечников стрел эпохи раннего металла со святилища Камень Дыроватый выделяются 15 типов. Абсолютное большинство их изготовлены на отщепках. Лишь три наконечника так называемого кельтеминарского типа изготовлены на пластинах. Семь наконечников двух типов изготовлены из зеленоватого мелкозернистого шифера методом шлифовки.

Рассмотренные наконечники стрел имеют широкие аналогии в раннеметаллических комплексах на значительной территории как в Приуралье, так и в Зауралье. При этом наибольшее разнообразие типов характерно для начальных периодов эпохи раннего металла. Лишь наиболее простые и в комплексе Камня Дыроватого наиболее многочисленные треугольные и листовидные формы доживают до конца эпохи бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроновская культура. Ч.1. Памятники западных районов // САИ. 1966. В2-3.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. Вып. 99.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Т. 1. Челябинск, 1992.
- Калинина И.В., Ленц Г.Т., Сериков Ю.Б.* Дыроватый камень // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // ТГИМ. 1956. 29.

Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4.

Сериков Ю.Б. К вопросу об особенностях использования некоторых типов каменных наконечников стрел // 4-е Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Стефанов В.И. Могильник Товкутлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. В1-24.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

А.В. Фомичев

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета*

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ КУДУК-САЙ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

В августе 2010 г. отрядом Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ГОУ ОГУ проводились археологические разведки в пределах бассейна р. Киимбай, в Ясненском р-не Оренбургской обл. В ходе разведки было обследовано несколько поселений и некрополей эпохи поздней бронзы. Среди них следует выделить поселение Кудук-сай в верховьях р. Киимбай как подверженное наибольшим разрушениям. Оно представило материалы, связанные с металлопроизводством населения алакульской культуры в Восточном Оренбуржье.

Поселение Кудук-сай расположено на правом берегу р. Киимбай, в 300 м ниже устья оврага Кудук-сай на мысообразной площадке. В этом месте скалистые холмы, вплотную подходящие к берегу, отступают и образуют свободное пространство с небольшими увалами. Каменные конструкции поселения Кудук-сай представлены прямоугольными оградами разной степени сохранности. В северной части располагается ограда № 1, имеющая вид прямоугольника с тремя сторонами, маркирующимися разрозненными цепочками камней.

Наибольший интерес представляет ограда № 2, вокруг и внутри которой сделаны основные находки следов плавок металла (следы очагов, кусочки шлака, капли меди и т.д.). Ограда вытянута в широтном направлении и имеет вид прямоугольника 12×5 м, ее основная часть разрушена. Структура кладки ограды не монолитна, а представлена крупными и средними камнями, образующими непрерывный ряд. В обоих бортах оврага прослеживаются развалы конструкции из обожженных камней размером 2×2 м в форме неправильного четырехугольника. На краю восточного борта четко прослеживается северо-восточный угол конструкции, в котором встречены скопления руды, аналогичной образцам с Еленовского месторождения. В западной сохранившейся части ограды на дневной поверхности поселения встречены скопления шлака, мелких обожженных костей, а также фрагменты керамики. Шлак черного цвета аморфной формы с плавными очертаниями, структура пористая с вкраплениями окислов меди.

Следует отметить, что для данного региона поселения, связанные с металлургической деятельностью населения, не единичны. Подобные комплексы изучались в 60-е годы XX в. Е.Е. Кузьминой на поселениях Шандаша (ограда II), Ушкатта II.

Однако в предшествующий период особого внимания данной проблеме не уделялось. На современном этапе использование естественнонаучных методов (анализы руд и продуктов металлургического передела при помощи микронзондового, рентгеновского, рентгено-флюоресцентного, оптического видов анализов) для изучения подобных комплексов позволяет выйти на уровень археометаллургических реконструкций и воссоздать ясную картину развития металлургии в регионе.

А.И. Самсонова

Институт археологии РАН, Москва

ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛИЩ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ДМИТРИЕВСКАЯ СЛОБОДА II

Изучение системы жизнеобеспечения древних обществ – одна из самых сложных задач в археологии, имеющей дело только с материальными остатками и фрагментами жизнедеятельности человека. Археологи сталкиваются с остатками жилищ в виде ям, впадин и других элементов, зачастую трудно связываемых в единый комплекс, не то что распознаваемых как жилища. Поэтому так интересны находки остатков жилых построек на поселении бронзового века Дмитриевская Слобода II, раскопанного экспедицией Института археологии РАН в 2006–2007 гг. на окраине г. Муром.

Поселение располагалось на второй надпойменной террасе коренного левого берега Оки. По керамическому комплексу памятник отнесен к поздняковской культуре. Соотносятся с такой атрибуцией и радиоуглеродные даты – они укладываются в возраст 1700–1500 гг. до н.э.

Культурный слой на поселении представлен легкими супесями, которые хорошо промывались в течение тысячелетий, сохранив до нас *in situ* только материковые ямы. Однако эти ямы имеют четкую систему расположения, определенные размеры и глубины, что позволяет увязать их в единые комплексы. Поэтому анализ планиграфии ям, их размеров, глубин, характера заполнения в совокупности с планиграфией находок дают возможность реконструировать жилища.

Одно из жилищ – прямоугольной формы, вытянутое с запада на восток, т.е. длинной осью расположено перпендикулярно реке. Его размеры – 20×13 м, общая площадь – 260 м². Западная часть постройки была заглублена на 0.5 м в естественный материковый склон, что объясняется общим уклоном площадки к реке. Поэтому пол был покатым с запада на восток, однако ровный, без каких-либо уступов. Средний перепад высот – 107 см. Зафиксирована 71 столбовая яма глубиной от 25 до 126 см и диаметром от 20 до 90 см. Это ямы от центральных несущих столбов, от опор каркаса, располагавшиеся по периметру постройки через четкие промежутки, и от дополнительных подпорных столбов, игравших второстепенную роль. В центральной части жилища отмечены два пятна прокала незначительной мощности (до 5 см) на расстоянии 2 м друг от друга. Во внутреннем пространстве сооружения найдены сосуды, которые были прикопаны и располагались достаточно далеко от столбовых ям и очагов, – косвенное свидетельство наличия перегородок внутри жилища, следы которых не сохранились.

Второе жилище имело подтрапцевидную форму, вытянутую по линии СЗЗ–ЮВВ. Длинная ось составляет 15 м, короткая – 10, таким образом, площадь сооружения равняется почти 140 м². Пол в западной части ровный, в восточной

имеет уклон к реке, перепад – 74 см. С этой постройкой связано 40 столбовых ям глубиной от 20 до 108 см. Наиболее глубокие ямы, располагавшиеся по длинным сторонам жилища, вероятно, держали его каркас, причем длинная северная стенка была укреплена вторым рядом столбов. В центральной части на равном расстоянии друг от друга зафиксировано восемь менее глубоких ям. По центру жилища располагалась очажная яма размером 149×141 см с прокалом мощностью до 20 см. Рядом найдено четыре раздавленных сосуда. На расстоянии 1 м от очага имеется вторая яма, заполненная прокаленными камнями, с углистым слоем мощностью до 7 см на дне. С северной стороны жилища отмечены столбовые ямы, которые, на наш взгляд, можно связывать либо с пристройкой, либо с конструкцией входа. При этом реконструируемая пристройка пререзает первое жилище, что свидетельствует об их одновременности.

Исследования показали, что для поздняяковской культуры характерны жилища столбовых конструкций с немного заглубленным котлованом. Наиболее близкие аналогии вышеописанным сооружениям известны на поселениях Наумовка и Подборновское. Схоже с объектами поселения Дмитриевская Слобода II и внутреннее пространство описанных в литературе поздняяковских жилищ, на которых зафиксированы два очага с прикопанными вблизи большими сосудами. Однако следует отметить, что все исследованные жилища поздняяковской культуры даже в рамках одного поселения имеют свои особенности. Это объясняется как особенностями рельефа, так, вероятно, и существующими на разных этапах жизни поздняяковского поселка традициями.

А.В. Бондаренко

Институт археологии РАН, Москва

НАРУШЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В отечественной историографии уже не раз поднимался вопрос о погребениях с измененной анатомической последовательностью расположения костей. Однако некоторые вопросы терминологии до сих пор остаются непонятными. Одной из наиболее удачных разработок в этой области можно считать опыт О.В. Зайцевой.

К самым распространенным относятся такие термины, как вторичный, расчлененный, парциальный, партитивный, частичный, неполный, ограбленный, ритуальное вскрытие.

Вторичное погребение предполагает перемещение или перезахоронение человеческих останков в любом их состоянии (от сохраняющих мягкие ткани до полностью скелетированных).

Расчлененное погребение – результат преднамеренного разделения тела сразу после смерти или в момент смерти человека. Расчленение могло производиться как по суставам, так и непосредственно по костям.

Парциальное (партитивное, частичное, неполное) погребение предполагает помещение в могилу только части тела умершего или его костных останков и может быть частным случаем вторичного (если после первичного захоронения или выставления были собраны не все кости) или расчлененного (захоронение определенной части трупа) погребения (по: Зайцева, 2005. С. 9, 10).

Большая часть разрушенных погребений называется исследователями ограбленными. Однако вскрытие могилы может быть результатом целого ряда дей-

ствий. Это и ограбление, и ограбление-осквернение, и вскрытие в целях проведения завершающих действий погребально-поминального цикла, и посещение могилы во время проведения ритуалов, не относящихся к погребальным, но связанных с потусторонним миром (например, обрядов инициации или общения с умершим), и вскрытие могил для изъятия костей или проведения манипуляций с инвентарем, и изъятие сакральных предметов, возвращение себе или покойному долга, подкладывание забытых вещей.

Таким образом, ни термин ограбленные, ни его интерпретацию нельзя признать удовлетворительными. Мы предлагаем объединить комплексы, в которые с разными целями могло совершаться проникновение, под термином нарушенные.

Нарушенным называется погребальный комплекс, в котором фиксируются следы древнего постингумационного проникновения: изменение стратиграфии заполнения, анатомически правильного положения костей и первоначального положения инвентаря в могиле. Нарушение стратиграфии определяется несколькими признаками: изменение контура могилы и наличие пятен в зачистке; разрушение стенок погребальной камеры; визуальная фиксация шурфа в разрезе погребения; разноуровневое положение костей и инвентаря в заполнении.

Во вторичных, расчлененных и парциальных погребениях фиксируются скопления костей или разрозненные останки, расположенные на одном уровне заполнения. Как правило, нарушения стратиграфии в таком случае могут быть вызваны природными факторами – деятельностью животных, растений или хозяйственным освоением территории могильника – например, перерезание могилы котлованом жилища или поздним захоронением. Именно эти признаки отличают нарушенное погребение от вторичного. Однако далеко не всегда в погребении фиксируется четкая стратиграфия, а в большинстве случаев шурф может не задеть стенок могилы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

М.В. Ивашов

Липецкий государственный педагогический университет

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИКОЛЬСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ В 2010 г.

В августе 2010 г. под руководством автора осуществлялись археологические исследования Никольского грунтового могильника эпохи бронзы (правый берег Дона, напротив с. Липовка Задонского р-на Липецкой обл.).

Памятник был выявлен в 1949 г. местными жителями при разработке карьера на берегу реки. Информация о нем была передана в Воронежский краеведческий музей А.Н. Москаленко, которая и провела первые раскопки могильника. В 2005–2006 гг. памятник, считавшийся уничтоженным, был повторно выявлен автором доклада; на нем было изучено 128 м², обнаружены четыре детских погребения и 17 археологически реконструируемых сосудов разных культур эпохи бронзы (Ивашов, 2007).

Цель работ 2010 г. – изучение северной части могильника, выявление границ распространения погребений и карьера, уничтожавшего памятник, комплексная обработка выявленных материалов.

Раскоп 2010 г. (100 м²) был прирезан к раскопам 2005–2006 гг. В результате исследований на небольшой глубине (30–40 см от дневной поверхности) было выявлено три детских погребения: два абашевской культуры и одно срубной. Хорошей сохранностью и инвентарем выделяется одно из двух погребений абашевской культуры: погребенный – ребенок 11–12 лет – уложен на левый бок, головой на север, руки вытянуты вдоль туловища, кисти располагались в районе таза, ноги согнуты в коленях. Перед его лицом находился небольшой горшковидный сосуд, украшенный широкой проглаженной линией по шейке, под которой палочкой с намотанной веревочкой в “шагающей” манере были нанесены две параллельные горизонтальные зигзагообразные широкие линии; в тесте сосуда была отмечена значительная примесь раковины. В районе колен погребенного выявлен бронзовый нож с сильно сработанным лезвием и разделенным вдоль черешком. Два других погребения были представлены сильно фрагментированными костями черепа и отдельными мелкими костями конечностей, из инвентаря присутствовали лишь сосуды. В захоронении срубной культуры – небольшой баночный сосуд с примесью песка, крупного шамота и небольшого количества охристой крошки без орнамента, а в захоронении абашевской – приземистый горшок, орнаментированный зигзагообразной линией в верхней части тулова, нанесенной торцевой частью широкой палочки. Под этим орнаментом располагалась также зигзагообразная горизонтальная линия из гладкого штампа, в тесте сосуда была зафиксирована значительная примесь толченой раковины.

Кроме погребений в слое выявлено более 10 венчиков, 5 днищ и около 70 стенок, относящихся к керамике срубной и абашевской культур, отдельные человеческие кости и кости животных, по-видимому, являвшихся остатками разрушенных распашкой погребений. Данные находки и погребения концентрируются в южной части раскопа 2010 г., что позволяет предположить, что северная часть могильника локализована.

В восточной части раскопа был выявлен край карьера (по словам местных жителей), согласно отчету А.Н. Москаленко он разрабатывался с начала XX в. В заполнении карьера выявлены многочисленные поздние предметы, фрагменты железной арматуры. На самом краю был выявлен интересный этнографический комплекс – горн для обжига кирпича, датируемый концом 30-х – 40-и годами XX в.

В результате работ 2010 г. была определена северная граница могильника, обнаружено три детских погребения, одно из которых пока единственное в своем роде, так как на территории Подонья не найдено других детских грунтовых погребений с бронзовым ножом. Полученные в ходе исследований материалы обработаны в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, отделе физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, лаборатории естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН.

Исследования выполнялись при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта (№10-01-73701е/Ц).

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КАЗАЧЬЯ ГУБЕРЛЯ I

В 1996 г. отрядом Орской археологической экспедиции под руководством О.Ф. Бытковского были проведены охранные раскопки могильника Казачья Губерля I. Он находится в Гайском р-не Оренбургской обл., в 1 км восточнее п. Губерля (среди местного населения бытует название Казачья Губерля). Памятник расположен на уплощенной части долины, окаймленной с юга, юго-востока и юго-запада невысокими горами, а с северо-востока, севера, северо-запада и запада – руслом р. Губерля (правый приток Урала). Территория могильника ежегодно распахивается, вследствие чего большая часть насыпей сильно разрушена. В 1992 г. было зафиксировано 13 каменно-земляных курганов и каменных оград с невысокой земляной насыпью внутри. Некрополь слегка вытянут с ЗСЗ на ВЮВ.

В результате работы отряда было исследовано четыре объекта – № 2–5. К эпохе поздней бронзы относятся ограды № 2, 4, 5 (погребения 1–4). Анализируя характер надмогильных конструкций, погребальных ям, расположение и ориентировку погребенных, погребальный инвентарь, можно с определенной уверенностью отнести данные захоронения к алакульской культуре эпохи поздней бронзы, традиционно датируемой XV–XIII вв. до н.э. Керамика в погребениях имеет много общего с посудой могильников, расположенных на сопредельных территориях, а также в бассейне р. Орь. По ряду признаков ее можно соотнести с керамикой, обнаруженной в могильнике Кожумберды, следовательно, считать кожумбердынской. Весьма интересным является погребение 1 кургана 4, содержащее кремацию на стороне. Погребальный инвентарь также представлен неординарным керамическим сосудом.

На территории распространения погребальных памятников, имеющих кожумбердынскую керамику, случаи кремации весьма редки. На данный момент известно восемь случаев кремирования умерших на стороне, относящихся к эпохе поздней бронзы: Тасты-Бутак I, кург. 53; Тасты-Бутак I, кург. 56; Ушкаттинский I, кург. 15; Хабарное I, кург. 1; Хабарное I, кург. 14; Казачья Губерля I, кург. 4, погр. 1; Восточно-Курайли I, кург. 12; Мечет-Сай, кург. 4, погр. 1. Проявление обряда кремации в алакульских памятниках традиционно связывают с влиянием носителей федоровской культуры. Кроме того, федоровские черты прослеживаются и в керамике десятков некрополей эпохи поздней бронзы, которую, как было сказано выше, исследователи называют кожумбердынской. Погребальные памятники подобного облика распространены в бассейн р. Орь, а также на прилегающих с севера, северо-запада и юга территориях.

На данный момент для комплексов могильника Казачья Губерля I можно привести ряд аналогий: могильники Хмелевский, Казачья Губерля II, Малокайлинский, Ново-Аккермановский, Хабарное I, II, Ишкиновка I–III, Гурюльдек, Каргалинский I, Киргильда I, II, Урал-сай, Шаншар. Представленные некрополи сближает целый ряд признаков. Надмогильные конструкции в подавляющем большинстве случаев сооружены с использованием каменной ограды. Ориентировка ям и голов погребенных преимущественно широтная, в западном или юго-западном направлении. Погребенные располагались скорченно на левом боку. Погребальный инвентарь представлен в основном керамикой и украшениями. Весьма редко наличие в качестве погребального инвентаря орудий труда.

Таким образом, очевидно, что могильник Казачья Губерля I относится к алакульской культуре эпохи поздней бронзы и может быть датирован серединой II тыс. до н.э.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00147-а

А.И. Хаванский

Институт археологии РАН, Москва

СИНТАШТИНСКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ И ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ КЕРАМИКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Доклад посвящен сравнительному анализу керамики из синташтинских могильников и поселений. В ходе анализа использовались данные об орнаменте и форме, о 538 археологически целых сосудах из погребений и о 311 сосудах из поселений.

Исследование орнамента проходило по методике Ю.Б. Цетлина (2008), формы – по авторской методике (Хаванский, 2004; Ткачев, Хаванский, 2006). Синташтинский орнамент был проанализирован на таких стилистических уровнях, как элементы, узоры, мотивы. Близость погребальной и поселенческой синташтинской керамики наглядно показывает коэффициент сходства (КС).

Керамике из поселений присуще более частое использование мотивов из элементов. Реже встречаются мотивы из узоров в виде волны или дуги и ромбов. В целом орнамент на поселенческой керамике имеет более монотонный характер. Среди форм встречаются преимущественно горшечно-баночные. Вероятнее всего, эта посуда была тарной и частично кухонной, так как в высоту горшечно-баночные сосуды бывают до 30 см и более, а объемом – до 50 л (Зданович, Малютина, 2004. С. 76).

Для посуды из могильников характерно преимущественное использование узоров из лент, валиков, шишечек, крестообразных узоров. На ней чаще присутствуют простые мотивы из узоров (прежде всего геометрических), а также сложные мотивы. Это придает данной посуде более нарядный вид. Для погребений свойственны миниатюрные острореберные сосудики и кубки. Возможно, они были не погребальной, а ритуальной посудой, поэтому ее берегли, и она редко встречается в культурном слое поселений.

Наибольшее сходство между синташтинской керамикой из погребений и поселений прослеживается на уровне элементов (91%) и мотивов (87%). На уровне узоров сходство не столь велико (72%), еще меньше оно на уровне формы (63%).

Таким образом, посуда для погребений не изготавливалась синташтинцами специально, использовалась обычная бытовая посуда. К аналогичному выводу приводят и исследования нагаров и пригаров на синташтинской керамике из могильников и поселений (Гайдученко, Зданович, 2002; Епимахов, Епимахова, 2003). Наиболее доказательные выводы о хронологических изменениях и культурных контактах можно получить, опираясь на изучение элементов и мотивов орнамента. Именно эти уровни орнаментации не имеют сильных отличий на посуде из поселений и погребений. Данные, полученные по результатам анализа узоров орнамента и формы сосудов, не так надежны, поскольку соотношение различных узоров и форм сосудов достаточно сильно варьируется на поселениях и в могильниках.

Выражаю сердечную благодарность Г.Б. Здановичу и Д.Г. Здановичу за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами поселения Аркаим.

**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ
КОМПОЗИЦИИ ДВУХ ГРУЗИКОВ СТОЯНКИ КОРАБЛИНО
(ЭПОХА ПОЗДНЕЙ ЛЕСНОЙ БРОНЗЫ)**

Орнаментация – важнейший информативный компонент в описании и интерпретации археологических источников. Орнаментальные композиции несут и смысловую нагрузку. В частности, в рамках исследований срубной и поздняяковской археологических культур было установлено, что орнаментация сосудов, на которых имеет место “сбой” орнаментальной полосы, может нести календарную семантику. В рамках программы рассматривались исключительно сосуды, хотя это и не исключает того, что орнаменты могут быть обнаружены на других предметах, в частности, на грузиках. В отличие от последующих эпох грузики культур лесной бронзы не были широко изучены. В связи с этим две находки, происходящие со стоянки поздней бронзы Кораблино (Рязанский р-н, Рязанская обл.) и интерпретированные как грузики с нестандартным орнаментом, вызывают особый интерес.

На самой стоянке выделяется два разнокультурных комплекса находок эпохи бронзы: позднего варианта поздняяковской культуры и культуры ранней сетчатой керамики (материал еще не опубликован). По всей вероятности, оба грузика относятся к разным комплексам. Если для орнаментального узора одного из них можно найти широкие аналогии в материалах памятников срубного мира, то для второго это проблематично (правда, возможно, это лишь единичный случай).

Задача работы состоит не в детальной трактовке семантики данного орнамента – для этого двух принадлежащих разным культурам находок недостаточно. Изучение иррациональной стороны жизни древнейших обществ требует взвешенного и осторожного подхода. В данном случае экстраполяцию имеющихся выводов на иную категорию находок и культурную принадлежность следует рассматривать не как утверждение, а лишь как предложение и вариант для дальнейшего изучения вопросов духовной жизни человека в эпоху бронзы. В свою очередь, решение подобных вопросов во многом определяет понимание этнических процессов, происходящих в указанную эпоху.

Выражаю глубокую признательность И.В. Белоцерковской и И.Р. Ахмедову за возможность использования неопубликованных материалов.

А.Е. Митряков
Удмуртский государственный университет, Ижевск

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ЯМОК НА ПЬЯНОБОРСКОЙ ПОСУДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БАРАНОВСКОГО III ПОСЕЛЕНИЯ)**

Барановское III поселение расположено в Каракулинском р-не Удмуртской Республики на правом берегу Камы в 1.8 км к юго-западу от д. Нырғында. Памятник открыт в 1969 г. разведочным отрядом Нижнекамской археологической экспедиции под руководством А.В. Прокопова. В 1996 г. на нем были проведены охранные спасательные работы отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Н.А. Лещинской. На памятнике было заложено три раско-

па общей площадью 380 м², в результате удалось выявить два слоя, предварительно отнесенных к ананьинско-пьяноборскому времени и XIX–XX вв. Основную массу находок составила лепная посуда и кости животных. Коллекция керамики насчитывает более 600 фрагментов, для 42 сосудов возможно установить диаметр и профилировку верхней части, полные формы отсутствуют.

По форме и орнаментации в коллекции лепной посуды предварительно можно выделить три группы. Группа 1 (5 экз): сосуды с невысокой слабоотогнутой (по В.Ф. Генингу) шейкой диаметром 20–25 см, орнаментированные шнуровыми оттисками в сочетании с рядом ямок в нижней части шейки. Орнамент представлен горизонтальными линиями и “волной” в нижней части орнаментального поля. Тесто сосудов темно-серого цвета с обильной примесью толченой раковины, поверхность грубо заглажена. Группа 2 (4 экз): слабопрофилированные сосуды диаметром 16–25 см, на 2–4 см ниже среза венчика нанесен ряд ямок, выше них – небольшие парные жемчужины. На сколах можно видеть, что жемчужины перекрывают узкое (диаметром 1–2 мм) отверстие, проходящее практически через всю стенку и оканчивающееся в 1–2 мм от внутренней ее поверхности. Тесто сосудов темно-серое с примесью толченой раковины, поверхность хорошо заглажена, в одном случае заложена. Группа 3 (33 экз.): сосуды диаметром 17–36 см, с низкой и средней слабо- и среднеотогнутой шейкой и невысокими плечиками. На уровне 1.5–4.0 см от среза венчика по внешней поверхности нанесен ряд одиночных ямок округлой, реже неправильной формы. Тесто серого цвета с примесью толченой раковины, цвет поверхности – от светло-коричневого до темно-серого, в ряде случаев поверхность подлощена.

По аналогиям в прикамских памятниках (Степановское, Зуевключевское I, Момылевское городища) первые две группы могут быть предварительно датированы позднеананьинским временем (до III в. до н.э.), третья – пьяноборским (до III в. н.э.).

Наиболее интересным в керамическом комплексе является большое количество сосудов со сквозными отверстиями, сделанными на основе ямок. К ним относится 13 из 33 (почти 40%) пьяноборских сосудов и 1 сосуд первой группы. Анализ расположения отверстий на черепке показывает, что они всегда находятся у его края, а в случае, когда два фрагмента стыкуются по старому сколу, располагаются по обеим его сторонам. Это позволяет полагать, что данные отверстия предназначались для ремонта сосудов путем стягивания их растительными волокнами или металлическими скобами, а ямки на шейке являются не только и не столько элементами орнамента, сколько технологическими элементами – “заготовкой” для отверстия. Возможно, аналогичную функцию несли и отверстия в стенках сосудов второй группы, скрытые жемчужинами.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И АНТИЧНОСТИ

О.А. Брилева

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

ГИГАТЛИНСКИЙ КЛАД И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Фигурка “гигатлинского воина” стала известна после споров, разгоревшихся вокруг ее атрибуции. М.В. Горелик по деталям одежды и оружию трактовал статуэтку как “кавказское изображение знатного скифского воина, вооруженного скифским акинаком, малоазийским щитом и шлемом, относящимся к закавказско-северозападноиранско-северомесопотамскому кругу” и датировал ее второй половиной VII – VI в. до н.э. (1987. С. 52). О.М. Давудов увидел в ней воплощение скифского божества Таргитая (1987. С. 55–57), а М.С. Гаджиев – “воплощение местного божества воителя, героя” в сасанидский период III–VII вв. н.э. (1997. С. 227; 2001. С. 83).

В пылу научной дискуссии были позабыты обстоятельства находки статуэтки. Она поступила в 1971 г. в Дагестанский краеведческий музей от председателя Гигатлинского сельсовета Цумадинского р-на Абдуллаева. Колхозник М. Мусаев нашел пять лежащих рядом бронзовых фигур людей (воин, две женщины в короне, всадница и уплощенная статуэтка женщины) и бронзовый диск на террасированном склоне в 2 км к северу от с. Гигатльурух, на левой стороне старой дороги, ведущей в с. Гигатль. Остатков каких-либо строений в окрестностях обнаружено не было. О.М. Давудов место находки клада предположительно обозначил как “святилище, связанное со скифским пантеоном” (1991. С. 73). Однако святилища на Кавказе встречаются только на вершине горы и никогда – на склоне. М.С. Гаджиев обозначил его как “культовое место” (2001. С. 76). Отметим, что это единственная находка статуэток на террасированном склоне. Обычно их находят на вершине горы или у ее основания. Будет логичным считать находку пяти фигурок и диска кладом, обозначив его как гигатлинский.

В первой публикации автор отметил однотипность фигурок и схожую технику их обработки, отнеся комплекс к средневековому периоду (Кажлаев, 1972. С. 3, 4). Спустя 14 лет фигурки были опубликованы В.И. Марковиным (1986). В его сводных таблицах женщина в короне и воин происходили из Гигатля, а остальные две фигурки были обозначены “без точного местонахождения”. К этому времени вторая фигурка в короне успела исчезнуть из музея.

Привлекает внимание неравномерное половое распределение статуэток в рамках одного клада: на одну мужскую приходится четыре женских. Известные нам клады найдены только с мужскими (гамдлицкаройский, казбекский) или парными (бамборский) фигурами. Такое половое распределение фигурок находит аналогию лишь в погребении 1921 г. из Каратинского могильника VI–IX вв. (Исаков, 1966. С. 87. № 1071. Табл. 11, 1–5), где представлена плоская односторонняя пластика в виде одного ферта (мужчины) и четырех адорантов (женщин).

Бронзовая круглая ажурная бляха выставлена в экспозиции Дагестанского исторического музея вместе с фигурками. По внешнему виду она близка материалам грунтовой могилы 1 Урцекского некрополя III–I вв. до н.э. (Гаджиев, 2002. С. 102. Рис. 50, 21). Подобные бляхи встречаются также в Шаракунском и Черкез-

Кутанском могильниках. М.С. Гаджиев датирует их раннеалбанским временем (1990. С. 56, 57), а О.М. Давудов – скифским (1974. С. 75, 96). Отметим еще два случая, когда находки фигурок сопровождалась бронзовыми бляхами: близ с. Хупро – “две бронзовые фигурки человека и круглая медная бляха” (Искаков, 1966. С. 90); на горе Кидилашани – 50 бронзовых человеческих статуэток (одна из них представляет вторую объемную фигуру человека в одежде), олень, а также бляха бронзовая и много бронзовых украшений (Мегрелидзе, 1951.С. 286).

Сочетание ранних и поздних признаков, характерных для металлопластики разных эпох, в одном комплексе (т.е. плоских (поздних) и объемных (ранних) фигур, изображенных в одежде и обнаженных), весьма необычно. В то же время единый стилистический прием изображения глаза в виде подковы, применяющийся в моделировке лиц у всех статуэток и больше нигде не встреченный, может свидетельствовать об их происхождении из одной мастерской. Взаимовстречаемость уплощенных и объемных скульптур становится объяснима, если воспринимать гигатлинский клад как памятник переходного периода от объемной к уплощенной, а затем и к односторонней скульптуре. Уплощенная, но еще не односторонняя скульптура фиксируется в III–V вв., а с VI в. отмечается только плоская односторонняя пластика. Таким образом, гигатлинский клад относится к периоду, предшествующему VI в., но недалеко отстоит от него, так как сохраняет количественное соотношение мужских и женских статуэток, а также сочетание фигурок с бронзовой бляхой.

О.И. Куринских

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ У с. ПОКРОВКА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ИЛЕКА

В районе с. Покровка, расположенного на левом берегу р. Хобда, левого притока р. Илек, экспедицией Института археологии в период с 1992 по 2002 гг. было исследовано пять могильников, содержащих разновременные захоронения. Из 180 погребений, относящихся к VI–I вв. до н.э., мечи и кинжалы были обнаружены в 41 погребении. В 29 (71%) из них наряду с мечами и кинжалами были также встречены наконечники стрел (Курганы..., 1993–1996).

Захоронения с клинковым оружием, как правило, принадлежали мужчинам (85%), и только в трех случаях зафиксированы одиночные женские погребения (7.5%), а в двух (5%) – подростки (половозрастные определения Л.Т. Яблонского).

В некоторых погребениях встречались в сочетании меч и кинжал или два кинжала, поэтому в выборку из 41 погребения вошел 51 предмет вооружения.

Экземпляры клинкового оружия, учитывая опыт построения типологических классификаций на основе признаков, характеризующих формы наверший и перекрестий, были распределены по типам. Полученные типы, с учетом комплексов находок, в которых они были обнаружены, вошли в хронологические группы, выделенные нами ранее на основе анализа взаимовстречаемости типов наконечников стрел (Куринских, 2010. С. 218–221). В результате мы получили картину распределения различных типов клинкового оружия в погребениях ранних кочевников начиная с V в. до н.э. и до рубежа эр.

Взаимовстречаемость типов мечей и кинжалов в разные хронологические периоды выглядит следующим образом. В погребении второй половины V в. до

н.э. был обнаружен экземпляр с узким бабочковидным перекрестием и навершием в виде широкого бруска. Подобные типы мечей и кинжалов, как считается, характерны, скорее, для скифской территории, но также широко встречаются в Поволжье и Приуралье в V – начале IV в. до н.э.

В последующее время – с конца V по рубеж IV–III вв. до н.э. – набор типов клинкового оружия становится более разнообразным. Распространяются формы перекрестий от узких бабочковидных и дуговидных до узких прямых брусков в сочетании с широкими и узкими брусковидными, волютообразными и антенновидными навершиями. Подобные типы в литературе еще называют «переходными», имея в виду сочетание старых заимствованных форм элементов эфеса с новыми, местными, появляющимися в среде ранних кочевников.

Более однообразен набор типов оружия в следующий период, к которому относится больше всего погребальных комплексов Покровки, – начиная с III по рубеж II–I вв. до н.э. Самым представительным в это время является массив находок с классическими чертами «прохоровского меча», т.е. с узким прямым перекрестием и серповидным навершием. Кроме того, встречаются экземпляры с антенновидным навершием, а в конце указанного периода появляются мечи и кинжалы с кольцевыми навершиями.

В последних веках до н.э. распространение получают мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, но продолжают бытовать и экземпляры с серповидными и антенновидными навершиями. В этот период ранние кочевники из Покровки также начинают использовать клинковое оружие без наверший с ручкой-штырем, которое, как считается, имеет китайское происхождение.

Таким образом, проведенный анализ взаимовстречаемости типов клинкового оружия из покровских могильников показывает, что в разные периоды у ранних кочевников бытовали разные типы мечей и кинжалов. Некоторые формы элементов эфеса на том или ином отрезке времени получали наибольшее распространение, становились типичными. Смена форм происходила постепенно: наряду с продолжающими бытовать старыми типами появлялись новые – либо под влиянием населения соседних территорий, либо самостоятельно развиваясь в местной среде ранних кочевников Южного Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Курганы левобережного Илека. Вып. 1–4. М., 1993–1996.

Куринских О.И. Колчаные наборы ранних кочевников Левобережного Илека VI–II вв. до н.э.: аспекты хронологии (по материалам могильников у с. Покровка) // Матер. XVIII Уральского археологического совещания. Уфа, 2010.

Р.Н. Модин

Институт археологии РАН, Москва

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Из ареала культур лесной – лесостепной зон Восточной Европы время от времени происходят находки предметов, характерных для памятников скифского времени. Речь пойдет о вещах, обнаруженных в последнее время. Это костяные трехдырчатые псалии и железный кинжал.

Костяные трехдырчатые псалии с зооморфными окончаниями из коллекции Сатинского городища в Тульской обл. представлены двумя целыми предметами, двумя более-менее выразительными фрагментами и несколькими обломками. Первый псалий имеет одно окончание в виде конского копыта, другое – в виде сильно стилизованного зооморфного изображения. У второго слегка выгнутая спинка основания, одно окончание имеет форму конского копыта, другое – форму нечетко выраженной головы животного (барана или грифо-барана). Третий псалий имеет дугообразно-выгнутую спинку основания, одно окончание круглое, второе не сохранилось. Также имеется еще один небольшой фрагмент псалия с круглым окончанием. Четвертый псалий, сохранившийся наполовину, имеет четко выраженное подпрямоугольное расширение на основании, содержащее элементы крепления. Представленные предметы находят широкие аналогии в памятниках скифского времени на территории от Днепра до Приуралья и датируются серединой VII – VI в. до н.э. Их основной ареал – днепровское лесостепное левобережье, а также территория Предкавказья. Отмечены подобные находки и на территории Передней Азии.

Железный кинжал найден на юге Тульской обл. местным жителем. Его длина – 28 см, длина рукояти – 7,2. Клинок имеет форму вытянутого треугольника, рукоять прямоугольной формы с бортиками вдоль краев с брусковидным прямоугольным навершием. Рукоять и клинок цельнолитые. Кинжал имел не сохранившееся до нашего времени напускное перекрестье, наваривавшееся в месте перехода рукояти в клинок, форму которого определить невозможно. Подобные мечи и кинжалы имели широкое хождение в скифское время и встречались на территории от Центральной Европы до Минусинской котловины. Датируются они в основном концом VII – началом V в. до н.э. По классификации А.И. Мелюковой, подобные мечи и кинжалы входят в первый отдел скифских мечей и кинжалов, отличительным признаком которого является брусковидное либо овальное навершие. Большинство находок подобных предметов происходит с территории Северного Причерноморья, встречаются они и на других территориях скифосибирского мира – в Предкавказье, Волго-Уралье, а также в единичных экземплярах на памятниках раннего железного века Центральной Европы и лесных культур Восточной Европы (ананьинская, городецкая и др.).

Рассмотренные находки – еще одно свидетельство контактов племен лесной зоны с более южными соседями, носителями скифоидных культур степи и лесостепи в раннем железном веке. Стоит отметить, что эти контакты, к сожалению, недостаточно хорошо изучены в отечественной науке (за исключением, может быть, племен ананьинской культуры), в основном на уровне публикации отдельных находок.

В.В. Белоусов

Воронежский государственный университет

МЕТОД КЛАССИФИКАЦИИ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ САРМАТОВ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ПОДОНЬЯ I–IV вв. н.э.

Изучение сарматских древностей в отечественной и зарубежной науке имеет долгую историю. За последнее столетие в свет вышло множество работ, посвященных исследованию разнообразных сторон сарматской истории и культуры. Не последнее место в этом ряду занимают вопросы, связанные с изучением вооружения и военного дела сарматов, обитавших на разных территориях. Исследования

М.И. Ростовцева, А.М. Хазанова, К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой, А.С. Скрипкина, А.В. Симоненко и других пролили свет на многие стороны военной сарматской археологии. Тем не менее на сегодняшний день остаются нерешенные проблемы, одна из которых - типология сарматского клинкового оружия.

В настоящее время сложилась практика, согласно которой для обозначения этого вида оружия используются следующие термины: кинжал, меч или короткий меч, длинный меч. Почти каждый исследователь, бравшийся за анализ сарматского, и не только, клинкового оружия, весьма произвольно пользовался указанной терминологией, что приводило к частым нестыковкам и путанице. Нами была предпринята попытка разрешить сложившуюся ситуацию с помощью статистических методов.

Исследование проводилось в отношении двух групп сарматского клинкового вооружения Подонья I–IV вв. н.э.: мечей и кинжалов с кольцевым навершием и мечей и кинжалов без металлического навершия. В силу того, что в качестве основного параметра была выбрана длина клинка, выборка состоит только из клинкового оружия, лезвие которого сохранилось полностью. Для первой группы выборка составила 68 экз., для второй – 67. Чтобы выявить реальные размерные группы, соответствующие кинжалу, короткому и длинному мечу, были построены простые графики распределения. Выбрав все имеющееся клинковое оружие обоих типов, лезвия которого сохранились полностью, по оси “X” была отложена длина клинка по интервалам с шагом в 1 см. По оси “Y” было указано количество клинков в пределах каждого интервала. В итоге каждый график дал двухвершинное распределение заявленных параметров, каждый из которых отражал, на наш взгляд, существенные различия между кинжалами и короткими мечами (в случае клинкового оружия с кольцевым навершием) и кинжалами и длинными мечами (для клинкового оружия с рукоятью-штырем).

Таким образом, клинковое оружие обоих групп было разделено на две категории. Группа оружия с кольцевым навершием – на кинжалы с длиной клинка, варьирующей в пределах 18–24 см, и короткие мечи с длиной клинка, варьирующей в пределах 27–45 см. В свою очередь, группа оружия с рукоятью-штырем разделилась на кинжалы с длиной клинка, варьирующей в пределах 20–30 см, и длинные мечи с длиной клинка, варьирующей в пределах 70–90 см.

В.О. Акимов

Фонд комплексных научных археологических исследований «Митридат», Москва

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПОДВОДНЫХ РАСКОПОК В ФАНАГОРИИ В 2009 г.

В 2009 г. были продолжены исследования ряжа античного времени, обнаруженного в 2005 г. путем прирезок с юга и севера к уже исследованной части.

Среди множества находок встречались и монеты, преимущественно в южной части подводного раскопа, наиболее близкой к современной береговой полосе. Планиграфия монетных находок показывает “активную” зону античной пристани, где осуществлялась погрузка-разгрузка грузов на суда, возможно, торговля.

Найденные монеты, очень плохой сохранности, изготовлены из бронзового сплава. За исключением одной римской, все они принадлежат чеканке боспорского монетного двора. Монеты были реставрированы и подвергнуты консервации по методу, описанному в сборнике Магнитогорского университета (2010. № 2.

С. 42–52). Суть данного метода заключается в размягчении окислов монеты и осторожном их расслоении с целью сохранения оттисков изображений. По этим оттискам можно идентифицировать монету даже в том случае, если ее ядро полностью коррозировано и распалось при чистке. Сохранить изображения можно как на фотографии, так и в слепке. Благодаря такому методу удалось идентифицировать 39 из 47 монет.

Анализ статистики монетных находок 2009 г. дополнил, но в целом не изменил общих выводов о времени функционирования причала как о середине III – середине IV в. н.э. Этим периодом датируется подавляющее большинство монет. Однако пристань могла начать функционировать и ранее. Монета № 21 датируется первой половиной II в. до н.э., монета № 6 – второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Как и остальные находки, эти монеты происходят из перемешанного слоя; непонятно, были ли они в свое время уронены в воду или попали в море из обрушающегося берегового обрыва. Монета № 141 (середина III – середина IV в. н.э.) была обнаружена среди камней забутовки сохранившегося яруса каменной кладки. Эта находка может служить косвенным доказательством того, что пристань была разрушена уже в античный период.

О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва

ГИПСОВЫЕ РЕЛЬЕФЫ ИЗ ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ФАНАГОРИИ

Традиция украшения деревянных гробов-саркофагов художественно-декоративными элементами из гипса существовала на Боспоре со второй половины I до второй половины II в. н.э. Погребальные комплексы с такого рода украшениями встречаются в некрополях многих городов Европейского и Азиатского Боспора.

В Фанагории известно более десятка таких погребений. Подавляющее большинство находок гипсовых налепов происходит из грунтовых склепов – семейных усыпальниц состоятельных фанагорийцев. Принято считать, что эти достаточно сложные по конструкции погребальные сооружения относятся к захоронениям горожан достаточно высокого социального уровня. К числу археологических критериев определения социальной значимости погребенных наряду с выбором лучшего участка для захоронения, размерами погребального сооружения, сложностью его конструкции и богатством погребального инвентаря относятся и наличие в погребении декоративного убранства, в том числе художественного оформления деревянных гробов-саркофагов.

Заслуживает особого внимания то, что в Фанагории гипсовые рельефные аппликации были найдены не только в склепах. В 1988 г. при раскопках участка западного некрополя были открыты два погребения в ямах с заплечиками, содержавшие декоративные элементы из гипса. Характерная особенность данного типа погребальных сооружений – уступы-заплечики шириной 0.15–0.20 м, устроенные вдоль длинных, а иногда и коротких стенок ямы. Они служили упорами для досок или каменных плит перекрытия могилы. Одно из упомянутых выше фанагорийских захоронений было почти полностью ограблено в древности, уцелели лишь остатки деревянного гроба, железного замка деревянной шкатулки и гипсовая маска Медузы Горгоны. Сохранность второго погребения была гораздо лучше, что позволило реконструировать не только форму и размеры деревянного саркофага, обнаруженного в могиле, но и определить приблизительное положение на

нем гипсовых рельефов. На дно могилы был установлен деревянный саркофаг прямоугольной формы размером 1.8×0.5×0.5 м. Крышка сохранилась в виде древесной трухи темно-коричневого цвета. Рядом с саркофагом найдены гипсовые налепы на его ножки. Стенки саркофага также были украшены гипсовыми рельефами – масками Медуз: длинные – шесть, торцовые – двумя; еще три маски были найдены под саркофагом. В северо-западной части могилы находился квадратный деревянный ящик-ларец размером 0.4×0.4 м. Вокруг ящика и под ним также были обнаружены гипсовые рельефы: торс женской фигуры, аппликации в виде морды кабана и конусовидные прилепы. Инвентарь погребения (стеклянные кувшины, блюдо, бальзамарии, золотые листики от погребального венка и т.д.) позволяет датировать захоронение в рамках I – начала II в. н.э.

Подводя итог, необходимо отметить, что находки гипсовой рельефной пластики в грунтовых ямах с заплечиками позволяют с достаточной долей уверенности утверждать, что этот тип погребальных сооружений наряду со склепами использовался для захоронения состоятельных жителей столицы Азиатского Боспора.

Ю.Н. Кузьмина

Институт археологии РАН, Москва

НОВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС (ОБЪЕКТ 123) ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

В 2002 г. в Фанагории на раскопе “Верхний город” были обнаружены архитектурные остатки здания (объект 123), интерпретированного автором раскопок В.Д. Кузнецовым как “храм в антах”. В качестве доказательства В.Д. Кузнецов использует восточную ориентацию постройки и ее сохранившиеся архитектурные особенности: подквадратную форму и небольшие размеры, характерные для *templum in antis*.

Объект 123 представлял собой каменный фундамент здания, построенного из крупных тесаных блоков ракушечника, в большинстве вторичного использования. Приблизительная площадь здания по внешнему контуру стен – 30 м². Вход в него, вероятно, находился с восточной стороны, так как примерно в середине восточной стены отсутствуют два блока.

Говоря о времени существования данной постройки, следует отметить, что *terminus post quem* для времени сооружения здания является ножка хиосской амфоры IV в. до н.э., обнаруженная в южной стене около юго-западного угла под нижним камнем. Наиболее позднюю датировку дает клеймо на ручке амфоры синопского производства (конец III в. до н.э.: IOSPE № 4383-90. Кац, VC гр.).

Вся центральная часть помещения была покрыта слоем желтой глины толщиной от 0.1 до 0.25 м, имевшим форму прямоугольника размерами 3.7 (с востока на запад) на 3.4 м (с севера на юг). Данный прямоугольник располагался примерно на равном расстоянии ото всех стен (0.67–0.79 м) и представлял полосы серо-коричневой глины. Между прямоугольником и стенами проходила полоса, вероятно, специально выложенной здесь серо-коричневой материковой глины.

Западная часть данного прямоугольника была прорублена ямой аморфной формы. В ее заполнении встречены следы горения в виде угля, золы, прогоревшей земли. Из материала обнаружены фрагменты амфор (Хиос “колпачковый”, Менда, Синопа, Гераклея). Сложно точнее интерпретировать назначение данной ямы. Заманчивым кажется предположение о том, что она могла быть своеобразным ал-

тарем, в котором совершались возжигания, но, к сожалению, состав находок, представленных амфорными фрагментами, а также расположение ее внутри храма, не позволяют сделать столь смелые выводы. При этом удивляет не само расположение алтаря внутри храма – подобная практика известна, а то, что он использовался для сожжений. Обычно такие алтари располагались снаружи, примером чему на Азиатском Боспоре могут служить многочисленные так называемые кострища на святилище Береговой-4.

В северной половине описываемого прямоугольника желтой глины довольно отчетливо прослеживается пятно, имевшее не желтый, а серовато-желтоватый оттенок. Пятно, по форме напоминающее апсиду, ориентировано с севера на юг, длиной 2.5 м, шириной в северной части 1.6, в южной 1.7, толщиной 0.05–0.06.

Его функциональное назначение остается непонятным, как собственно и назначение прямоугольника. В.Д. Кузнецов предположил, что прямоугольник, образованный пластом желтой глины и повторяющий в несколько уменьшенном размере контуры внутреннего помещения, мог обозначать то свободное пространство в наосе, которое не было занято ничем, кроме культовой статуи божества, которому посвящался храм. Полоса же темно-коричневой глины вдоль стен могла обозначать пространство, на котором помещались и хранились различные посвящения прихожан. В свою очередь хотелось бы предположить, что пятно внутри объекта 123 являлось своего рода наиском, небольшой целой внутри данного храма, а апсидальное пятно – это след подиума – возвышения, на котором была установлена культовая статуя.

В.А. Горлов

Институт археологии РАН, Москва

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ФАНАГОРИИ VI–IV вв. до н.э.

На сегодняшний день существует прочно утвердившаяся точка зрения на наличие в культурных слоях античных городов Боспорского царства лепной керамики. Ее основные положения сводятся к следующему:

– лепная керамика в слоях античных поселений появилась вследствие установившихся торговых контактов колонистов с представителями местного варварского населения, т.е. попадала в греческие города как привозная тара;

– представители местного населения, становясь жителями греческих городов, привносили собственные традиции изготовления керамики и, несмотря на имеющуюся качественную греческую посуду, привезенную из метрополии, продолжали изготавливать привычные для себя сосуды;

– наличие лепной керамики на поселении напрямую указывает на присутствие варварского элемента в составе населения. Более того, чем больше процент лепной керамики, содержащейся в слоях поселения, тем большую долю населения составляют варвары;

– лепная керамика как следствие присутствия варваров имеется на всех греческих поселениях Боспора начиная с VI в. до н.э.

Начиная с 1936 г., в ходе раскопок слоев VI–IV вв. до н.э. городища Фанагория были получены результаты, не соответствующие перечисленным выше утверждениям. Несмотря на господствующее мнение о том, что варвары составляли значительную часть населения в городах Боспора, раскопки Фанагории показывают, что в слоях VI–IV вв. до н.э. лепная керамика представлена единичными

фрагментами, не позволяющими судить о традициях изготовления лепной посуды варварами, входившими в состав населения города.

Последние полтора десятилетия раскопки в Фанагории ведутся в числе прочего на раскопе «Верхний город», на территории первоначального заселения, где представлены ранние слои. Лепная керамика, которая должна была бы содержаться в этих слоях, практически полностью отсутствует, в отличие от других городов как Боспора, так и Северного Причерноморья в целом. Исходя из этого, можно сделать определенные выводы: либо в составе жителей Фанагории практически отсутствовали представители местного варварского населения; либо те из варваров, кто селился на территории города, не использовали традиционную для них лепную посуду, предпочитая более качественные греческие изделия.

Е.П. Капустина

Институт археологии РАН, Москва

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЗООМОРФНЫХ РУЧЕК КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ БОСПОРА

Зооморфный декор ручек сосудов характерен для керамических традиций Боспора I – начала V в. н.э. Такие ручки целиком выполнены в виде фигурки животного или имеют отдельные элементы декора, указывающие на то, что ручке придавался облик тела животного. На протяжении всего времени бытования рассматриваемой керамики наблюдается как широкое разнообразие форм и пластических, даже «стилистических» приемов исполнения фигурок, так и разная степень детализации в передаче звериных черт. Последняя варьирует от умелого и натуралистического изображения, по которому без труда можно определить видовую принадлежность животного, до полной схематизации, когда зооморфизм ручки едва угадывается в одном-двух налечах и даже может быть поставлен под сомнение. Такие ручки, появляющиеся и на гончарных, и на лепных сосудах, следует рассматривать скорее в контексте прикладного художественного искусства, чем стандартизированного массового производства. Но вместе с тем и в них, как в любой форме прикладного творчества, отмечается следование традиции, определенным «канонам», и, значит, некая серийность.

Отмеченные особенности указанной группы керамики определяют специфику разработки ее типологии.

Стоит отметить, что детальной и полной классификации зооморфных ручек, учитывающей классификацию и самих сосудов, пока не предложено. В литературе принято их условное деление по виду животных и степени детализации изображения. Сосуды с зооморфными ручками традиционно включаются в таксономические схемы всего корпуса керамики по формальным характеристикам тулова, а декор ручки остается факультативной характеристикой, художественной особенностью исполнения конкретного изделия.

Таким образом, поднимая вопрос о типологии керамики с зооморфными ручками, необходимо учитывать моментов: 1) соотнесение керамических серий сосудов (центр, технология производства, формальные характеристики тулова) с формами встречающихся на них ручек; 2) выделение «стилистических серий» среди близких изображений; 3) выделение как критерия классификации степени схематизации изображений; 4) максимально полное выявление «видового ряда» представленных на ручках животных, разработка формальных признаков каждого

«вида»; 5) допустимая формализация художественных особенностей исполнения ручек; 6) решение вопроса о правомерности отнесения некоторых форм декора к зооморфным изображениям.

Также при работе над классификацией рассматриваемой группы керамики целесообразно учитывать опыт типологизации объектов прикладного искусства, в частности мелкой пластики, имеющиеся разработки в этой области.

Н.Ю. Новоселова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

МЕЗИЙСКАЯ СИГИЛЛАТА: АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С о. БЕРЕЗАНЬ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В докладе представлена группа краснолаковой керамики первых веков н.э. из раскопок Березанской археологической экспедиции ГЭ 1962–1991 гг. – так называемая мезийская сигиллата. Часть коллекции краснолаковой керамики 1962–1980 гг. была опубликована И.В. Ксенофонтовой, выделившей формы, характерные для поселения о. Березань в первые века н.э. (1984. С. 139–143). По результатам раскопок 1982–1991 гг. и, главное, с учетом новых исследований характеристика указанного материала может быть откорректирована.

На о. Березань найдено шесть фрагментов сосудов, относящихся к мезийской сигиллате. Прежде всего следует отметить два одинаковых фрагмента верхней части кубков Б.68-91, Б.87-89. Они изготовлены из серой глины, покрыты красно-коричневым лаком с подтеками и украшены резным орнаментом из линий, образующих треугольники, заполненные точками (по мнению М.Б. Щукина – пшеворско-вельбарский компонент (см.: Кухаренко, 1980. С. 30–43)). По данным Б. Султова, производство таких кубков относится к середине II – началу III в. (Sultov, 1985. P. 77, 78). Тожественные сосуды были найдены при раскопках Сингидунума и датированы II–IV вв. (Vojovic, 1977. Tabl. XXXIII, 308). Интересно отметить, что, по мнению Б. Султова, подобные сосуды могли использоваться для религиозных обрядов (Sultov, 1985. P. 77, 78).

Очень интересен фрагмент верхней части кувшина (Б.88-49), изготовленного из серой глины и покрытого красно-коричневым лаком. Тулово сосуда украшено характерным для мезийской сигиллаты орнаментом в виде чешуек ананаса (pinecone-shaped), на горле – орнамент из точек, нанесенных по диагонали. По данным Б. Султова, сосуды, орнаментированные таким образом, производились только в мастерских Бутово начиная со II в. (Sultov, 1985. Tabl. XXXII, 4). Аналогичные кувшины найдены при исследовании Сингидунума и датированы II–IV вв. (Vojovic, 1977. Tabl. XXXIII, 305).

Еще один фрагмент края кувшина (Б.83-106), изготовленного из серой глины и покрытого орнаментом из косых борозд, по классификации Б. Султова, относится к группе двуручных глиняных сосудов. Подобные сосуды производились в мастерских Павликен и Хотнице с середины II до начала III в. н.э. (Sultov, 1985. Tabl. XXXV, 3).

По характеру глины и лаковому покрытию к мезийским изделиям также относятся две тождественные краснолаковые миски – Б.87-90, Б.87-91 – с горизонтально отогнутым венчиком, украшенным желобками. Обе миски изготовлены из серой глины и покрыты красно-коричневым лаком. Аналогичных изделий с венчиком, орнаментированным глубокими каннелюрами, при раскопках керамических мастерских в Мезии не найдено, известны только сосуды, близкие по форме (Sultov, 1985. Tabl. XXVII).

Обе миски были найдены при исследовании полуземлянки № 6 вместе с кубком мезийской сигиллаты Б.87-89. По всей видимости, все три предмета составляют своеобразный мезийский “сервис”. Исходя из этого, представляется возможным определить широкую дату существования сосудов Б.87-90 и Б.87-91 II в рамках начала III в. н.э.

Таким образом, с учетом новых данных по атрибуции мезийской сигиллаты керамический импорт на о. Березань в первые века н.э. представляется более мозаичным.

Г.А. Камелина

Государственный исторический музей, Москва

ВОТИВНАЯ ТАБЛИЧКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОЛЕНЯ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ДОМА В КЕПАХ

С 1957 по 1960 г. на городище Кепы работал Таманский отряд Института археологии РАН под руководством Н.И. Сокольского. В самом начале работ на Западном раскопе был открыт хозяйственно-жилой комплекс, состоявший из четырех помещений, кладовой с пифосами, двора и водостока. Н.И. Сокольский датировал его III–IV вв. н.э.

Новое обращение к этим материалам позволило уточнить время бытования построек и их разрушения. В одном из помещений, на полу, под слоем рухнувшей стены были найдены фрагмент горла одноручного красноглиняного кувшина, горло амфоры типа Делакеу, бронзовый алтарик-курильница и вотивная табличка с изображением оленя. Эти вещи, как и сам комплекс, были частично изданы автором раскопок.

Табличка имела прямоугольную форму с закругленными углами, в верхней части – сквозное отверстие для подвешивания. Она была изготовлена из местной боспорской глины и сохраняла следы огня, вероятно, пожара, в котором погиб весь комплекс. Изображение было нанесено на обе стороны, при этом фигура оленя с лицевой стороны повторялась на оборотной. Изображение на лицевой стороне – рельефное, штампованное. В центральной части – фигура оленя вправо, голова влево, из пасти выползает змея; слева от оленя – древо жизни, в верхнем левом углу – две геометрические фигуры в виде креста. Вся композиция заключена в прямоугольную рамку из маленьких треугольников. Нижний левый угол таблички обломан. Изображение оленя на обратной стороне было вырезано по сырой глине до обжига изделия и могло использоваться для нанесения рисунка на хлебцы.

Аналогии отдельным элементам орнамента таблички находятся на разных памятниках Боспора. Маленькие треугольники, составлявшие рамку, сходны с треугольниками, использованными при украшении расписных керченских склепов первых веков н.э. Древо жизни подобно тому, что было зафиксировано на глиняном штампе из Танаиса. Манера, в которой исполнен олень, особенно его рога и голова, близка манере исполнения золотых фигурок оленей, найденных в богатом сарматском погребении у южной окраины г. Липецка. Изображение стоящего оленя больше характерно для Прикубанья. Процарапанное по глине изображение стоящего оленя с сосуда из меотского могильника, расположенного у хут. Ленина, сходно с оленем из Кеп. В Фанагории в 1952 г. в слое III в. н.э. было найдено круглое глиняное грузило, украшенное фигурой оленя с ветвистыми рогами, обрамленной рамкой из треугольников. Здесь же на городище были найдены и

формы для оттиска изображений на ритуальных хлебцах. Вероятно, они могли использоваться также для оттисков на табличках или грузиках. М.М. Кобылина связывала эти предметы с культом Сабазия.

Мотив изображения оленя, змеи и дерева часто встречается на позднеантичных мозаиках IV в. н.э.

Вотивная табличка из Кеп входит в круг предметов (штампов и вотивных грузиков) с изображениями оленей, змей, птиц, антропоморфных фигур, растений и других символов, происходящих из различных памятников как Европейского, так и Азиатского Боспора (Киммерик, Илурат, Пантикапей, Танаис, Фанагория). Они, несомненно, связаны с культом различных божеств (Диониса, Сабазия, Кибелы и др.) и отражают религиозные взгляды позднеантичного населения Боспора (отдельные символы соотносятся с христианством). Наличие в одном комплексе вотивной таблички и алтарика-курильницы свидетельствует об особом характере помещения.

Н.В. Шувалова

Институт археологии РАН, Москва

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БОСПОРА И АФИН В КЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема “Боспор и Афины в классическое время” на современном этапе исследования представляет значительный интерес благодаря своей дискуссионности и неоднозначности выводов по основным направлениям. Несмотря на то, что история ее изучения как в отечественной, так и в зарубежной науке насчитывает уже не одно десятилетие, окончательных выводов по вопросам датировок, интенсивности контактов, объемам экспортно-импортных отношений между этими государствами по-прежнему нет. Сложность работы по данной теме заключается в недостаточном количестве научной литературы, в особенности современной отечественной. Кроме того, большинство исследователей, так или иначе касавшихся указанной проблемы, приоритетным направлением избирали позицию Афин, а не объединенных боспорских городов. Однако смещение акцента в сторону более углубленной разработки роли Боспора в системе политических, экономических и культурных контактов Афин и Боспорского государства позволяет выйти на качественно новый уровень в работе. Таким образом, на данный момент фактически отсутствуют комплексные всесторонние исследования взаимоотношений Афин и Боспора в классическое время, чем и обусловлена их актуальность.

Едва ли не главной задачей исследования становится анализ и пересмотр накопленных за полвека, прошедших с момента написания работы И.Б. Брашинского “Афины и Северное Причерноморье в V–IV вв. до н.э.”, знаний, мнений и выводов. Несмотря на то, что круг привлекаемых источников был известен и ранее, практически все изучаемые направления в современной отечественной и зарубежной историографии вызывают дискуссию. Систематизация и анализ разных мнений по этому поводу просто необходимы! Кроме того, тема “Боспор и Афины в классическое время”, по своему содержанию скорее историческая, с привлечением последних археологических данных, в частности таких вещественных источников, как амфорная тара и аттическая расписная керамика, скорее сложится в обобщенную и объективную картину, чем при просто теоретическом исследовании вопросов экономических, политических и культурных контактов Боспорского царства и Афин.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Г.Л. Земцов

Липецкий государственный педагогический университет

ПЛАНИГРАФИЯ МАТЕРИАЛОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОСЕЛЕНИИ МУХИНО-2

Поселение Мухино-2 было обнаружено Ю.Г. Екимовым в 15 км к югу от г. Задонска Липецкой обл. Оно находится на склоне первой надпойменной террасы р. Снова, недалеко от ее впадения в Дон. Памятник исследовался в течение семи полевых сезонов – с 2000 по 2008 г. Всего на поселении вскрыто 1500 м², и выявлены материалы всех археологических эпох (материалы последнего года исследований не привлекались). Наиболее мощный культурный слой поселения датируется гуннским периодом – временем существования в Подонье памятников типа Чертовицкое-Замятино. Их основа – материалы киевской культуры, относящейся к кругу раннеславянских объединений.

Основная масса находок гуннского времени обнаружена на глубине 0.3–0.5 м от современной поверхности. Однако хорошо выделяется участок, где культурный слой этого времени имел значительную толщину. Это западная часть центрального участка исследованной площади. Здесь отдельные находки обнаружены на глубине 1.6 м от современной поверхности. Наибольшее количество материала гуннского времени также концентрируется в центральной исследованной части. Гораздо меньше находок по периметру раскопа. Таким образом, хорошо выделяется зона хозяйственной активности людей на поселении. Добавлю, что шурфовка к северу от раскопанной части выявила слабый культурный слой, материковая глина здесь была зафиксирована на глубине около 0.5 м.

На участке с высоким содержанием находок зафиксированы сооружения – постройки 7, 8 и следы постройки 3. Постройка 7 – юртообразное углубленное сооружение. К востоку от него зафиксирована максимальная концентрация находок в культурном слое раскопа. Видимо, здесь располагался вход в сооружение. Судя по количеству материалов рядом с сооружением и в его котловане, постройка 7 представляла собой жилище.

Постройка 3 – хозяйственный комплекс, состоящий из нескольких ям, большой очажной ямы 52 и глубокого небольшого котлована сооружения 50. К северо-западу от них зафиксирована повышенная концентрация находок в культурном слое. Можно предположить, что здесь находился вход в хозяйственный “блок” – со стороны жилища (постройки 7).

Постройка 8 – наземное сооружение, выявленное по скоплению глиняной обмазки. Здесь не обнаружено концентрации находок и очага. Количество артефактов немного увеличивается к западу от сооружения. Этого недостаточно для того, чтобы строить какие-либо предположения. Видимо, сооружение 8 относится к группе хозяйственных.

Большинство других строительных объектов – хозяйственные ямы. Их значительное количество следует связать с длительным функционированием поселка либо со спецификой хозяйственной деятельности его жителей. Ямы концентрируются на краю надпойменной террасы и окружают “жилое” пространство. Видимо, как и другие поселки типа Чертовицкое-Замятино, поселение Мухино-2 имело усадебную планировку.

Деление поселка на отдельные усадьбы может свидетельствовать о наличии на территории Верхнего Подонья племен, состоящих из соседских общин. Их наличие позволяло включать в состав племен иноземцев, что хорошо заметно на материалах поселений типа Чертовицкое-Замятино. Раннее появление соседских отношений дало возможность славянам освоить огромные пространства и занять важное место в истории человечества.

С.С. Зозуля

Государственный исторический музей, Москва

ДАТИРОВКА КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ 348 ТИМЕРЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

О комплексе археологических памятников вблизи д. Б. Тимерево Ярославской обл. написаны десятки статей и книг. Один из наиболее актуальных вопросов – хронология всего могильника в целом и датировка каждого конкретного погребения в частности.

Курган 348 (раскопки М.В. Фехнер 1976 г.) содержал несколько захоронений. На уровне материка было зафиксировано парное трупосожжение. В инвентаре захоронения зафиксированы несколько обожженных фрагментов скорлупообразной фибулы (ЯП 51 С), обломки одностороннего гребня и три бусины. Кострище было окружено каменной оградкой. Данные археологии и антропологии говорят в пользу того, что здесь были сожжены молодая женщина и взрослый, возможно, пожилой человек.

Юго-восточная часть кострища была прорезана могильной ямой (290×190×60 см). В камере не зафиксированы следы деревянных обкладок стен, пола или верхнего перекрытия. В захоронении обнаружен костяк женщины, похороненной в сидячем положении. Инвентарь состоял из двух овальных фибул (ЯП 51 В), круглой фибулы, одностороннего гребня с бронзовыми позолоченными накладками, небольшого ножа с остатками деревянной рукояти, обмотанной серебряной проволокой, серебряного перстня с сердоликовой вставкой с арабской надписью, 18 бус из горного хрусталя и стекла, бутылковидной подвески, дирхема и денария, превращенных в подвески, коленчатого ключа, четырехгранных кольца и стержня, оковок шкатулки (?), остатков головного убора (?) и шелковой ткани, развалов двух лепных сосудов, костей свиньи и теленка.

В отечественной историографии бытует представление о появлении камерного обряда погребения на территории Древней Руси во второй половине X в. Авторы раскопок датировали камерное захоронение как первой половиной, так и второй половиной X в. Исследователи из Санкт-Петербурга (И.В. Дубов, В.Н. Седых, К.А. Михайлов) относят комплекс к первой половине X в.

Датировка погребения первой половиной X в. опирается на несколько аргументов: обнаружение раннего дирхема (803/804 гг.), английского пенни начала X в., фибул типа ЯП 51 В, гребня с бронзовыми накладками и перстня со вставкой с арабской надписью.

Доказательств датировки первой половиной X в. перстня приведено не было. Анализ находок гребней с бронзовыми накладками на территории Древней Руси говорит, скорее, о бытовании этого типа расчесок во второй половине X в. Обнаружение в трупосожжении (первоначальном погребении) фибул типа ЯП 51 С опровергает датировку, построенную на бытовании фибул типа ЯП 51 В.

Находка одного из самых ранних денариев на территории Древней Руси никак не может повлиять на датировку, так как динамика их поступления на интересующую нас территорию не разработана из-за малочисленности.

Дирхемы Харуна ар-Рашида (787–809 гг.) были отчеканены в огромном количестве. Они присутствуют, зачастую преобладают вкладах второго периода монетного обращения на территории Восточной Европы по В.Л. Янину (833 г. – начало X в.). По наблюдениям А.В. Фомина, монеты этого правителя не встречаются вкладах позже 910 г., но снова появляются в 990–1010 гг. в связи изменением монетных потоков в условиях серебряного кризиса.

Датировка камерного погребения кургана 348 не ранее второй половины X в. не вызывает сомнений. Скорее всего, по ряду признаков именно датировка 990–1010 гг. выглядит наиболее вероятной. Таким образом, захоронение 348 является не самым ранним, а, наоборот, одним из самых поздних камерных погребений в Ярославском Поволжье и на территории Древней Руси.

А.Ю. Кашинцев

НПЦ «Древности Севера», Вологда

НАХОДКИ КУЗНЕЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ПОСЕЛЕНИИ КРУТИК

Поселение Крутик, существовавшее в IX–X вв. в верхнем течении Шексны, часто упоминается в археологической литературе. Оно относится к числу немногих археологических памятников Центрального Белозерья, возникших в конце I тыс. н.э. – на начальных этапах становления Древнерусского государства. Широкомасштабные раскопки памятника, проведенные Л.А. Голубевой в 70-е – 80-е годы XX в., выявили уникальный по сохранности культурный слой, содержащий чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал.

Исследования Крутика, продолженные Онежско-Сухонской археологической экспедицией Института археологии РАН совместно с НПЦ «Древности Севера» (г. Вологда), позволили получить качественно новую информацию о характере и особенностях развития поселения. Немалую роль в этом сыграла и новая методика исследований, основанная на тщательном разборе и детальной фиксации всех категорий находок, слоев и выявляемых объектов, и полной промывке исследуемых напластований на металлических ситах. Применение такой методики позволило, несмотря на относительно небольшую раскопанную площадь – 58 м², зафиксировать наличие на данном участке трех разных по характеру производств – косторезного, ювелирного и кузнечного, собрать необычную по своим объемам и характеру коллекцию вещевых материалов, насчитывающую более 3.5 тыс. предметов.

Находки изделий из железа по количественному соотношению занимают лишь третье место (11.4%) среди найденных вещей. Более половины их составляют железные пластины и стержни (225 экз.). Среди определяемых предметов наиболее многочисленны иглы (67 экз.), на втором и третьем местах, уступая им по численности, идут ножи (31 экз.) и шилья (9 экз.). Среди предметов, относящихся к группе хозяйственного и бытового инвентаря, стоит выделить находки двух одноплощадных ушек ведра, одного фрагмента ключа типа А (кубический с Т-образной прорезью) и фитильной трубки. Специализированный инструментальный представлен единично: два фрагмента лезвий топоров, одна из губец клещей;

к данной группе инструментов были отнесены и три изделия, функциональное значение которых установить не удалось. Находки сельскохозяйственных и промысловых орудий представлены одним фрагментом косы, переметным рыболовным крючком и тремя наконечниками стрел.

На долю крепежных приспособлений (гвозди, скобы, заклепки, шпеньки, проволока) приходится 11%. Наряду с обычными коваными гвоздями в коллекцию вошли небольшие по размеру обойные гвоздики с полусферической (6 экз.) и плоской (3 экз.) шляпкой, использовавшиеся при оковке сундуков, и один подковный гвоздь.

Сопоставление распределения количества находок из железа по слоям позволило получить любопытную картину. Наибольшее количество находок зафиксировано в слое 2Б, связанном с косторезным производством, – 5 шт. на м²; в пахотном слое и слое, связанном с ювелирным производством, – 3.6 шт. на м²; на слои 2 и 2Г, предположительно связанные с кузнечным делом, приходится менее 3 шт. на м². Такая незначительная концентрация железных изделий в местах их обработки кажется нелогичной. Однако надежным снованием для связи данных слоев именно с кузнечным делом является необычно большое содержание в них шлаков. Для сравнения в слое 2Б (связан с косторезным производством) на 0.25 м² приходится в среднем 2 г шлаков, в слое 2Г – 45 г. Большинство найденных шлаков относится к категории кузнечных (окалина) – тонкие пластинки металла, имеющие характерный серебристый цвет с одной стороны, образующиеся в процессековки. Оснований для предположения, что на данном участке или в непосредственной близости от него, существовало и железоделательное производство, на что могут указывать находки шлаков с большим содержанием металла, пока недостаточно. Возможно, продолжение исследований и изучение слоев со следами железообрабатывающего производства на более широкой площади позволят прояснить данное несоответствие.

О.Л. Шарганова

Московский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ГНЁЗДОВА

“Начин – первая ступень непосредственного конструирования керамики, работа над которой выполняется как один непрерывный технологический акт создания той или иной части будущего сосуда” (Бобринский, 1978. С. 114). Известны четыре программы конструирования начинов (донная, емкостная, донно-емкостная и емкостно-донная). Навыки конструирования начинов являются самым устойчивым элементом в системе гончарной технологии и относятся к группе субстратных. Они наиболее медленно меняются в ходе процессов смешения носителей разных культурных традиций. Сходство в программах и навыках изготовления начинов указывает на глубокое культурное единство населения того или иного памятника, а их различия – на его культурную неоднородность по этому признаку.

Значительное преобладание в лесной зоне Восточной Европы донно-емкостной программы конструирования начинов пока не позволяет использовать эти данные для изучения этнокультурных процессов в регионе. Поэтому большое значение имеет учет конкретных особенностей навыков работы: формы и разме-

ров строительных материалов, приемов конструирования, модельных особенностей начинов.

Навыки конструирования начинов были изучены по 27 лепным сосудам из Гнёздова. Донно-емкостная программа конструирования строго зафиксирована по 26 сосудам, предположительно – по одному.

В шести сосудах использовалась мелкая доэлементная модель начина, в трех она определяется предположительно. По 18 сосудам модель начина определить не удалось.

Монолитный начин отмечен только в одном сосуде, а для остальных выявлено создание начина из глиняных жгутов, навивавшихся по спирали. Разнообразие навыков выполнения этой операции проявляется в способах наложения жгутов, в их размерах и степени деформации.

В 13 сосудах прослежено, как жгут, навиваемый по спиральной траектории, переходит из донной части начина в его стенки. Спаи между строительными элементами в изломах днищ ориентированы диагонально и обычно выходят на верхнюю и нижнюю поверхности днищ.

Ряд днищ отличается более сложной структурой спаев между жгутами. В трех сосудах жгут, навивавшийся от центра днища поверх нижнего слоя, связан со стенками начина. В двух стенка начина примазывалась сверху по периметру лепешки днища, накрывая почти всю его поверхность, кроме небольшого участка в центральной части. Для девяти сосудов, у которых верхнее окончание начина не удалось проследить в изломе стенки, нельзя утверждать однозначно, с каким элементом емкости связан верхний слой глины на внутренней поверхности днища – с началом или с нижней частью полого тела. Таким образом, двухслойные начинны отмечены для 14 сосудов.

Наличие среди материалов Гнёздова исключительно донно-емкостных начинов не выделяет его на фоне других памятников Восточной Европы I–II тыс. н.э. (Бобринский, 1978. С. 117). Однако изготовление донно-емкостных начинов разными способами спирально-жгутового налета указывает на достаточно сложный в культурном отношении (по крайней мере, в прошлом) состав населения, оставившего нам лепные глиняные сосуды.

И.В. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет

**КОЛЛЕКЦИЯ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ЛАДОГИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА БЛИЗ ВАРЯЖСКОЙ УЛИЦЫ
В с. СТАРАЯ ЛАДОГА 1972–1977 гг.)**

В 1972–1977 гг. в с. Старая Ладога на левом берегу Ладожки на участке близ Варяжской ул. отрядом под руководством В.П. Петренко были проведены раскопки (далее – Ладожский посад). Площадь раскопа составила 600 м², а мощность культурного слоя – 3.8.

В опубликованные В.П. Петренко результаты работ практически не вошел богатый вещевой материал, обнаруженный в раскопе, хотя методика ведения раскопок позволила автору дать этим находкам точную датировку (середина IX – начало XI в.).

Значительную часть находок, происходящих из Ладожского посада, составили изделия из рога и кости, пополнившие и без того богатую коллекцию костяных предметов Земляного городища.

К сожалению, по различным причинам большая часть костяных изделий Ладожского посада была утрачена. Сохранившиеся предметы вошли в составленный автором доклада каталог костяных изделий Ладожского посада с подробным описанием материала, формы, размеров и орнамента. Это были такие предметы (всего 15 групп), как гребни, копоушки, булавки, пуговицы и застежки, подвески и кольца, ложки, игольники, иглы, проколки и острия, орудия для плетения и вязания, пряслица, рукояти, предметы вооружения, охоты и рыбной ловли, предметы для игр, коньки и предметы неизвестного назначения.

Наиболее значимые из них – гребни, копоушки, булавки и игольники.

Коллекция гребней Ладожского посада многочисленна и разнообразна. Она представлена всеми видами гребней: как односторонними составными и цельными гребнями, так и двусторонними составными и цельными гребнями. Практически все они аналогичны гребням с Земляного городища.

Разнообразная коллекция роговых копоушек дополнила и расширила многочисленную коллекцию этих предметов с Земляного городища.

Коллекция костяных и роговых булавок Ладожского посада из слоев конца IX – начала XI в. по многочисленности, разнообразию и уровню обработки артефактов существенно превосходит коллекцию подобных изделий с Земляного городища.

Коллекция игольников Ладожского посада разнообразна и достаточно многочисленна, в нее входят как восточные (вертикальные), так и западные (горизонтальные) игольники.

Особый интерес вызывает фрагмент рукояти посоха из слоя середины IX в. с изображениями христианских и языческих символов.

Анализируя костяной материал из раскопа с Варяжской ул. в Старой Ладоге, можно отметить, что уже в ранних слоях (середина IX в.) была собрана богатая и разнообразная коллекция изделий из кости и рога. Гребни I и даже II группы, рукояти, пряслица, булавка, игольники, найденные в этих слоях, были выполнены мастерами-косторезами высокой квалификации. Это позволяет предположить, что для первых поселенцев данной территории характерно широкое использование кости в быту, к IX в. косторезное производство у них вышло на очень высокий уровень. (Аналогии просматриваются на южном побережье Балтийского и Северного морей.)

Найденные на Земляном городище и Ладожском посаде жилища-мастерские косторезов и объем костяного материала в слоях второй половины X – начала XI в. позволяют сделать вывод о том, что Ладога как центр косторезного производства в этот период не имеет равных среди торгово-ремесленных центров Северной Руси.

А.Н. Сарапулов

Пермский государственный педагогический университет

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ГОРОДИЩА КУПРОС (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2008–2010 гг.)

Купросское городище находится в центральной части с. Купрос Юсьвенского района Пермского края, на правом высоком (до 10 м) берегу р. Купроски. Памятник известен с XVIII в. по записям капитана Рычкова. Впервые раскопки здесь были проведены в 1996 г. А.М. Белавиным. В 2008–2010 гг. работы на горо-

дище, активно разрушаемом хозяйственной деятельностью жителей с. Купрос и оврагом, проводил А.Н. Сарапулов. Общая вскрытая площадь составила 251 м².

Среди всех категорий найденного материала особое место занимают изделия из кости. Всего за три года раскопок найдено 139 костяных предметов различного назначения, подвергшихся нашему анализу. Среди них выделяются наконечники стрел (15 экз.); детали упряжи (8 экз.); детали костюма (18 экз.); детали туалета и мелкие хозяйственные принадлежности (12 экз.); предметы быта и хозяйственного назначения (61 экз.); амулеты (4 экз.); предметы неопределенного назначения (21 экз.).

Проанализировав все изделия из кости и рога, можно сказать, что они интересны и оригинальны. Это фрагменты оленьей упряжи, копоушки, рукояти, наборные расчески, амулеты и другие предметы, хронологически встраиваемые в рамки функционирования городища (вторая половина X–XII в.). Среди предметов, изготовленных из кости и рога северного оленя, лося, крупного рогатого скота, лошади, медведя, птицы и рыбы, встречаются орудия труда, свидетельствующие о том, что население городища Купрос занималось кожевенным производством, производством одежды и обуви, охотой и оленеводством, а также использовало костяные вещи в качестве туалетных принадлежностей и деталей костюма.

Следует отметить, что в период существования родановской культуры косторезное дело достигло высокого уровня развития, хотя и не превратилось в полной мере в ремесленное производство. Находки заготовок костяных изделий, изделий со следами брака, а также специализированных ножей для обработки кожи и кости с прямым лезвием, совпадающим с нижней гранью черешка, могут свидетельствовать о том, что на городище Купрос происходило изготовление изделий из кости.

А.А. Гусев, Д.Н. Линденков

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

МОХОВСКИЙ КОМПЛЕКС X–XI вв.: ОТКРЫТОЕ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЮГО-ВОСТОКЕ БЕЛАРУСИ

Моховский комплекс расположен в 8 км севернее г. Лоева Гомельской обл. на правом берегу Днепра при устье Сожа. Он состоит из мысового городища, селища и курганного могильника (насчитывал свыше 600 насыпей – крупнейший могильник на территории Беларуси). Общая площадь комплекса – около 25 га. Первые исследования здесь были проведены В.З. Завитневичем в 1890 г. (26 насыпей). Захоронения были представлены кремациями (9), ингумациями (16) и кенотафом (1) (Завитневич, 1892. С. 11–74).

С 2003 г. изучение комплекса продолжено экспедицией Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины под руководством О.А. Макушниковой. В 31 кургане было исследовано 40 погребений (24 ингумации, 12 кремаций, 1 неполная кремация, 3 с неустановленным обрядом). Определено 17 женских, 14 мужских захоронений. Преобладает западная ориентировка костяков, отмечается восточная и меридиональная. В вещевом комплексе представлены браслетообразные височные кольца кривичского типа, железные ножницы, стеклянные бусы, коромысло карманных весов, остатки ведра, предметы вооружения и воинского быта (наконечники копий, топоры, обломки железных гривен и браслетов, остатки поясов и пр.). География аналогов многих находок охватывает Северную

Беларусь, Прибалтику, Скандинавию и Византию. В курганах отсутствуют предметы, характерные для этнографии местного населения, – радимичей и дреговичей.

Анализ вещей и погребального обряда позволяет обозначить некоторые особенности, выделяющие Моховский комплекс среди прочих поселений региона и ставящие его в один ряд с открытыми торгово-ремесленными центрами IX–XI вв. (Гнездово, Шестовица и пр.) (Макушников, 2009. С. 78–95). Выгодное расположение Мохова на Днепровском пути дает возможность говорить о его важной роли в истории Руси времен образования государственной территории. Сущность памятника отражает неравномерность процессов феодализации.

Открытие Моховского комплекса ставит ряд вопросов относительно времени и причин появления памятника; выполняемых функций и их динамики; характера взаимоотношений с “племенными” и княжескими центрами; этнической атрибуции населения; связи с сельской округой; интерпретации комплекса в качестве поселения-спутника Лоева (предполагаемого древнерусского города); причин угасания комплекса. Вопросы типологии, классификации вещевого материала и погребального обряда требуют специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Завитневич В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полестье // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. VI. Киев, 1892.

Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009.

Т.М. Пономарева

ООО «НПО “Северная археология-1”», г. Нефтеюганск

ТИПОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА СТРЕЛКА В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009 г.)

Проблемы типологии и хронологии средневековых комплексов Среднего Приобья в настоящее время весьма актуальны. Это относится в том числе к комплексам последней трети I – первой трети II тыс. н.э. Несмотря на длительность исследований, раскопками в основном изучались могильники, поселенческие памятники единичны, коллекции малы. Основная цель доклада – представить новые материалы к типологии и хронологии средневековых комплексов последней трети I – первой трети II тыс. в Среднем Приобье.

В 2009 г. экспедицией ООО «НПО “Северная археология-1”» под руководством Т.М. Пономаревой и О.В. Кардаша проводились исследования городища Стрелка, расположенного в Сургутском районе Ханты-Мансийского АО-Югры на левом берегу р. Большой Юган в 3,35 км к ЮЮЗ от пос. Угут. Были изучены остатки фортификационных сооружений, жилых построек и получена коллекция вещевого материала, включающая около 12 тыс. единиц, основную массу которых составляют фрагменты сосудов.

По результатам исследований можно заключить, что в средневековье мыс заселялся неоднократно в период с конца VII по вторую половину XIII в. На основании типологического анализа, стратиграфии и данных радиоуглеродного дати-

рования было выделено четыре хронологических горизонта эпохи средневековья. Наиболее ранний представлен посудой кучиминского типа. Коллекция включает фрагменты не менее 50 сосудов. Остатков сооружений этого горизонта в раскопе 2009 г. не зафиксировано. Керамическая посуда вожпайского типа составляет основную часть массива материала и представлена фрагментами более чем 300 сосудов. Для обоснования ее датировки кроме типологических разработок были привлечены результаты анализа нагара радиоуглеродным методом. Усредненные даты укладываются в промежуток начала IX – второй половины X в. К рассматриваемому горизонту мы также относим строительство оборонительно-жилого комплекса городища на основании данных, полученных при датировании конструкций по радиоуглероду. Зафиксированы факты, свидетельствующие о том, что, несмотря на сохранение общего облика и планировки, городище неоднократно перестраивали. Комплекс сосудов кинтусовского типа представлен не менее чем 65 керамическими горшками и 15 фрагментами медных котлов. С ними связаны поздняя постройка на городище и дополнительный вал, удаленный от центральной части оборонительно-жилого комплекса на 10 м вглубь мыса.

Полученные данные позволяют значительно расширить источниковую базу исследования комплексов последней трети I – первой трети II тыс. в Среднем Приобье. Исследование городища планируется продолжать.

А.В. Акилбаев

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Йошкар-Ола

ПРЕДМЕТЫ ИНОЭТНИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МАТЕРИАЛАХ РУСЕНИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 2009 г. на территории Нижегородского Поветлужья был открыт Русенихинский могильник. Его материал и погребальный обряд типичны для марийских некрополей X–XI вв. На сегодняшний день вскрыто семь погребений и пять жертвенных комплексов. Среди находок выделяются вещи, являющиеся иноэтничными для марийской средневековой культуры.

Кресала. В погребении 2 найдено биметаллическое кресало с композицией из двух стилизованных всадников, скачущих в противоположные стороны. Подобные огнива известны в Северной Европе, Прибалтике, Германии, Пермском крае, Удмуртии, Татарстане, на севере европейской части России (Крыласова, 2007). В погребении кресало встречено с дирхемом. Дирхемы из Русенихинского могильника не датированы, однако для погребений позднее XI в. в марийских средневековых могильниках они не характерны (Никитина, 2002). Аналогии биметаллическому кресалу с изображением антропоморфной фигуры между двумя птицами из погребения 6 находятся в Предуралье, где они датируются (как и все биметаллические кресала) IX – первой половиной XI в. (Крыласова, 2007). В погребении рассматриваемое кресало также встречено с дирхемом.

Подвески. Из погребения 4 происходит серебряная подвеска в виде всадницы на змее. Подвески-всадницы встречены в Прикамье, на Чепце, в Приладожье и Прионежье, а также в Поветлужье и на Среднем Поволжье (в том числе на территории Волжской Булгарии) в X–XI вв. Их родина – Прикамье (Рябинин, 1981). Комплекс, где найдена подвеска, не содержит предметов с четкой датировкой. В погребении 6 обнаружена коньковая подвеска с прорезной основой и при-

весками. Известны такие подвески в IX–XI вв. на территории от Швеции до Оби, их концентрация, по наблюдениям Л.А. Голубевой (1979), приходится на Прикамье. Аналогичные подвески из марийских могильников Е.П. Казаков считает болгарским импортом (1992).

Фибулы. Со сборов на территории могильника происходит подкововидная фибула со спиралевидными головками и круглым сечением дуги. Подобные фибулы имеют широкое распространение и известны на территориях севера европейской части России, Прикамья, Прибалтики, Финляндии, Швеции. Датируются они X–XIII вв. (Мальм, 1967). Известна подкововидная фибула с винтовой нарезкой из погребения 6. Головки сохранились очень плохо, определить их вид невозможно. Практически все подкововидные фибулы марийских могильников IX–XI вв. являются северорусским импортом (Акилбаев, 2010), поэтому рассмотренные фибулы также можно считать результатом торговых контактов с Северной Русью.

В погребениях 1–3, 6 и 7 найдено восемь целых дирхемов и два обломка. По мнению Е.П. Казакова (1992), они связаны с торговой деятельностью волжских болгар.

Таким образом, в материалах Русенихинского могильника имеются предметы, происходящие из Прикамья, Северной Руси и Волжской Булгарии, что при привлечении материалов других марийских могильников этого же времени дает информацию о торговых и этнокультурных контактах средневековых марийцев.

П.С. Успенский

Институт археологии РАН, Москва

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КРЕМАЦИОННЫХ МОГИЛЬНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА VIII–XIII вв.

Яркую составляющую культуры племен, проживавших на Северо-Западном Кавказе, создали носители обряда трупосожжения. Известно более 30 могильников с кремационными погребениями, история изучения которых насчитывает более 100 лет. Однако обобщающей работы, охватывающей весь массив трупосожжений, нет.

Могильники с трупосожжениями в основном распространены на территории Западного Закубанья (левый берег р. Кубань) и Северо-Восточного Причерноморья.

В научной литературе весь массив кремационных погребений принято разделять на два хронологических горизонта: трупосожжения хазарского времени, суммарно датируемые VIII–IX вв., и домонгольского (XI–XIII вв.).

Сожжения первого горизонта известны в могильниках Дюрсо, Борисовский, Восьмая щель, Молдовановский, Казазово II, Ленинский путь, Псекупский и др. Кремации домонгольского времени обнаружены в могильниках Цемдолинский, на г. Сапун, Кабардинка, Шизе IV, Шебш 1, 2, Шабановский, Общественный III и др.

Главным спорным вопросом является этническая принадлежность носителей этого обряда. В научной литературе высказывались различные точки зрения на проблему. К настоящему времени разработаны четыре основные гипотезы – тюркская, угорская, абхазо-адыгская и иранская, из которых ни одна не подкреплена убедительными аргументами.

Проблема этнической принадлежности неразрывно связана с вопросом появления и распространения обряда кремации на Северо-Западном Кавказе в Средневековье.

Высказывались предположения о связи трупосожжений хазарского и домонгольского времени, однако неясно, проявлялась ли она в простом наследовании обряда или в этногенетическом родстве двух групп? Этот вопрос требует детального изучения. Сложность его заключается в малочисленности материалов, относящихся к X–XI вв., – так называемому переходному периоду в развитии обряда трупосожжения. После XI в. в нем происходят изменения – появляются трупосожжения под небольшими курганами с каменными конструкциями, предположительно связанные с влиянием кочевых народов.

Важной является проблема взаимосвязи кремационных могильников, распространенных в Северо-Восточном Причерноморье и в предгорной части Западного Закубанья, с памятниками степной зоны Западного и Восточного Закубанья. В дальнейшем при разработке хронологии комплексов двух групп могильников важно будет понять, предшествовали ли трупосожжения в степной зоне появлению массива подкурганых кремаций, или памятники обеих групп сосуществовали.

Для решения комплекса вопросов, связанных с кремационными погребениями, необходимо применить современные методы исследования: прежде всего, разработать код описания погребального обряда и создать на его основе базу данных для проведения многомерного статистического анализа памятников; выделить предметы материальной культуры – хронологические индикаторы для последующей разработки хронологии кремационных погребений VIII–XIII вв.; изучить социальную стратификацию погребений и, по возможности, выделить этномаркирующие признаки.

В конце I тыс. погребальная практика трупосожжения существовала не только на территории Северо-Западного Кавказа, поэтому необходимо провести сравнительный анализ кремаций рассматриваемого региона с погребениями на территории Самарской Луки, Северского Донца и Абхазии.

Д.А. Столярова

Институт археологии РАН, Москва

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ МОГИЛЬНИКА МАМИСОНДОН

Мамисондон – яркий погребальный памятник VII–IX вв., открытый и исследованный в 2007–2008 гг. Северо-Осетинской экспедицией ИА РАН в ходе проведения охранных раскопок в зоне затопления проектируемого водохранилища Зарамагских ГЭС. Он находится в Алагирском р-не Республики Северная Осетия–Алания (Зарамагская котловина, верховья р. Ардон). Согласно антропологическим данным, население этого памятника отличалось от аланского. Степень близости индивидов с разных участков некрополя каким-либо этническим группам, населявшим Кавказ, пока не выяснена (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010).

Погребальный инвентарь Мамисондона ограничен предметами личного обихода или деталями костюма. Изделия, изготовленные из цветных и драгоценных металлов (95 экз.), были изучены с помощью оптического микроскопа (Zeiss

Stemi 2000) с увеличением от 10 до 500 на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Полученные наблюдения, зафиксированные с помощью макроснимков, позволили реконструировать технологические операции и приемы, использованные для изготовления перстней, височных колец, заколок, браслетов, фибулы и бусины.

В результате проведенного исследования установлено, что в коллекции украшений абсолютно преобладают изделия, выполненные с помощью пластической деформации: ковка была основным приемом в ювелирном производстве Зарамагской котловины. Кузнечная обработка включала несколько основных и вспомогательных операций, таких как формообразующая (на мягкой подкладке) и косметическая ковка и рубка, а также производство волоченной и штампованной проволоки. При работе с проволокой мастера использовали такие операции, как витье и кручение. В число изделий, полученных с помощью кузнечных операций, входят 58 перстней, 11 височных колец, 5 браслетов, 2 булавки и фибула, их доля в выборке превышает 80%.

Ювелирам, обслуживающим жителей Зарамагской котловины, была хорошо знакома и техника литья. Несмотря на то, что четыре перстня были получены по выплавляемой восковой модели, в группе литых изделий преобладают экземпляры, отлитые в съемные формы, полученные по оттиску готовых украшений (13 перстней и бусина). Единичные находки, такие, как височные кольца, выполнены в технике зерни, в конструкции нескольких перстней зафиксировано употребление штампованной “бусиной” проволоки.

В процессе изготовления некоторых типов украшений ювелиры применяли технику пайки для соединения отдельных конструктивных деталей, используя при этом различные виды припоев (свинцово-оловянных и серебряных). Эта операция применялась для изготовления перстней (58 экз.), височных колец (9 экз.) и фибулы.

Таким образом, технологическое изучение находок из Мамисондона выявило простые и сложные операции, использованные при производстве украшений. В изготовлении самой массовой категории – перстней – отчетливо прослеживаются две технологические традиции.

В.Н. Кузнецова

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

ПОЛЫЕ ОРНИТОМОРФНЫЕ И КОНЬКОВЫЕ ПОДВЕСКИ

НАЧАЛА II тыс. н.э.

В начале II тыс. н.э. зооморфные украшения, изготовленные новгородскими мастерами, воспринимаются в среде чепецкой, родановской археологических культур и перми вычегодской. По всей вероятности, иконография древнерусской культуры была в целом близка сложившемуся мировоззрению финно-угорского населения. Примечательно, что процесс имел двусторонний характер: не только новгородские “коньки” встречаются на территории Урало-Поволжья, но и прикамские “птички” зафиксированы на территории Костромского Поволжья, а также на северо-западе Древней Руси (в бассейне Шелони и Новгороде). Показательными являются комплексы находок со святилищ, расположенных за полярным кругом, которые представляют собой скопления зооморфных изделий со всех территорий, связанных с финно-угорским миром.

Типология орнитоморфных подвесок, сформовавшихся около XII в. на территории Урало-Поволжья, не разработана. Зачастую авторы не дают однозначной интерпретации их культурной принадлежности, хотя наряду с некоторыми подвесками-лапками эти изделия иллюстрируют связь средневековых культур Предуралья с западносибирскими. В целом же полые прикамские подвески развиваются по пути наращивания декоративных элементов: украшения становятся более тяжеловесными, их поверхность покрывается жгутовым орнаментом и насечками. Параллельно происходит отказ от лапчатых привесок. Для подвесок начала II тыс. н.э. не существует единого решения в оформлении голов. Судя по всему, среди изделий встречаются как орнитоморфные, так и коньковые. Ситуация усложняется еще и тем, что ювелиры Волжской Булгарии изготавливают изделия по местным образцам.

Можно выделить довольно устойчивую в стилистическом плане группу подвесок, например, из Чожтыягского и Лоемского могильников, святилища Сиртя Сале на о. Вайгач, д. Юрата, Степановского и Ликинского могильника, клада с р. Атымья, могильников Нарымского Приобья. У изделий этой группы на шее заметно подобие насечек или капель, однозначно интерпретировать которые как петушинный гребень или лошадиную гриву сложно. В данном контексте обращают на себя внимание полые подвески типа XVIII, варианта 3 по Е.А. Рябинину, встречающиеся в XI–XII вв. в Приладожье, на северо-западе Новгородской земли, в Вологодской, Архангельской и Костромской обл., Пермском крае, на Сысоле и Ветлуге.

К.М. Метелкина

Шуйский государственный педагогический университет

УКРАШЕНИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА В КОСТЮМЕ ЖИТЕЛЬНИЦ КЛОЧКОВСКОГО СЕЛИЩА X–XII вв. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

В настоящее время исследование культурных элементов, в частности, костюма по археологическим данным особенно актуально. Изучение древнего костюма позволяет создавать палеоэтнографические реконструкции, проследить эволюцию костюма, рассматривать “костюмные связи” и их значение в истории отдельных территорий. Рассматриваемая территория (бассейн Тезы, Клочковское селище) относится к Верхней Волге, в X–XII вв. она входила в состав Ростово-Суздальского княжества. Население княжества составляли как финно-угорские автохтоны (меря, мурома), так и славяне.

Шуйская археологическая экспедиция (руководитель О.А. Несмиян) с 2005 г. проводит археологические исследования древнерусского селища (X–XII вв.), расположенного у п. Клочково Шуйского р-на Ивановской обл. Удалось выяснить, что на протяжении трех столетий поселение существовало непрерывно на высоком берегу Тезы. В ходе исследований 2005–2010 гг. было найдено 314 изделий из цветного металла (Несмиян О.А., Несмиян В.Г., в печати). Из них 202 – такие детали женского костюма, как привески, пуговицы, фрагменты поясных и нагрудных украшений, украшения головного убора (височные кольца), украшения рук (браслеты и перстни). Цель работы – попытаться реконструировать украшения женского костюма по археологическим материалам

В коллекции Ключковского селища ювелирные украшения разнообразны: крестопрорезные (10 шт.) и однопрорезные (22 шт.) бубенчики, лапчатые (16 шт.), трапециевидные (17 шт.), колоколовидные (8 шт.) привески, пуговицы (3 шт.), шумящие подвески (14 шт.), фрагменты ювелирных украшений (23 шт.). Наличие такого количества привесок в культурном слое раскопа позволяет сделать вывод о том, что они, скорее всего, пришивались к костюму, украшая рубахи и, возможно, обувь. Такой тип одежды реконструируется по материалам, представленным в книге «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (1987. С. 97).

В вещевой коллекции Ключковского II селища имеются такие традиционные финно-угорские украшения, как перстнеобразные широкосрединные подвески с петлями для привесок. Они служили плечевыми, нагрудными и поясными украшениями. Также найдены подвески, относящиеся ко второй половине XI в. (впервые зафиксированы в Семухинских курганах, Ивановская обл.). Их корпус состоит из проволочных колец, спаянных в виде ажурных треугольников, роль привесок выполняют грушевидные однопрорезные бубенчики. В целом следует отметить, что подобные ювелирные украшения широко представлены на всей территории Волго-Камского бассейна и являются характерными украшениями поволжских финнов (Горюнова, 1961. С. 76). В качестве шейных украшений служили ожерелья из бус с разнообразными привесками. На селище найдены четыре крестообразные привески, из них две относятся к «скандинавскому» типу и датируются XI в. Наиболее интересен крест с шариками на концах и стилизованным изображением святого в ромбическом средокрестии, датируемый XI в. К подвескам-оберегам относится привеска-ложечка с ушком для подвешивания, также обнаруженная на селище.

К украшениям головного убора в коллекции Ключковского селища мы можем отнести височные кольца (12 шт.), подразделяющиеся на три типа по способу соединения концов (Леонтьев, 1996. С. 159): перстнеобразные и браслетообразные с заходящими или несомкнутыми концами; с замком в виде щитка с отверстием и крючком; петлеконечные перстнеоб-

Рис. 1. Реконструкция женского костюма по материалам Ключковского II селища

разные. Среди петлеконечных следует отметить височные кольца, обрамленные бронзовой скрученной проволокой, – так называемые кудрявые. Аналог найден на селище Мякинино-I и датируется первой половиной XII в. (Энговатова, Коваль, 2007. С. 74). К этой серии украшений можно отнести и обоймицы (3 шт.), трубчатые и спиральные пронизки (5 шт.).

Комплекс наручных украшений включает браслеты (7 шт.) и перстни (11 шт.). В коллекции в основном представлены пластинчатые перстни, орнаментированные плетенкой (2 шт.) и датируемые XI в. А также широкосрединные перстни с завязанными концами (2 шт.); пластинчатый перстень с косыми насечками, один конец которого стилизован в виде змеиной головы; щитковые перстни с квадратным щитком (1 шт.) и овальным щитком (3 шт.). Браслеты представлены фрагментами и относятся к пластинчатому типу: с расширяющимися концами (4 шт.); орнаментированные S-образным узором (2 шт.), датируемые XII в. (Седова, 1978. С. 83); дротовый выпукло-вогнутого сечения, с округлыми концами (1 шт.). Пластинчатые браслеты были широко распространены у волжских племен VII–XI вв.

К поясным украшениям относятся пряжки (3 шт.), поясные накладки (7 шт.) и поясные наконечники (2 шт.). В коллекции два одинаковых орнаментированных наконечника (классификация В.В. Мурашовой), относящиеся к VII группе, вид 2А и датирующиеся X–XII вв. (2000. С. 61). Среди накладок отмечается квадратная орнаментированная и имеющая прямоугольную прорезь (один из самых распространенных видов накладок); две накладки, имеют рисунок пятилепесткового цветка, окаймленного бордюрами из ложных перлов; украшенная рисунком рельефного цветка. Перечисленные украшения пояса широко распространены в различных культурных группах.

Выделенные части женского костюма отражают этнокультурный состав населения селища и региона в целом. Костюм позволяет проследить взаимодействие носителей разных культурных традиций.

Несмотря на фрагментарность находок, мы можем реконструировать отдельные элементы костюма и предположить местонахождение украшений на костюме жительницы Ключковского селища XI–XII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Несмиян О.А., Несмиян В.Г. Изделия из цветного металла в коллекции Ключковского селища II // Археология Владимиро-Суздальской Руси: Матер. науч. семинара. Вып. 4. В печати.

Седова М.В. Ярополч-Залесский. М., 1978.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987 (Археология СССР).

Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья: Матер. науч. семинара. Вып. 3. М., 2007.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ (XI–XIII вв.)

Археологические памятники XI–XIII вв. дают материалы, дополняющие письменные источники, и четко отражают те изменения, которые произошли на Смоленской земле. Основным объектом исследования материальной культуры горожан рассматриваемого периода служат места поселений и остатки разного рода сооружений. (Речь идет об археологических памятниках XI–XIII вв., лежащих в пределах городской территории.)

В дореволюционное время на основе письменных источников древнерусские города Смоленщины были описаны С.П. Писаревым, И.И. Орловским, С. Ракочевским. В советское время многие объекты были включены в сводки памятников археологии Смоленской обл. благодаря деятельности А.Н. Лявданского, Н.В. Андреева, Е.А. Шмидта, А.А. Ходченкова. Регулярные раскопки древнерусских городов Смоленской земли начались после Великой Отечественной войны.

В результате археологических охранных исследований определились границы распространения заселенной области, что позволило охарактеризовать основные этапы возникновения и развития древних городов. В 20-х годах XX в. было положено начало более тщательному изучению смоленских древностей. А.Н. Лявданским и И.М. Хозеровым, а впоследствии Д.А. Авдусиным были предприняты раскопки на Соборной горе, где располагался детинец. Но попытки отыскать там слои ранее XI в. не увенчались успехом. Городище исследовалось в Вязме, Дорогобуже, Ельне, Рославле (Л.В. Алексеев, Т.В. Сергина). Исследовался детинец в городах, некогда входивших в состав Смоленского княжества, а в настоящее время находящихся на территории Белоруссии: Копысе, Кричеве, Пропошеске и др. В результате раскопок были обнаружены домонгольские слои, характеризующие материальную культуру XII–XIII вв.

Важной задачей было определение территории предместья или посада, окружающего центр города. Были произведены раскопки в разных местах Смоленска, и получен ценный материал о деревянных постройках XII–XIII вв., благоустройстве города, ремеслах, торговле. Территория предместья в других городах Смоленской земли недостаточно изучена.

Культурный слой древнерусских городов содержит многочисленные остатки древних памятников архитектуры. Их раскопки также имеют большое значение для изучения истории города. До революции руины храмов Смоленской земли изучались С.П. Писаревым, И.И. Орловским, Е.Н. Клетновой, а в 1920-х годах – И.М. Хозеровым. В 1960-х годах заработала Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Н.Н. Воронина, П.А. Раппопорта. С этого времени начинается систематическое изучение каменного зодчества в Смоленске, Рославле и других городах.

Еще одной задачей стало определение границ прохождения и устройства земляных оборонительных валов города при Ростиславе Мстиславиче. В этой связи следует отметить деятельность Н.В. Сапожникова, уточнившего трассировку вала в Смоленске. В других городах производился скорее визуальный осмотр оборонительных городских укреплений. В ходе разведок приводилось описание расположения вала, его внешнее состояние.

В результате работ многих исследователей в пределах древнерусских городов (прежде всего Смоленска) выявлено значительное количество объектов археологии. За последние годы активно ведутся охранные археологические работы, которые дают ценный материал по истории городов не только древнерусского, но и позднесредневекового времени.

Д.Ю. Бадеев

Институт археологии РАН, Москва

НАХОДКИ ШАХМАТНЫХ ФИГУРОК ИЗ РАСКОПОК РУБЛЕННОГО ГОРОДА В ЯРОСЛАВЛЕ

Новые материалы по истории и развитию шахматной игры в Средневековье на территории Руси предоставили широкомасштабные археологические исследования на территории Рубленого города в Ярославле. В ходе работ на трех раскопах (Рубленый город, Успенский и Волжская наб., д. 1) была собрана коллекция из девяти шахматных фигур, из которых семь являются абстрактными (три короля/ферзя; две ладьи; конь, одна пешка?), одна – изобразительной (слон) и еще одна – условно-изобразительной (ферзь). Все фигуры относятся к разным игровым наборам.

Конь. Абстрактная фигурка восточного типа из лосинового рога происходит из заполнения сооружения, погибшего в результате разорения города татаро-монголами в феврале 1238 г. Это цилиндрок со скругленным верхом высотой 3 см и небольшим выступом, имитирующим голову коня. Фигурка украшена циркульным орнаментом.

Ладья. Представлена двумя находками, выполненными из лосинового рога. Первая имеет прямоугольное основание (2.8×1.5 см) и два боковых выступа высотой 2.6 см, характерных для подобных фигурок восточного типа. К ее особенностям относятся два отверстия (0.7 см) с прорезями. Данная ладья происходит из культурных напластований XIII–XIV вв. Вторая высотой не больше 2 см имеет округлое основание, отделенное бороздкой в нижней части. Подобная ладья является своего рода переходной формой от шахмат восточного типа к фигурам новой (местной) абстракции. Датировка возможна в пределах XIII–XV вв.

Король/Ферзь. Из-за одинаковой формы абстрактных фигур короля и ферзя отличить невозможно, если они не относятся к одному шахматному набору; подобных фигур новой (местной) абстракции найдено две. Обе выполнены из лосинового рога. Первая из “королевских” фигур представляет собой усеченный конус с двойным линейным орнаментом в верхней и нижней частях (высота 3.2 см). В центральной части на боковой поверхности процарапан зубчатый орнамент – своеобразное наследие восточных абстрактных фигур. Вторая имеет подобную форму с вогнутыми боками. В центре выделяется обод, по обе стороны от которого идет двойной линейный орнамент. На верхней грани в отверстие вставлялось навершие в виде двух горошин (высота с навершием 2.7 см). Фигурки происходят из прослоек XV–XVI вв. Еще одна фигура найдена в сооружении XV–XVI вв. Она состоит из круглого основания, шаровидного туловища, между которыми располагалось свободно вращающееся кольцо; верхняя часть фигуры оформлена в виде короны (царского венца). К условно-изобразительным шахматам относится деревянная ярусная фигура ферзя, обнаруженная в перемешанных слоях из заполнения рва. На усеченном конусе располагается шаровидное тулово, выше – голова

с прорезанными чертами лица, прической и шляпой с широкими полями. В Москве подобные фигуры происходят из культурных напластований XVI–XVII вв. Размер фигуры – 13,5 см.

Слон. Уникальной находкой является изобразительная фигурка слона (XIII в.), изготовленная из кости (рога) и украшенная “глазковым” орнаментом.

П.Е. Русаков

Институт археологии РАН, Москва

КЕРАМИКА В РЕГИОНЕ МИХАЙЛОВСКОЕ ПОЛЕ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Михайловское поле расположено в западной части Рязанской обл., в Михайловском и Захаровском р-ах. Археологические исследования здесь носили в основном разведочный характер (1930, 1978, 1983–1987, 2000–2008 гг.), а раскопки проводились только в 1953 и 1959 гг. (А.Л. Монгайт). Они коснулись Иже-славльского и Жокинского городищ. Начиная с 2006 г. проводятся охранно-спасательные работы на территории селища Жокино 1 (XII–XIV вв.), сопутствующего Жокинскому городищу. Статистические исследования массового материала в регионе никогда не публиковались.

В ходе раскопок Жокино 1 было получено несколько тысяч фрагментов керамики и до 80 кг шлаков. Большая часть материала была сконцентрирована в заполнении котлована средневековой постройки 1. Заполнение делилось на четыре слоя, отличающихся по цвету, составу грунта, плотности и степени концентрации массового материала. Общее количество керамики, найденной в котловане, составило 2676 фрагментов. С учетом таких параметров, как примесь в тесте, вид обжига, степень ожелезненности глины и дополнительная обработка поверхности материал был распределен на 45 групп. Больше всего керамики пришлось на 15 групп, из которых несколько продемонстрировали сходство как по уже перечисленным признакам, так и по типам днищ, типам венчиков и особенностям орнаментации. Благодаря этому группы были объединены в шесть основных категорий.

В заполнении котлована постройки 1 соотношение выделенных категорий керамики оказалось сходным. При этом в нижнем слое доминировали ранние типы венчиков, чаще всего соотносимые с домонгольским временем. Только применительно к одной группе можно утверждать, что ее присутствие в заполнении постепенно, но заметно сокращалось, что, возможно, свидетельствует о более ранней датировке керамики.

Шлаки четко разделяются на керамические (легкие) и железные (тяжелые). В самом верхнем слое заполнения их зафиксировано гораздо меньше, чем в нижележащих слоях. В самом нижнем слое отмечена наивысшая концентрация керамических шлаков и высокая концентрация железных.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДЕЦКОЙ ОКРУГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЛЕКЦИИ НОЖЕЙ С СЕЛИЩА ПЕРШИНО-1)

Основанием для доклада послужило изучение методом археометаллографии обломков ножей с древнерусского селища Першино-1, найденных в ходе археологических раскопок 2001–2006 гг. Сравнительно-типологический анализ изделий из черного металла не может дать существенных сведений о средневековых традициях, поэтому использованный метод наиболее информативен в изучении изделий средневековых мастеров.

С селища Першино-1 было исследовано 14 инструментов и их обломков. На полученных материалах можно проследить шесть технологических схем: изготовление из кричного железа (образцы № 2, 3, 5, 13), сварка двух пластин (образцы № 7, 9), вварка (образцы № 6, 12), наварка стальной лезы на железную основу (образец № 10), косая боковая наварка (образцы № 4, 8, 14) и торцовая наварка (образцы № 1, 11). Значительная часть изделий (6 шт.) изготовлена по упрощенной (архаичной) технологической схеме либо из кричного железа, либо сваркой двух пластин. В исследованной коллекции грамотностью исполнения и качеством выделяются образцы № 1 и 4, выполненные в технике торцовой наварки; № 8 и 14 – в технике косой боковой наварки; № 12 – в технике вварки. Косая боковая наварка и торцовая наварка стального лезвия – сложные и требующие немало искусства технологические схемы; их наличие позволяет предположить, что указанные образцы, особенно выполненные в технике торцовой наварки, были на памятнике, скорее всего, импортом.

Сравнительно большая процентная доля изделий, выполненных в технике наварки, позволяет высказать некоторые суждения о датировке памятника, ставшей в настоящее время предметом дискуссии. Учитывая его периферийность и особенности материальной культуры, мы можем предположить, что изделия Першино-1 более соответствуют кузнечному ремеслу XIII – начала XIV в., хотя и осознаем относительность такого сравнения. Измерения железа показали его сравнительно высокую микротвердость (более 200 кг/мм²) у образцов № 1, 3, 5, 8, 13, позволяющую предполагать использование фосфористого железа.

Большой интерес вызывает обнаружение в исследованной коллекции двух инструментов, выполненных сваркой стальной и железной полосы с выходом стали на острие. Эта технология в целом не характерна для Древней Руси. Находка сразу двух таких экземпляров на Першино-1 может свидетельствовать о сравнительно большом распространении технологии. Мы также можем предположить существование преемственности традиций кузнечного ремесла между пришлым русским населением и финскими аборигенами и по-новому взглянуть на возможный ход освоения Нижегородского Поволжья.

ОСОБЫЙ ТИП ТЕХНИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Преимущественно глиняные сосуды 8–15 см высотой с округлым туловом и коническим дном, широко известные в средневековье на мусульманском Востоке, в археологической литературе получили название сфероконических сосудов или сфероконусов. Благодаря форме и малым размерам отверстий они всегда лежат на боку и являются своеобразными “непроливайками”. Данный вид посуды изготовлялся и из таких материалов, как стекло, фаянс, бронза, свинец. Массовые находки сфероконусов происходят из слоев городских памятников.

По техническим характеристикам описываемые сосуды относятся к огнеупорам. От других гончарных изделий отличаются толщиной стенок (до 3 см), высокой плотностью и твердостью (5–8 баллов по шкале Мооса), достигавшейся в результате тщательного отбора глин и обжига.

Существует большое количество работ, посвященных вопросу назначения сфероконусов. Уже в XIX в. они привлекли внимание исследователей, пытавшихся объяснить их назначение. В результате была высказана масса версий: гранаты (М.Ф. де Сольси, П. Пентц, В.Л. Вяткин, А.В. Арциховский, Л. Дмитров и др.); лампы (А.Ф. Лихачев, В.А. Городцов); архитектурные детали (В.А. Казаринов); тара для жидкостей: ртути (Э. Ленц, Б.В. Лунин, М.В. Борзов, А.А. Кротков и др.), воды (З.З. Виноградов), алкогольных напитков (Л.Т. Гюзальян, А. Гочани и К. Эйдл), духов и розовой воды (Н.Я. Марр, Э.К. Кверфельдт и др.); алхимическая посуда (Р.М. Джанполадян, М. Амиджанова, С.И. Валиулина). Современные исследователи допускают многофункциональное использование сфероконусов.

Результаты археологических исследований болгарских памятников свидетельствуют о том, что местными гончарами было освоено сложное и трудоемкое производство сфероконических сосудов еще на раннем этапе сложения раннефеодального государства (торгово-ремесленные поселения рубежа X–XI вв., такие, как Билярское II, Измерское и Семеновское селища). На территории Волжской Булгарии массово они известны в таких городских центрах, как Биляр, Болгар, Хулаш, Сувар, Муромский городок и др. Большим количеством находок сфероконических сосудов выделяется Биляр (на сегодняшний день более 1600 экз.). Отличительной особенностью домонгольских памятников Среднего Поволжья являются многочисленность этой посуды в регионе (большая часть – привозная) и выразительная концентрация в ремесленных комплексах: раскопы V (усадебные мастер-замочников, работавших с медным литьем), XXVIII (ремесленные мастерские), XXXVIII, XXXIX (кирпичное здание), XL, XLI (мастерская алхимика) Биляра; раскоп III (усадебные ремесленников-металлургов) Билярского II селища. В то же время на территории Средней Азии и Закавказья сфероконические сосуды распространены равномерно как в жилых комплексах, так и в ремесленных кварталах. В золотоордынский период производство таких сосудов было налажено в Болгаре, где они входили в ассортимент гончарной продукции. Топография распространения сфероконусов в золотоордынском слое Болгарского городища показывает, что данная посуда встречается почти на каждом раскопе. В золотоордынский период сфероконические сосуды использовались в отраслях, демонстрирующих необходимость в посуде с качествами, присущими сфероконусам (толщина стенок, маленький диаметр отверстия), – ремесленных производствах, алхимии, медицине, парфюмерии.

ШЕСТИЛУЧЕВАЯ БЛЯХА ИЗ МОГИЛЬНИКА “АУШЕДЗ”. К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В 2007 г. археологический отряд ЮНЦ РАН проводил раскопки поздневекового грунтового могильника “Аушедз” в Северском р-не Краснодарского края. Всего было исследовано 42 погребения, совершенных по обряду ингумации. Часть из них разрушена траншеей и сохранилась фрагментарно. Обряд захоронения стандартен: скелеты лежат вытянуто на спине черепами на юго-запад без подсыпок и подстилок. Из-за небольшой глубины погребений форма ям не прослежена. По аналогиям и монетам могильник датируется XIV в.

Интересующая нас шестилучевая бляха происходит из отвала разрушенного землеройной техникой погребения, в связи с чем расположение и функциональная принадлежность предмета не восстанавливаются. Размер бляхи – около 10×10 см. Центральная часть полусферической формы окаймлена плоским бортиком. В центре – отверстие для крепления петли с кольцом. От бортика отходят шесть лучей, заканчивающихся выпуклыми шайбами полусферической формы. Три луча через один обломаны (искусственно?), один из сохранившихся загнут назад так, что его конец с шайбой заполняет внутреннее пространство центральной бляхи (рис. 1, 1).

Находки аналогичных предметов довольно редки, что затрудняет их интерпретацию. По конструктивным особенностям видно только то, что подобные бляхи могли крепиться к одежде или были деталью предметов вооружения.

Вторая похожая бляха происходит из курганного могильника Аглосский, курган 3, погребение 1 (рис. 1, 2). Погребение было разрушено грабителями, весь инвентарь сдвинут со своего места. По инвентарю (стрелы, стремя, кресало) и монетам оно датируется серединой XIV в.

Третья шестилучевая накладка найдена в курганном могильнике “Азаренский 1” (Краснодарский край, Туапсинский р-н) (рис. 1, 3). В кургане 26 с каменным ящиком возле фрагмента правой бедренной кости с ее внешней стороны были найдены 13 железных наконечников стрел и перекрывавшая их железная фигурная шестилучевая пластина, находившаяся *in situ*.

Как видно, все известные аналогии датируются серединой XIV в. Благодаря находке в курганном могильнике “Азаренский 1” подобные бляхи можно интерпретировать как накладки на колчан.

В Монгольском музее изобразительных искусств хранится кожаный колчан. Он представляет собой чехол вычурной формы с вогнутой горловиной и кра-

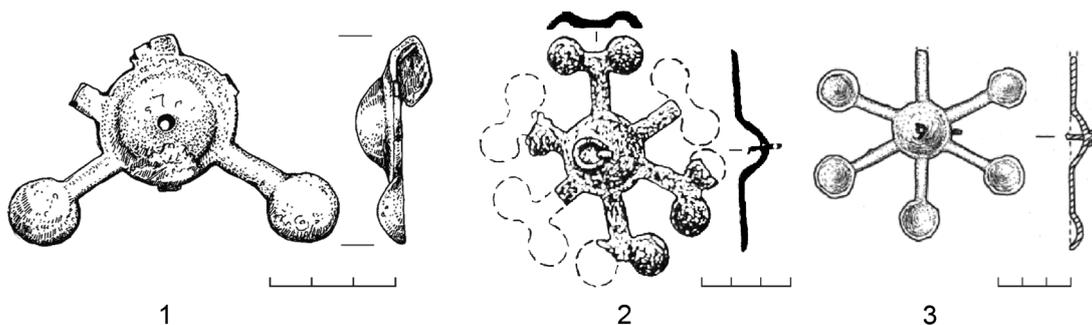

Рис. 1.

ем, полукруглым дном. По внешней поверхности приемника, по его периметру укреплены металлические накладки с фигурными завитками, в центральной части колчана – перекрестье из декоративных ремней, скрепленное в центре шестилепестковой розеткой, а на концах – фигурными скобами и накладкой с вытянутыми планками и завитками на концах.

Д.Д. Надбитова

Институт археологии РАН, Москва

ЗЕРКАЛА В КУЛЬТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Бронзовые зеркала – важная часть культуры многих народов, обитавших в степях Восточной Европы со скифо-сарматского времени до средневековья. Для того, чтобы определить, каково было понимание зеркал у жителей Золотой Орды, как оно развивалось, была предпринята попытка проследить место таких изделий в культурах разного генезиса на указанной территории. Бронзовые зеркала золотоордынского времени принадлежат к типу китайских с петелькой в центре обратной стороны. Этот тип назван так потому, что барельефный способ изображения на зеркалах восходит к Китаю.

Первые китайские зеркала с петель в центре обратной стороны с барельефным орнаментом появляются у сарматов в I в. н.э. На их основе, вероятно, возникает новый тип, вобравший в себя форму, способ крепления и мотивы китайских зеркал, но выполнявшийся в сарматской технике контурных линий. В религиозной практике иранских народов зеркала использовались задолго до появления китайских.

Популярный сюжет с изображением женщины с зеркалом, встречающийся в скифских комплексах, передает свадебный обряд культурного героя с богиней (Раевский, 2006). По свидетельству Геродота, ведущее место в скифском пантеоне занимала богиня Табити, отождествленная им с олимпийской Гестией. На более ранней ступени развития она выступала старшей среди богов, богиней огня, среди ролей которой были роли божества домашнего очага, жертвенного огня (Раевский, 2006).

Осмелюсь предположить, что зеркало у иранских народов служило не только атрибутом, сопровождающим обряд бракосочетания, но и атрибутом богини Табити как богини огня во всех его проявлениях, в том числе в качестве солярного символа. Археологическим отражением этого, вероятно, можно считать солярные знаки на зеркалах-подвесках, а также заимствование солярных мотивов ханьских зеркал, которые мы видим на зеркалах с петлей.

Появление гуннов в степях Восточной Европы в конце IV в. открывает новый исторический этап, в качестве основного этнического компонента которого выступают тюркоязычные народы (Кляшторный, Савинов, 2005). После распада гуннской державы в Причерноморье появляются племена огузов, сарагуров, оногуров, болгар. Следующей крупной этнической группой в степи были хазары. Анализируя древнеуйгурские рунические тексты, С.Г. Кляшторный приходит к выводу, что “ранняя история хазар и берсиллов/барсиллов не только взаимосвязана, но и генетически привязана к огуру-огузским племенам”. В конце IX в. в донецкие степи приходят тюркоязычные печенеги, а в середине XI в. в степях Восточной Европы появляются новые тюрки – половцы.

С.Г. Кляшторный доказал культурно-религиозную общность болгар и тюрок Центральной Азии, а Л.Б. Гмыря по письменным источникам констатировала

идентичность антропологического облика, языка (тюркского), образа жизни, традиций и верований гуннов, болгар, тюрков и хазар (Кляшторный, Савинов, 2005; Гмыря, 2009). Кроме того, С.Г. Кляшторный, анализируя генеалогические легенды тюрков о происхождении племени Ашина, кроме собственно тюркской генеалогии обнаружил истоки еще трех племенных традиций, связанных с начальными этапами этногенеза кыргызов, кыпчаков и теле (огузов) (Кляшторный, Савинов, 2005).

Изучение этнического состава Золотой Орды велось с использованием данных археологии, антропологии и письменных источников (Федоров-Давыдов, 1966; Яблонский, 1987; Тизенгаузен, 1884). С приходом монголов в этнической картине преобладающим компонентом оставались тюркоязычные народы.

По распространению зеркал в пространстве и времени попытаемся проследить их место в религиозной системе. В погребениях гуннов зеркала обнаруживаются редко и, как правило, во фрагментах. В дальнейшем в могилах встречаются целые формы, из чего следует, что в понимании значения зеркал произошли качественные изменения. В аланских погребениях салтово-маяцкой культуры такие находки фиксируются чаще (Плетнева, 1967), чем в степных (Флеров, 1993). В половецкое время на берегах Донца и нижнего Дона кочевники более широко использовали зеркала, распространенные в хазарскую эпоху, что, вероятно, говорит об алано-болгарском (?) влиянии на культуру половцев. С.А. Плетнева предположила, что половецкое производство зеркал было прямым продолжением хазарского.

В эпоху Золотой Орды бронзовые зеркала продолжают развиваться. Прежде всего, продолжается процесс исчезновения центральной петельки, начавшийся еще в Китае. Функционально центральная петелька была предназначена для подвешивания или установки с помощью ленты или штыря. Возможно, ее исчезновение связано с изменением формы обряда, в котором использовалось зеркало.

Другим направлением развития зеркал с барельефом было удаление эпитафического пояса у части зеркал. Интересно, что у наиболее популярных зеркал, на которых изначально имелись эпитафические пояса, последние были удалены. При этом удалялись как китайские, так и арабские надписи.

Зеркала широко применяются в шаманских культах алтайских народов. С появлением мечетей, т.е. с усилением ислама, зеркала исчезают (Зиливинская, 1998). Вероятно, они играли большую роль в религиозной доисламской жизни данного общества. Решительная борьба ислама с языческими верованиями проявилась в ликвидации зеркал. Соответственно они воспринимались не как туалетная принадлежность, а исключительно как магический предмет. Известно, что поклонение огню – одно из центральных верований как тюркских, так и иранских народов. Поэтому возможно совмещение относящихся к обожествлению огня и солнца элементов культовых систем иранских и тюркских народов.

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Н.А. Павлова

Московский государственный университет

ТЕКСТИЛЬ В ПОЗДНИХ (XVI–XIX вв.) МАРИЙСКИХ И МОРДОВСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Народный костюм – важный этноопределяющий элемент. Восточнофинские народы постоянно контактировали друг с другом, поэтому многие составляющие их культуры схожи, хотя, безусловно, сохраняются межэтнические различия, проявляющиеся в костюме. Материалы функционировавших в позднее время могильников восточных финнов дают огромное количество информации, однако они мало исследованы. Текстиль, часто обнаруживаемый в поздних погребениях мордвы и марийцев, до сих пор не становился объектом изучения, несмотря на то, что этнографические исследования этих народов довольно обширны. Следует особо подчеркнуть важность работ таких этнографов, как П.С. Паллас, А.О. Гейкель. Существует обширный блок работ (В.Н. Белицера, Н.И. Гаген-Торна, В.Н. Мартынова), основанных на материалах экспедиций упомянутых авторов. В настоящее время все большее внимание уделяется интеграции этнографических и археологических исследований. Необходимо хотя бы кратко осветить археологический материал, касающийся традиций ткачества мордвы и марийцев в XVI–XIX вв.

Аналізу были подвергнуты фрагменты текстиля из Ревезенского, Рыбкинского, Большого Макателя, Сарлейского могильников (мордва); могильника Одошнур (марийцы); учитывались и другие материалы. В основном эти памятники исследовались в первой половине XX в. Антропологической экспедицией МГУ под общим руководством Б.С. Жукова. Всего было рассмотрено более 100 текстильных остатков.

Судя по находкам в погребениях, текстильные изделия применялись в костюмах (одежда, аксессуары – пояса и поясные украшения, шнуры, застежки, тесьма); декоре (кисти, вышивка); погребальных оболочках; оболочках для вещей, помещаемых в погребения.

В основу изучения текстильных находок был положен принцип технологического анализа природы текстильных волокон; при исследовании нити помимо определения ее толщины внимание обращалось на порядок крутки, тип и шаг. В тканях определялось переплетение (порядок чередования нитей основы и нитей утка), раппорт переплетения (в отношении количества нитей), плотность (количество нитей в основе и в утке на 1 см² ткани), расстояние между нитями. Особому исследованию были подвергнуты вязаные плетеные изделия и орнаментальные мотивы в вышивке.

По сырью волокна делятся на шерстяные и растительного происхождения (со значительным преобладанием шерсти). В материалах марийских могильников волокна растительного происхождения встречались чаще; использовались нити различной толщины, для шерстяных нитей наиболее частая толщина – 0.9–1 мм, с шагом крутки – 1.1–1.2 мм. Абсолютно преобладают нити крутки S, нити крутки Z используются практически всегда для изделий, выполненных из раститель-

ных волокон. Фрагменты собственно тканей составляют довольно скромный процент среди исследованных образцов, по типам ткацких переплетений преобладает полотняное (однако встречено и саржевое) переплетение. Изученные ткани выполнялись с помощью ткацкого стана (скорее всего, уже горизонтального) и таких приспособлений, как дощечки, а также бердо или сволочек. Значительное количество текстильных изделий составляют вязаные вещи, техника близка вязанию крючком, также фиксируются различные варианты плетения – в частности, техника дерганья. По сравнению с предыдущим периодом наблюдается усложнение декора текстильных изделий и большее разнообразие техник их исполнения; отмечены некоторые межэтнические различия для этой группы археологического материала.

Ж.В. Мухина

Шуйский государственный педагогический университет

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ XV–XVII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ШУЙСКОГО КРЕМЛЯ В 2010 г.

Шуйское городище – историческая часть Шуи. Археологическое изучение города было начато в 2009 г. именно с этой территории. В результате раскопок был найден ряд исторически значимых артефактов, показывающих богатое археологическое прошлое города. Среди разнообразного керамического материала встречены две детские игрушки (коник и шарик-погремушка).

По классификации А.С. Хорошева, все игрушки делятся на два класса: индивидуальные и коллективные (1998. С. 89). Индивидуальные, уступая коллективным по количеству, оказываются разнообразней в видовом отношении и подразделяются на имитации, изобразительные игрушки и игрушки-забавы; к двум последним и относятся находки, происшедшие из раскопок Шуйского городища сезона 2010. Группу изобразительных игрушек в свою очередь можно разделить на антропоморфные, зооморфные и изображающие птиц. К зооморфным относится коник из Шуи. Игрушки-забавы делятся на звуковые (погремушки, свистульки) и механические (вертушки). Шарик-погремушка относится к звуковым игрушкам.

В подпечной яме жилой постройки начала XVII в. (датируется монетами) был найден фрагмент красноглиняной ангобированной лошадки-коника. Игрушка может быть отнесена к категории крупных, ее корпус в длину имеет 9–19 см, туловище полое, изготовленное из двух половин, соединенных посередине. По уцелевшим фрагментам трудно определить, была ли лошадка с седлом или без него, с всадником или без. Красноглиняные ангобированные игрушки-коники – наиболее распространенная категория находок, встречающихся в культурных слоях Москвы XV–XVII вв. (Розенфельд, 1968. С. 12). Они изготавливались на Яузском холме, где размещалась одна из древнейших ремесленных слобод Москвы – Гончарная. На территории Москвы не было выходов беложгущихся глин, и гончары, располагавшие только красножгущимися, вынуждены были выпускать ангобированную керамику как подражание белоглиняной. Лошадки на Руси символизировали солнце и небо, а также приносили богатство. Поэтому обычно их дарили детям.

Производство ангобированных игрушек-лошадок прекращается на Яузе в конце XVI в. Лошадка из Шуи может свидетельствовать о существовании жилой постройки на протяжении XV–XVII вв.

К группе игрушек-забав относится шарик-погремушка. Всякого рода погремушки, шаркунки, трещетки до начала XX в. служили не только для развлечения ребенка, но и призывали к нему добрых духов или ангелов-хранителей. Используя основной принцип магии, связанный повсеместно с принципом подобия, выражающимся в том, что модель или изображение в определенном смысле заменяют оригинал, погремушка или мяч, изображающие небесный мир, должны были защитить ребенка от темных сил. Они как бы соединяли его с силами добра.

Поливные игрушки-погремушки из белой глины – редкая находка. Из-за дороговизны они изготавливались в небольших количествах. Игрушка обнаружена в подпечной яме жилой постройки, хорошей сохранности, представляет собой полый шарик, покрытый поливой, внутри есть камушек. Шарик изготавливались из двух половин с прочерченным орнаментом диаметром 3,5 см (XVII в.). Находки детских игрушек не только позволяют датировать культурный слой города XV–XVII вв., но и дополняют характеристику бытовой и семейной жизни жителей Шуи и дают представление об играх их детей.

Автор выражает благодарность руководителю Шуйской археологической экспедиции О.А. Несмиан за предоставленные материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических игрушек) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1998.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XIII–XVIII вв. М., 1968.

М.В. Коноваленко

ООО «НПО “Северная археология-1”», г. Нефтеюганск

ГРЕБНИ ГОРОДИЩА МАНГАЗЕЯ

Изделия из кости – одна из основных категорий находок на русских средневековых памятниках. Гребни традиционно привлекают внимание исследователей как один из элементов бытовой культуры русского населения, сочетающий утилитарную и сакральную функции.

Материалом для данной работы послужили результаты археологических исследований городища Мангазея – первого русского города сибирского Заполярья, существовавшего в 1601–1972 гг., – возобновленных экспедицией ООО «НПО “Северная археология”» под руководством Г.П. Визгалова в 2001–2009 гг.

В итоге раскопок предыдущих исследователей Мангазеи – экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института под руководством М.И. Белова в 1968–1970 и 1973 гг. – было обнаружено 13 двусторонних гребней из бивня мамонта и рога прямоугольной и трапециевидной форм (Белов и др., 1981).

С 2001 по 2009 гг. в ходе археологических исследований городища было обнаружено 102 костяных (37 целых и 65 фрагментированных) и 1 медный гребень. Сырьем для изготовления костных гребней служили рог (лосиный, оленин – 19 экз., коровий – 1 экз.), кость и бивень мамонта – 82 экз. Анализ планиграфии

распространения костяных гребней в раскопе 2001–2009 гг. показал их преобладание внутри построек. Интересно отметить наличие гребней как одного из вариантов прикладов в строительных магических обрядах.

На городище найдены гребни двух типов: цельные двусторонние, составляющие подавляющее большинство, – 97 экз., и цельные односторонние – 5 экз. Все они выполнены из пластин толщиной от 0.3 до 0.5 см.

Двусторонние гребни городища Мангазея представлены в двух формах: прямоугольной – зубья пропилены на широких сторонах, трапециевидной – высокие миниатюрные трапеции, с преобладанием первой. Гребни имеют узкие зубья (0.03–0.08 см) с одной стороны, более широкие (0.1–0.2 см) – с другой. Число зубьев варьируется в пределах 15–67, их торцы приострены, длина – 1.1–2.7 см. На ряде изделий отмечены разметочные линии, орнамент отсутствует.

На сегодняшний день существующие хронологические типологии двусторонних гребней не совсем приемлемы для археологических материалов из раскопок русских поселений Сибири XVII–XVIII вв. (Колчин, 1982; Рыбина, Розенфельдт, 1997).

Односторонние гребни городища Мангазея – пять костяных и один медный – оформлены в одном стиле и имеют достаточно архаичный облик: высокая спинка увенчана двумя стилизованными головами коньков, обращенных в разные стороны, выполненными пропиленной резьбой. Обе плоскости спинки покрыты циркульным орнаментом: по четыре кружка вдоль верхнего и нижнего краев щитка и по одному – в центре. Два кружка, возможно, имитируют глаза. В одном случае оформления гребня в центре спинки выгравирован солярный знак в виде круга с вписанной шестилепестковой звездой. Аналогии такому оформлению встречаются на новгородских гребнях XII–XIV вв. (Рыбина, Розенфельдт, 1997) и в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья (Крыласова, 2007).

Таким образом, в культурном слое городища Мангазея представлены гребни двух типов. Двусторонние (прямоугольные и трапециевидные) гребни являются типичными для русских памятников XVII в. Присутствие достаточно архаичных односторонних гребней может быть объяснено как сохранением традиционных форм у первых русских поселенцев, представленных в основном поморами, так и наличием финно-угорского компонента в составе жителей Мангазеи.

М.А. Усолкина

Московский государственный университет

БЕРЕСТЯНАЯ ПОСУДА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ XVI–XVIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Берестяная посуда коренного населения Северо-Западной Сибири была неоднократно описана этнологами XIX–XX вв. Собрано немало сведений о типах изделий, их назначении и технологии их изготовления. Тщательному анализу подвергались орнаменты на бересте и их генезис. Ближайшие аналогии орнаментам, типичным для современного населения Северо-Западной Сибири, исследователи находят лишь в керамических комплексах бронзового века. Массовые находки берестяной посуды XVI–XVIII вв. при раскопках памятников с замороженным слоем позволяют частично заполнить эту лакуну и провести ретроспективный анализ как самой берестяной посуды, так и орнаментов на ней.

В настоящей работе проанализированы коллекции аборигенных и русских поселений Надымского, Полульского городков, Березова и Мангазеи, изучавшихся в последние 10 лет О.В. Кардашом и Г.П. Визгаловым. Это памятники с замороженным культурным слоем, сохраняющим предметы из органических материалов, в том числе из бересты. Наиболее представительна коллекция берестяной посуды из Надымского городка – 441 сосуд и типологически определимый фрагмент. При раскопках Полульского городка было собрано 143 фрагмента и целых изделия. Берестяная посуда Мангазеи представлена 104 сосудами, Березова – 80.

Эта серия предметов типологически достаточно однообразна: цилиндрические короба и прямоугольные корытца с низкими бортами, причем оба типа характерны как для русских, так и для аборигенных памятников. Другие формы, типичные для аборигенной посуды XIX–XX вв., не были встречены. Для аборигенной посуды выделяются две группы: бытовая (для хранения и приема повседневной пищи) и ритуальная, определяющим признаком которой является орнамент. Среди изображений на сосудах встречаются персонажи, сакральные для культуры обских угров. К ритуальной посуде также отнесены женские короба для рукоделия, опосредованно связанные с брачной обрядностью. Выделено несколько типов орнаментации и орнаментальных композиций, в основе которых, очевидно, лежат этнические (субэтнические) различия.

Анализ черт, характерных для русской и аборигенной посуды, свидетельствует о том, что в XVI–XVIII вв. русская берестяная посуда бытовала у коренного населения Северо-Западной Сибири, но не оказала влияния на форму и технику орнаментации аборигенной посуды. Ретроспективное сравнение традиционных берестяных изделий XIX–XX вв. с археологическими показывает, что берестяная посуда сохраняет культурные признаки. Это позволяет рассматривать ее как один из важных культурных индикаторов.

Ж.С. Калыгина

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

ДРЕНАЖНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО ПОСАДА КОНЦА XVIII – XIX в.

В 2008–2009 гг. Волжской археологической экспедицией Института археологии РАН и Поволжской археологической экспедиции Марийского государственного университета проводились охранные археологические исследования в исторической зоне города Йошкар-Олы, там, где в XVII–XIX вв. находился посад города Царевококшайска.

Во время раскопок была выявлена сильная насыщенность части исследованной территории грунтовыми водами. Этот факт объясняется следующим. В литературе упоминаются два древних озера, одно из которых находилось в районе проведения раскопок. После пожара 1696 г., в результате которого сгорел весь город, оно было засыпано.

Некоторые конструкции, выявленные в раскопанных участках, могут быть идентифицированы как сооружения, предназначенные для дренажа.

Объектом, относящимся к дренажной системе конца XVIII в., является деревянная бочка в сооружении подпрямоугольной формы с деревянной конструкцией на участке 13. В юго-западном углу на отметке -320 были обнаружены ее остатки, уходящие в материковый песок. Данное сооружение представляет часть

дренажной системы, предназначенной для сбора и отвода грунтовых вод из основной части конструкции. Материковое дно ямы расположено на отметке -345. Материк представляет собой темно-серый песок с органическими примесями, насыщенный грунтовыми водами.

Также к объектам дренажной системы может быть отнесена конструкция конца XIX в. в южной части участка 13, представляющая деревянный короб, пересекающий раскоп с востока на запад, с несколькими ямами, которые могли быть отстойниками.

На участке 14 конструкция, расположенная в юго-восточном углу раскопа, представляет основание сруба с сохранившимися четырьмя нижними венцами. К особенностям данного сооружения можно отнести расположение в нем сруба колодца, и ныне действующего. Данный сруб может быть как колодцем, так и частью дренажной системы.

Необходимо отметить обнаруженную на участке 14 траншею, вытянутую по направлению северо-запад-юго-восток, шириной до 60 см и длиной 6,80 м. В заполнении траншеи располагалась темно-серая гуммированная супесь со щепой. После выборки заполнения ямы на ее дне был выявлен деревянный желоб, служивший, по всей видимости, для отвода воды из конструкции. Сверху желоб был перекрыт мощной деревянной доской шириной 46–50 см и толщиной 5–6.

Таким образом, на территории Царевококшайского посада в конце XVIII – XIX в. существовала развитая система гидротехнических сооружений. Учитывая высокий уровень грунтовых вод, население посада вынуждено было создавать такие дренажные объекты и системы, как отстойники, водоотводные траншеи, водосборники.

НА СТЫКЕ НАУК

А.Н. Ворошилов

Институт археологии РАН, Москва

О СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДАХ ВВЕДЕНИЯ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ИЗОБРАЖЕНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

В настоящее время изображения (фотографии, рисунки, чертежи и т.д.) – неотъемлемая часть рабочей документации ученого-археолога. Не секрет, что за более чем вековую историю развития археологической науки, сопровождавшегося совершенствованием методов фиксации объектов, накоплен значительный объем информационно насыщенных изображений памятников (фотографий, негативов, диапозитивов и др.). На сегодняшний день эти материалы входят в состав научных фондов академических институтов и музеев РФ. Их организация и техника ведения развивались в основном в направлении обеспечения сохранности содержащихся материалов. Широкому же кругу исследователей по объективным причинам они были практически недоступны. Не последнюю роль в этом сыграла уязвимость и хрупкость самих носителей – фотопленки, стеклянной фотопластины, фотобумаги, а также специфика изображений на прозрачной основе, затрудняющая работу с ними.

Современные информационные технологии позволяют исправить сложившуюся ситуацию как в плане обеспечения безопасного хранения изображений археологических памятников, так и в отношении их доступности широкому кругу исследователей. Один из путей глобального преодоления обозначенных трудностей – внедрение специализированной цифровой базы данных. К основным целям при этом относятся спасение (оцифровка) и продолжительное безопасное хранение информации с хрупких носителей, прежде всего, стеклянных фотопластин и фотопленок; введение оцифрованных изображений в научный оборот путем их максимально полного описания, необходимого для успешного поиска в базе данных; разработка или интеграция в общедоступную систему, способную производить детальный поиск среди археологических объектов с использованием множества критериев.

Такой системой является база данных по археологическим объектам – “Arachne” (Арахна) – совместный проект Германского археологического института и Научного архива античной пластики при Кельнском университете. Оцифровка помещаемых в «Арахну» изображений производится с таким расчетом, что даже при физической утрате оригинального носителя в базе останется максимально качественная цифровая копия, минимизирующая ущерб от потери.

В связи с этим важным событием стало предложение Германского археологического института, сделанное в 2009 г. Институту археологии РАН, о налаживании сотрудничества в сфере оцифровки и надежного хранения материалов, сохранность которых находится под угрозой. В рамках этого проекта немецкие коллеги предложили Институту свои программные разработки, методики сканирования, добавили в «Арахну» поддержку кириллицы и обеспечили русскоязычных пользователей возможностью полноценного и бесплатного персонального пользования базой с любого компьютера, имеющего выход в Интернет. Со своей стороны, Институт археологии осуществляет перевод на

русский язык интерфейса Арахны, ведет работы по оцифровке своего фотоархива.

Сотрудничество с Германским археологическим институтом позволило Институту археологии в кратчайшие сроки наладить качественную оцифровку своих материалов, обеспечить сохранность цифровых копий, доступ и удобную работу с изображениями.

А.Н. Федорина

Институт археологии РАН, Москва

СУЗДАЛЬСКИЕ СЕЛИЩА НА ГЕОМАГНИТНЫХ КАРТАХ: ГРАНИЦЫ И ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА

Работы последних десятилетий на открытых средневековых поселениях разных районов Русского государства обеспечили валообразный рост информации об особенностях организации средневекового расселения. В связи с этим перед исследователями встает целый ряд вопросов, требующих новых подходов к получению информации о поселенческих структурах, закономерностях организации внутреннего пространства жилой площадки, в том числе для крупных селищ, где вскрытие всей площади памятника не представляется возможным.

Одним из таких подходов стало привлечение методов геофизической съемки. Так применение геомагнитных измерений дало яркие результаты на селищах Куликова поля и Подмосковья и при исследовании крупного раннесредневекового центра Хедебю в Германии: удалось проследить как отдельные элементы усадебных комплексов (постройки) и их конструкции, так и элементы макроструктуры поселений – улицы, межусадебные пространства и т.д.

Важнейшим результатом анализа геомагнитных планов суздальских селищ является фиксация соотношения между границами распространения подъемного материала и границами основной территории застройки поселения (соотносимой с зонами концентрации “магнитной пестроты”). Существенно, что границы селищ, определенные по материалам геомагнитной съемки и по подъемному материалу, близки, но полностью не совпадают. Граница распространения подъемного материала шире, чем предполагаемая зона застройки, не менее чем на 10 м. С другой стороны, за пределами основной зоны плотного размещения аномалий на планах геомагнитной съемки хорошо читаются отдельные темные точки и пятна, соответствующие объектам, находившимся за пределами поселений. Весьма вероятно, что это остатки каких-то сооружений, расположенных в их хозяйственных зонах.

Помимо фиксации границ площадки поселения анализ пространственного распространения зон геофизической активности позволяет надежно локализовать ее отдельные элементы, в первую очередь зафиксировать участки наиболее насыщенных и мощных культурных отложений. Примерами этого могут служить поселения Б. Давыдовское 2, Шекшово 2 и Весь 5, где повышенная концентрация магнитных аномалий, характерна для зон скопления керамики и индивидуальных находок. В сочетании с анализом распределения материалов узких хронологических групп это позволяет в некоторых случаях уточнить интерпретацию характера освоения отдельных участков площадки поселения как взаимосвязанных построек – “усадебных” комплексов.

ИНФОРМАТИВНАЯ РОЛЬ ПОЧВЕННЫХ ГОРИЗОНТОВ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ

Культурные слои как одни из лучших объектов изучения истории взаимодействия природы и человека древних поселений привлекают все большее внимание исследователей. Культурные отложения и почвы поселенческих ландшафтов несут важную информацию об истории развития ландшафтов, изменении типов землепользования и хозяйственной деятельности человека. Она может быть декодирована с помощью методов почвоведения и палеогеографии.

В процессе функционирования поселений формируются культурные отложения различной мощности, выделяющиеся спецификой свойств и строения. Их формирование происходит под действием следующих групп процессов: первичной седиментации (накопление строительного, бытового и производственного мусора и др.), последующей трансформации накопленных отложений под действием почвенных (верхние 1–2 м) и диагенетических процессов (глубина действия более 2 м).

На поверхности накапливающихся культурных отложений проходят почвенные процессы, особенно четко проявляющиеся в периоды замедления накопления и формирования почвенных горизонтов. Они выражены в формировании самостоятельных профилей слаборазвитых почв, соответствующих периодам замедления или полной остановки седиментации, а также в появлении почвенных признаков, рассеянных в толще культурного слоя. К ним относятся копролиты и ходы червей, карбонатные и железомарганцевые новообразования, а также кутаны из вивианита (керченита).

Почвы и почвенные горизонты, залегающие в толще культурных отложений городских и сельских территорий, свидетельствуют о перерывах в седиментации, формировании естественной растительности; в отдельных случаях они имеют признаки временного появления агроландшафтов. Для этих слаборазвитых маломощных почв характерны гомогенизация, оструктурирование, трансформация гумусового состояния. Почвы, погребенные в минеральном сухом слое (малогумусные супеси и суглинки), характеризуются накоплением органического углерода, в органическом переувлажненном слое (торфообразная масса со щепой) – его потерей.

Культурные отложения накапливаются скачкообразно (неравномерно) в условиях регулярного поступления разнообразного мусора и отходов. Отмечаются перерывы разного происхождения и длительности. Первая группа кратковременных перерывов связана со срезанием и перемещением ранее накопленных отложений, в том числе и в результате нивелировочных работ (выравнивание площадок для строительства новых построек). Морфологически в культурном слое они не проявляются, а отмечаются только по перерывам (хиатусам) в стратиграфии и хронологии археологического материала. Вторая группа долговременных перерывов связана с прекращением застройки на конкретной территории и появлением огородов, садов и пустырей. Данным перерывам соответствуют слаборазвитые почвы, сформированные в результате переработки материала ранее накопленных культурных отложений. Мощность этих горизонтов может варьироваться от нескольких см (серия почв XVII–XIX вв., Ярослав Дворище, Великий Новгород) до полуметра (современная почва на культурных отложениях Фанагории).

Формирование данных почв происходит как в условиях естественных пустырей, так и в условиях агрогенной деятельности (пашни и огороды, сады).

Таким образом, почвенные горизонты не только маркируют периоды запустения и смену типов хозяйственного использования территории, но и дают хронологическую оценку длительности этих перерывов (от десятков до сотен лет) по мощности и степени выраженности свойств.

А.Н. Бабенко

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

ВЛИЯНИЕ ВЫПАСА НА ДИНАМИКУ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ПУСТЫНИ НЕГЕВ (ИЗРАИЛЬ) В ГОЛОЦЕНЕ: ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Вопрос об изменении растительности и антропогенном влиянии на древние экосистемы Ближнего Востока, являющегося одним из самых ранних центров окультуривания растений и одомашнивания животных, остается малоизученным во многом из-за практически полного отсутствия источников палеоинформации. Обнаруженные зоогенные отложения в Центральном Негеве – уникальный материал для реконструкции растительности пустыни в голоцене. В центральной части пустыни на протяжении голоцена количество археологических памятников, которое может рассматриваться как степень освоенности территории, не было постоянным. Основным населением пустыни на протяжении 8 тыс. лет были скотоводческие племена. Ограниченность растительных ресурсов в аридных условиях приводила к тому, что пастухи были вынуждены использовать временные стоянки, порой устраивавшиеся в скальных нишах, удобных для укрытия скота, в разные сезоны.

Важный шаг на пути реконструкции зависимости влияния выпаса на растительность пустыни – установление режима использования изученных ниш: сезонность использования и периоды посещения преимущественно дикими копытными или мелким рогатым скотом. Сезонность использования ниши копытными установлена на основании данных о сезонном развитии растительности пустыни. Большая суммарная доля пыльцы Cruciferae, Liliaceae и Compositae в спектрах отложений указывает на зимне-весеннее использование укрытий копытными.

Увеличение доли пыльцы видов подорожника (*Plantago*) и тимелии (*Thymelaea*) в пыльцевых спектрах зоогенных отложений практически совпадает с тремя пиками увеличения количества археологических памятников в Центральном Негеве – ранний бронзовый век I и II (3500–2700 гг. до н.э.), средний бронзовый век I (2300–2000 гг. до н.э.) и железный век (1200–586 гг. до н.э.) – и с приходом в пустыню Негев племен бедуинов в XVII–XVIII вв. н.э.

Несмотря на то, что на середину I тыс. н.э. приходится максимальное количество археологических памятников (византийский период – 324–638 гг. н.э.), период не сопровождается увеличением доли пыльцы *Plantago* и *Thymelaea* в спектрах. Это можно объяснить более интенсивным развитием земледелия с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Площадь сбора дождевой воды в 20–30 раз превышала площадь возделываемой земли. Вероятно, поэтому окружающая нишу территория практически не использовалась для выпаса. Вместе с тем, нишу посещали дикие копытные, о чем свидетельствуют рассеянное включение помета и низкая скорость накопления горизонтов.

Таким образом, анализ археологических данных и результатов изучения зоогенных отложений позволил установить режим использования ниш, восстановить динамику растительности за последние 8 тыс. лет и выявить влияние выпаса на растительный покров пустыни Негев.

Ж.А. Антипушина

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ДРЕВНЕАЛЕУТСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Заселение территории Алеутских островов началось не менее 8700 л.н. (Laughlin, 1975). Аборигенное население сохраняло особенности традиционных охоты и собирательства в течение нескольких тысячелетий вплоть до XVIII–XIX вв. н.э. Характерной особенностью жизнеобеспечения древних алеутов была зависимость от морских ресурсов – рыбной ловли, охоты на морских млекопитающих и птиц, сбора яиц. Согласно этнографическим данным и результатам археологических раскопок (Вениаминов, 1840; McCartney, 1975; Антипушина и др., 2009), важную роль играл и сбор беспозвоночных на литорали во время отлива. В результате многолетнего промысла на поселениях формировались мощные культурные отложения с обилием костей, раковин моллюсков, остатков морских ежей и т.д. Наиболее заметны в них раковины моллюсков, поэтому такой тип археологических памятников получил название «раковинные кучи». Такие отложения являются уникальными источниками информации о развитии и состоянии прибрежных и островных экосистем Берингова моря.

Нами изучены остатки добычи, сохранившиеся в культурных слоях восьми древнеалеутских поселений: ADK–009, ADK–012 и ADK–171 на о. Адак, KIS–008 на о. Булдырь, SH–3, SH–6, SH–7 и SH–9 на о. Шемья (Алеутские острова). Согласно результатам радиоуглеродного датирования, культурные слои поселения ADK–009 формировались на протяжении более тысячи лет – с VI по XVII вв. н.э., а поселения KIS–008 – с XII по XIV вв. н.э. Культурный слой поселения ADK–171 сформировался относительно быстро, в пределах сотни лет, в V тыс. до н.э. Следует отметить, что ADK–171 является самым древним археологическим памятником с богатым фаунистическим материалом не только для Алеутских островов, но и для всего района островов и побережий Берингова моря. Остальные памятники по предварительной оценке сформировались на границе I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В настоящий момент наиболее полно определены остатки фауны из отложений ADK–171 и ADK–009. По остальным памятникам получены определения и количественные данные только по беспозвоночным, а определение и количественный учет костей проводятся в настоящее время.

Древние алеуты собирали преимущественно пять видов моллюсков (хитоны, литорины, блюдечки, мидии и сердцевидки), морских ежей стронгилоцентротусов и ребристых морских желудей (Антипушина и др., 2009). Из рыб добывали в основном терпугов и небольших тресковых рыб, а из морских млекопитающих – северных морских котиков, каланов, сивучей и обыкновенных тюленей (Крылович, 2007; Krylovich, 2009). Как показали результаты нашего исследования, активный промысел не имел значительного негативного влияния на местные

популяции промысловых животных. Хотя в настоящее время на острове нет лежбищ северного морского котика, наличие в нашем материале костей новорожденных котиков говорит о существовании одного или нескольких лежбищ в V тыс. до н.э. и в VI–XVII вв. н.э. Мы также провели определение сезона сбора морских ежей древними алеутами. Установлено, что сбор морских ежей, а, вероятно, и других групп беспозвоночных, носил круглогодичный характер. Кроме того, по динамике фаунистического состава были выделены периоды существования относительно более теплых и более холодных условий.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (09-04-00196), программ “Происхождение и эволюция биосферы”, “Биоразнообразие и динамика генофондов” и “Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами”, грантов Минобрнауки (МК-1119.2011.5) и National Science Foundation (OPP-0353065).

Е.Ю. Яниш

Институт зоологии им. И.И. Шмальгаузена НАН Украины, Киев

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА “СОТЕРА” (VIII–XI вв. н.э.)

Остеологический материал был получен в результате археологических раскопок городища “Сотера” (VIII–XI вв. н.э.) византийской провинциальной культуры (окраина современного г. Алушта, Украина). Нами проведен комплексный анализ всех остатков животного происхождения. Всего было исследовано 534 костных фрагмента млекопитающих, 11 костей птиц, 20 костей и около 1000 экз. чешуй рыб, добывавшихся на поселении, а также раковины 236 моллюсков и остатки 54 особей крабов.

В результате определения остеологических материалов были зарегистрированы представители девяти видов млекопитающих, относящихся к пяти отрядам. Из домашних животных присутствуют бык домашний, коза, овца, свинья, лошадь и собака домашние. Из диких видов – заяц-русак, лисица обыкновенная и мышевидный грызун.

Кости диких видов составили 16.5% от всех костей млекопитающих, при этом кости зайца-русака составили 95% от остатков диких животных. В ходе исследований было подсчитано минимальное количество особей (МКО) млекопитающих, а также их возрастной состав. Так, МКО быка равнялось 27 особям, овцы и козы – 38, свиньи – 19, зайца-русака – 14, овцы – 2, козы, лошади, собаки, а также лисицы и мелкого грызуна – 1. Возрастной состав следующий: бык – шестеро *adultus*, трое *juvenis*; коза – один *adultus*, один *juvenis*; свинья – трое *adultus*; лошадь – трое *adultus*, двое *juvenis*; овца и коза – четверо *adultus*, один *juvenis*; заяц-русак – двое *adultus*, один *juvenis*; лисица и мышевидный грызун – по одному *adultus*.

Птицы представлены курицей домашней, что свидетельствует о том, что на поселении было развито птицеводство, все исследованные особи – взрослые. От всех определенных костей рыб 58.3% составил осетр русский, 41.7% – калкан черноморский. Кроме того, в ходе раскопок найдено около 1000 экз. чешуй черноморской кефали (семейство *Mugilidae*), имевшей промысловое значение. Как правило, основной отлов шел в бухтах и заливах Черного моря во время хода рыбы.

Основную часть остатков моллюсков составили устрица (47.7%) и мидии съедобные (45.7%), бывшие основными промысловыми видами. В незначительном количестве присутствуют пателла и гребешок черноморские – 2.1 и 2.5% соответственно, по 0.8% – венерка морская и виноградная улитка и 0.4% – митилястер полосатый. Кроме того, нами исследованы остатки панцирей крабов; из определенных до вида 52.4% составил травяной и 47.6% – каменный крабы. Оба вида встречаются в Черном море и в настоящее время, и также отлавливаются местным населением для употребления в пищу.

Таким образом, в результате проведенных исследований видно, что на поселении “Сотера” (VIII–XI вв. н.э.) было хорошо развито скотоводство, основную часть которого составляло разведение крупного и мелкого рогатого скота. Первое место среди домашних животных по численности занимал бык домашний, второе – овца и коза, третье – свинья домашняя. Наличие молодых особей в материалах памятника позволяет предположить, что в ряде случаев забой животных и охота (наличие молодых особей зайца-русака) проводились летом – в начале осени. Также разводили домашнюю птицу, но значительную роль все еще играла охота на диких животных (их доля составила 16.5%). Основной вид добычи – заяц-русак (95%). Возможно, в данном случае имела место специализация в охоте на конкретный вид дичи. Местное население занималось активным промыслом рыбы (основные виды – кефаль, осетр и калкан), кроме того, массово добывались устрица и мидия съедобные, а также травяной и каменный крабы.

Е.Н. Горлова

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

АНАЛИЗ СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ В ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

Цель доклада – ознакомление слушателей с основными понятиями одного из центральных методов палеоэкологии – изотопного анализа.

Анализ стабильных изотопов – уже устоявшийся метод изучения как процентных, так и древних экосистем – стал активно развиваться в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. Он основан на существовании у большинства химических элементов одного или нескольких изотопов, стабильных во времени, т.е. не подвергающихся радиоактивному распаду. В ряде случаев благодаря процессам фракционирования при химических реакциях и фазовых переходах происходит изменение относительного обилия изотопов в биологических и экологических системах. Изучение этих изменений позволяет приступить к решению целого ряда палеоэкологических задач, исследование которых до недавнего времени представлялось невозможным, а именно: реконструкции питания животных и человека в древности, мест их обитания, путей миграции и трофических связей с другими членами экосистемы на основе остеологического материала.

В докладе рассматривается спектр применения изотопного анализа на примере стабильных изотопов углерода (^{12}C и ^{13}C) и азота (^{14}N и ^{15}N). Главное полезное свойство азотной изотопной подписи заключается в возможности на его основе определить место в трофической сети. В процессе всасывания изотопов азота из пищи и превращения аминокислот в другие структуры в ходе фракционирования происходит насыщение тканей тяжелым изотопом азота, вследствие чего ткани консументов оказываются обогащенными ^{15}N по сравне-

нию с пищей. Таким образом, азотную изотопную подпись можно использовать при решении задач, относящихся к установлению трофического положения или выявлению трофических связей. Углеродный изотопный состав зависит от географического и регионального расположения. То есть изучение соотношения стабильных изотопов углерода предоставляет информацию о районе питания животного и применяемых им кормодобывающих стратегиях. Соотношение тяжелого и легкого изотопов углерода не одинаково в наземных, морских и речных экосистемах: оно меняется в зависимости от расстояния от экватора, глубины и удаленности от берега.

И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ САЛТОВ

Археологический комплекс у с. Верхний Салтов – наиболее известный и исследованный памятник лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Его изучение было начато в 1900 г. В.А. Бабенко и продолжается в настоящее время. Раскопки дали большое количество материала, в том числе и антропологического. Было установлено, что на месте современного села в VIII–X вв. существовал большой город, рядом с которым располагались огромные по площади катакомбный и грунтовой могильники, оставленные населением разного этнического происхождения. Накопленные материалы позволили археологам датировать Салтовский и аналогичные ему памятники Дона VIII–IX вв.

С 90-х годов XX в. и по настоящее время этот комплекс исследуется силами Музея археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В.Н. Каразина, Харьковского областного исторического музея, Средневековой экспедиции Харьковского государственного педагогического университета.

Большая часть материалов раскопок хранится в Музее археологии и этнографии Слободской Украины ХНУ им. В.Н. Каразина, в Харьковском областном историческом музее.

Первые исследователи краниологической серии из Верхнего Салтова Г.И. Чучукало и Г.Ф. Дебец отмечали однородность в морфологии салтовских черепов: долихокранию с небольшим процентом примеси мезокранных и брахиокранных черепов. Г.Ф. Дебец подчеркивал отсутствие следов монголоидной примеси. Оба автора сходились в том, что черепа из Салтова по строению очень близки аланским (Чучукало, 1926; Дебец, 1948). Это сходство подтверждают и данные археологии (Артамонов, 1929; Плетнева, 2003; Винников, Плетнева, 1998; Винников, Афанасьев, 1991).

Совместно с Харьковским историческим музеем была проведена работа по изучению костных останков этого могильника. По комплексной антропологической программе (краниометрия, остеометрия, фиксация маркеров стресса и патологических случаев) было исследовано 30 индивидов. Из них 13 мужских, 9 женских, 8 детских.

Краниометрические данные при сравнительной характеристике с материалами, полученными ранее Т.С. Кондукторовой, Г.Ф. Дебецем, В.П. Алексеевым, Г.И. Чучукало, расхождений не выявили. Краниологическая выборка характеризуется чертами “верхнесалтовского” или “аланского” типа (Кондукторова, 1991): долихо-мезокранный тип черепа со средним и большим продольным, малым и

средним поперечным диаметрами, выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица, высоким сильно выступающим носом.

Было проведено обследование выборки по палеопатологическим показателям по апробированной методике А.П. Бужиловой (1995).

В приведенных ниже таблицах отражена процентная и количественная характеристика частоты встречаемости маркеров стресса в выборке.

Таблица 1. Частота встречаемости патологических маркеров в выборке из В. Салтова

Insigne/Indication	Male %/n	Female %/n	Infans %/n
Enamel hypoplasia	23/ 3	11/1	12/5/1
Caries	23/3	11/1	
Odontogenic osteomyelitis (abscess)	23 /3	11/1	
Dedentition	23/3	22/2	
Dental calculus	30.7 /4	11/1	
Cribra orbitalia	7.7/1	11/1	25/2
Periostitis	15.4 / 2	11/1	
Trauma	54/7	33/3	
Trepanation	7.7/1		
Infectious disease		11/1	
Dental anomalia			12.5/1

В выборке отмечен один случай трепанации черепа. У мужчины из катакомбы № 51 зафиксирована обширная лобно-теменная трепанация со следами заживления. Размер трепанационного отверстия 90×53 мм. Трепанации в салтовомаяцких сериях ранее были зафиксированы М.Б. Медниковой (2001) на Дмитриевском могильнике. Случай трепанации отмечен и в Рубежанском катакомбном могильнике в конце VIII – начале IX в. в погребении молодой женщины. Отверстие размером 1.4×1.3 также имеет следы заживления.

На данном этапе работы объективно охарактеризовать выборку по демографическим показателям затруднительно в силу малой представительности материалов. 30 индивидов располагаются локализовано на территории могильника, что позволяет сделать предварительные выводы по некоторым параметрам. Средний возраст смерти в выборке – 37.2: у мужчин – 37.03, у женщин – 31.25.

В сравнении этого критерия с салтовскими сериями из могильников Маяцкое, Дмитриевское (данные А.П. Бужиловой, 1995) видно, что средний возраст смерти в верхнесалтовской серии значительно ниже.

Таблица 2. Эпигенетические признаки в салтовской выборке

Insigne/Indication	Male %/n	Female %/n	Infans %/n
Osteoma	7.7/1	11/1	
Wormian bones	46.1/6	44/4	37.5/3
Groovs frontalis	15.4/2	11/1	

Проведенное комплексное исследование позволило отнести исследуемую группу к аланскому населению. Особо отметим высокий процент травматизма и эпигенетических признаков, указывающих на близкое родство.

В заключении хотелось бы выразить благодарность Харьковскому Историческому музею и лично В.С. Аксенову за предоставленные антропологические материалы и тексты отчетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Средневековые поселения на нижнем Дону по материалам Северо-Кавказской экспедиции // ИГАИМК. 1929. Вып. 131.

Бужилова А.П. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М., 1995.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции. Воронеж, 1991.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Материалы раскопок Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции. Воронеж, 1991.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.): Уч. пособие. Воронеж, 2003.

Чучукало Г.И. Череп из Верхне-салтовского могильника // Тр. Украинского Психо-Неврологического Института. Вып. 11. Материалы по антропологии Украины. Сб. второй. Харьков, 1926.

Г.И. Радостева

Пермский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ БОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

В научной литературе сегодня широко представлено исследование половозрастной структуры средневекового общества на основе материалов погребальных памятников. Имеются исследования конкретных половозрастных групп: мужчин, женщин. Наименьшее внимание уделяется специалистами такой возрастной группе, как дети. Однако изучение этой категории может дать важную информацию об особенностях общественного развития рассматриваемой культуры. Не случайно один из первых исследователей истории детства Ф. Ариес отмечает: «то, как общество воспринимает и воспитывает своих детей – одна из главных характеристик культур в целом». Вся сложность вопроса состоит в том, что отсутствует единая точная методика его изучения.

Изучая категорию детства, наибольшую информацию мы можем получить при исследовании погребальных памятников. И первоначальный этап исследования – статистический анализ. В основе его лежат антропологические данные. Кроме того, при статистической обработке необходимо учитывать такие призна-

ки, как: размер погребения, его конструкция, сопровождающий инвентарь. На этом этапе возможен как анализ детских погребений с целью выделения среди них особых групп, так и сравнение детских погребений со взрослыми с целью определения сходства и различия этих погребений. В результате такого анализа можно выявить нижнюю границу возраста детей, захороненных на определенном памятнике, проследить, когда погребальный обряд детских захоронений становится максимально приближенным к взрослым.

Нами было проведено исследование детских погребений Бояновского могильника на основе статистических данных, в результате которого мы пришли к следующим выводам. Во-первых, по имеющимся на сегодняшний день антропологическим данным, детей в возрасте младше 3 ± 1 год в одиночных погребениях на Бояновском могильнике не встречено, что указывает на возможность существования специального обряда захоронения для детей этого возраста (к примеру, воздушные захоронения, которые очень широко известны в этнографии сибирских народов). Во-вторых, можно выделить условную границу возраста, когда погребальный обряд детских захоронений становился приближенным ко взрослому – 6–7 лет. И, в-третьих, на основании проведенного дискриминантного анализа можно предположить, что социальный статус родителей наследовался детьми, что отражалось на погребальном обряде детских захоронений.

Но использования одной статистики, на наш взгляд, недостаточно. Необходимо уделять внимание и конкретным особенностям погребений и инвентаря. Например, при статистической обработке погребений Бояновского могильника установлено, что такой атрибут, как погребальная маска, тяготеет к группе детских погребений (процент встречаемости масок в детских погребениях составил 44%, в то время как во взрослых – 33 %). Однако в «детских» погребениях это, как правило, наротники или наглазники, во взрослых же – полные маски (покрывающие все лицо). Кроме того, некоторые предметы, входящие в сопроводительный инвентарь «детей», хотя и аналогичны «взрослым», но имеют меньшие размеры. То есть инвентарь «детских» погребений не эквивалентен инвентарю «взрослых».

Таким образом, при исследовании категории детства на основе погребальных памятников необходимо уделять внимание характеристике погребений и инвентаря, что может изменить выводы, полученные в результате статистического анализа.

Д.В. Шмуратко

Пермский государственный педагогический университет

АЛГОРИТМ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В археологии существует ряд формализованных методик реконструкции этнокультурных процессов по данным погребального обряда. Основными недостатками традиционных методов являются сложность визуализации данных, громоздкость расчетов, отсутствие специального программного обеспечения.

В предлагаемом алгоритме, апробированном автором на раннесредневековых материалах Приуралья, предпринята попытка обработки археологического материала при помощи статистического пакета SPSS 13.0 и электронных таблиц Excel.

Алгоритм включает в себя следующие шаги. **1. Выдвижение гипотезы.** Гипотеза исследования – оценка формальной степени близости погребальных па-

мятников по определенному набору признаков – позволяет сделать выводы об уровне культурной сопряженности населения, их оставившего. **2. Создание базы данных.** База данных имеет форму прямоугольной матрицы, в которой строки – отдельные объекты (закрытые комплексы), а столбцы – признаки погребального обряда. **2.1. Отбор источников для создания базы данных.** Объекты базы данных - замкнутые погребальные комплексы: одиночные и коллективные погребения, для которых возможно четко привязать материалы к захороненным индивидам. **2.2. Формулировка набора признаков.** Первоначальный список содержал 142 номинальных признака. **2.3. Кодировка источников.** Ввод данных в базу осуществляется на основе бинарного кода. **3. Выявление уровня информативности (однородности) признаков.** Для снятия статистического шума и характеристики уровня информативности признаков был использован коэффициент энтропии. В результате из первоначального списка были отобраны 39 признаков. **4. Расчет частоты признаков по могильникам.** На этом шаге была рассчитана частота информативных признаков по могильникам с целью оценки вероятности обнаружения данного признака в комплексах конкретного могильника. **5. Кластерный анализ могильников по частоте признаков.** На основании рассчитанных частот было осуществлено сравнение могильников между собой посредством кластерного анализа. При анализе полученной дендрограммы выделялись кластеры и их группы. Каждый кластер получал предварительную культурную интерпретацию на основании вошедших в него объектов. **6. Дискриминантный анализ кластеров.** На данном этапе осуществлялась верификация результатов кластерного анализа на уровне отдельных погребений. Были выявлены погребения и памятники, выпадающие из заявленных на шаге пяти групп, именно они получили интерпретацию в качестве культурных посредников. **7. Сведение результатов, формулировка конечных выводов, итоговая историческая интерпретация.** На данном этапе результаты кластерного и дискриминантного анализа были сведены в единую схему для конечной интерпретации с целью реконструкции культурно-исторических взаимодействий.

Использование данного алгоритма позволило автору выявить в материалах раннесредневековых прикамских погребальных памятников присутствие позднесарматского культурного компонента.

Д.С. Бугаев

МАЭ РАН им. Петра Великого «Кунсткамера», Санкт-Петербург

О ВИЗУАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ПРИМЕРЕ КУРГАНА № 2 СЕЛИЩА ЗАСОБЬЕ-II

Доклад посвящен некоторым вопросам визуальной реконструкции на примере кургана № 2 селища Засобье-II. Курганная группа и селище располагаются в 6 км на восток–юго-восток от д. Николаевское и в 3 км к югу от д. Засобье на правом берегу Сабы в ур. Колода Лужского р-на Ленинградской обл. Курганная группа была выявлена в 1983 г. Н.И. Платоновой, а селище – в 1990 г. С.Л. Кузьминым; они являются типичными для культуры длинных курганов (далее КДК) (Михайлова, 2000. С. 48, 49).

Внешне курган № 2 представлял собой слабо вытянутую с севера на юг округлую насыпь овальной формы диаметром до 15 м и высотой до 1,5; по всему диаметру имелся спуск. В ходе раскопок было обнаружено пять погребений и установ-

лено, что курган сооружался в несколько этапов. Цвет материка – ярко-желтый. На первом этапе было совершено погребение № 3 в грунтовой углублении. В неопределенное время по северной и южной сторонам обозначенной площадки 4.5×4.5 м были сооружены два валика из светлого песка 0.4 м, их контуры очерчены.

На втором этапе ровиком глубиной 0.5 м была ограничена намеченная ранее квадратная площадка 4.5×4.5 м. Судя по параллельно встречающимся пятнам дневной поверхности, над погребением № 1 был сооружен куб из дерна со стороной 0.8 м, в вершине находилось погребение № 1. Внешние перпендикулярные земле стороны куба были очерчены слабыми следами древесного тлена, возможно, от обмотки из прутьев. Пространство между валиками было ровно заложено дерновыми кирпичами до параллелепипеда, а затем досыпано песком со следами органики до купола. В приповерхностных слоях первого купола наблюдались следы разложения тонких деревянных плах, положенных от центра к краям. К ровику вел спуск, в самом ровике были зафиксированы следы частокола; все поверхности чистые, обозначенные.

На третьем этапе, после помещения с небольшой погрешностью в центр захоронение № 1, был вырыт второй слабоовальный в плане ровик глубиной 0.7–0.8 м и диаметром до 15 м, имевший частокол и спуск с внешней стороны. Пространство между первым и вторым куполами заполнено смешанным с органикой песком, в приповерхностных слоях наблюдался слой белого песка. В верхней части было совершено погребение № 2, а в спуске к ровику – № 4 и 5.

Исходя из реконструкции, следует отметить, что долговременные дневные поверхности земляных сооружений захоронений в центральной части кургана имели своеобразные украшения. Первое по времени захоронение № 3, возможно, было украшено двумя невысокими валиками из светлого приносного песка, купол насыпи второго захоронения № 1 был украшен тонкими плахами, а купол третьего захоронения № 2 – приносным белым песком. Из сказанного выше можно заключить, что при анализе и исследовании памятников КДК следует изучать временные и постоянные дневные поверхности для определения элементов декорирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Михайлова Е.Р. Исследования курганов у д. Засобье Лужского р-на Ленинградской обл. // АО–1998. 2000.

Е.Е. Филиппова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ г. МОХШИ

После образования Улуса Джучи в его состав вошли лесостепи по бассейну р. Мохши и Суры, заселенные мордвой. Эти земли стали известны как “улус Мохши” или “Мордовский улус”. Центром его стал г. Мохши (Нуриджан или Наручадь – в русских летописях) – крупный экономический и торговый центр Примокшанья, в XIV в. чеканивший свою монету.

Мохши – один из самых северных из известных на сегодняшний день золотоордынских городов. Его остатки находятся на территории современного с. Наровчат Наровчатовского р-на Пензенской обл.

В отличие от крупных золотоордынских городов Мохши находился на значительном отдалении от трансконтинентальных торговых путей, проходящих по Волге и Дону. Тем не менее, город как торговый центр играл важную роль в Примокшанье. Через мордовские земли проходил так называемый северный путь, связывавший города Северо-Восточной Руси с центральной частью золотоордынского государства. Важнейшими были пути по Волге, Оке, Цне, Суре, Мокше. Большую роль играли сухопутные торговые дороги (Жиганов, 1959. С. 161). О прочных торговых связях Примокшанья с золотоордынскими городами Причерноморья и Нижнего Поволжья свидетельствует довольно большой процент (28–57 %) азакских и крымских монет вкладах Примокшанья этого периода (Федоров-Давыдов, 2003. С. 57).

В природно-географическом отношении район представляет черноземную лесостепь. К городу подходит степной клин, по которому проходил путь, известный у местного населения как “Ногайская дорога” (Кротков, 1939. С. 9). Город был расположен на восточной окраине этого степного коридора, на границе большого мокшанского леса со степью. С одной стороны, это давало возможность контролировать лесные территории, с другой – кочевое население могло заниматься скотоводством. Пойменные пастбища, луга и лесные поляны позволяли содержать большие стада.

Мохши располагался на низком берегу поймы Мокши, примерно в 2 км от нее. С юго-востока он был ограничен р. Шелдаис, с севера – р. Большая Лапыжовка. А.А. Кротков высказывал предположение о том, что еще “в XVIII столетии и раньше Шелдаис отекал город с западной стороны, оставив свое старое ложе, следы которого видны и сейчас в виде глубокого оврага с трясинистым дном” (1939. С. 8).

Примокшанье – богатый природными ресурсами регион, славившийся мехами, медом, воском, – основными предметами вывоза в восточные страны. Г. де Рубрук отмечал, что “...из мордовских земель на восток вывозились в большом количестве дорогие меха разного рода, которых я никогда не видел в наших странах” (цит. по: Жиганов, 1959. С. 156). Кроме мехов, меда и воска мордовские земли экспортировали в золотоордынские города хлеб (Кротков, 1928. С. 77). Регион был богат болотной рудой.

Таким образом, г. Мохши был не только административно-политическим, но и крупным торговым центром, расположенным на важных торговых путях. Он располагался в регионе, удобном для занятий скотоводством. Примокшанье было значимым ресурсным придатком Золотой Орды, снабжавшим его хлебом, мехами, медом и воском.

А.В. Вострокнутов

Пермский государственный педагогический университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕКАМСКОГО БАССЕЙНА XI–XV вв. ОПЫТ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Картографический метод исследования – это метод применения карт для научного и практического познания изображенных на них явлений, а для археологии – это метод познания и анализа археологических памятников на той или иной территории на протяжении определенного времени. Он позволяет получить представление об особенностях расположения объектов культурного наследия, их динамике и общем состоянии заселенности в интересующее нас время.

В работе предпринята попытка выявления особенностей расположения археологических памятников Верхнего Прикамья в исторической динамике в период с XI по XV в. Нижняя дата обусловлена сменой ломоватовской культуры родановской. Верхняя – началом русской колонизации Прикамья.

Всю совокупность памятников средневековья в Прикамье можно разделить на восемь территориальных групп: Камско-Колвинскую, Гаинско-Косинскую, Верхнекамскую, Яйвинско-Камскую, Иньвенскую, Обвинскую, Усьвинско-Чусовскую и Косьвинскую.

При картографическом анализе в исторической динамике выясняется, что к концу XI в. исчезает Косьвинская группа памятников, а к концу XIV – Усьвинско-Чусовская. Внутри других территориальных групп наблюдается сокращение количества памятников.

Для примера рассмотрим более подробно динамику Иньвенской группы памятников в XI–XV вв. (диаграмма).

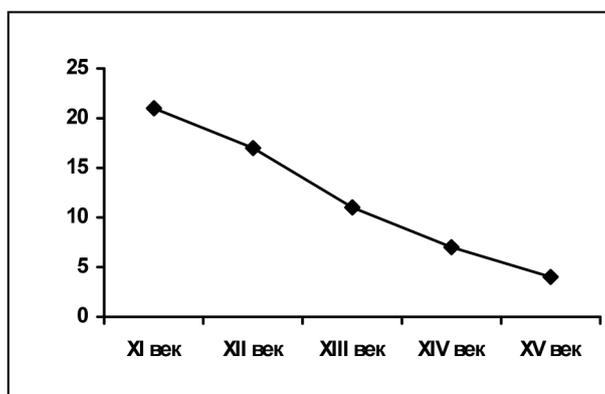

Диаграмма. Изменение количества памятников Иньвенской группы.

XI в.: известен 21 памятник (9 городищ, 7 селищ и 5 могильников);

XII в.: известно 17 памятников (9 городищ, 5 селищ, 3 могильника);

XIII в.: известно 11 памятников (7 городищ, 1 селище, 3 могильника, один из них, Плотниковский, “новый”);

XIV в.: известно семь памятников (три городища, одно селище, три могильника);

XV в.: известно четыре памятника (два городища, два могильника).

Таким образом, за пять веков населением было покинуто семь городищ, семь селищ, прекратили действовать четыре могильника (см. диаграмму), но появился один новый некрополь. В результате все население сконцентрировалось на Средней Иньве (городище Кудымкар и могильник Плотниково) и в ее низовьях (Анюшкар/Кыласово; городище и одноименный могильник). Причиной этому могло послужить либо уменьшение населения, либо “укрупнение” наиболее мощных городищ. Однако по переписи И.И. Яхонтова 1579 г., к примеру, “починок Кудымкорский” имел 7 дворов и 11 душ мужского пола.

Учитывая, что верхнюю границу родановской культуры (XV в.) от даты переписи отделяет чуть меньше столетия, сложно вообразить, что население из “укрупненных” со всего бассейна Иньвы поселений настолько резко сократилось, что представляло собой лишь обитателей починок. Вероятнее всего, процесс демографического спада в Иньвенском крае продолжался на протяжении предшествующих четырех веков.

То же самое наблюдается применительно к другим территориальным группам археологических памятников в бассейне Верхней Камы. Таким образом, становится видна общая тенденция к сокращению населения этой территории к XV в., т.е. к началу русской колонизации.

Р.Х. Ногайлиев

РГУ «Госинспекция ОКН КЧР», Черкесск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ ВЫСОКОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ВЕРХОВЬЯХ КУБАНИ

Территория современной Карачаево-Черкесской Республики с древнейших времен была населена людьми. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники, самые ранние из которых относятся к палеолиту.

С географической точки зрения, большая часть Карачаево-Черкессии входит в район Верхнего Прикубанья, занимающего бассейны верховьев Кубани, Малого и Большого Зеленчуков и Теберды. Данный регион близок к западным и восточным областям Кабардино-Пятигорья и предгорным районам Северо-Западного Кавказа (современная территория Краснодарского края). Южная часть его имеет характер труднодоступной горной страны, расчлененной узкими ущельями, в которой находится самая высокая точка Европы гора Эльбрус, северная – предгорная – с широкими плодородными долинами.

Доклад посвящен изучению и выявлению объектов археологического наследия в бассейне Верхней Кубани в эпоху средневековья (V–XII вв.) с помощью данных дистанционного зондирования, прежде всего космоснимков, доступных на геосервисе Google.

С помощью материалов дистанционного зондирования, полученных с Google.Maps, был открыт, но не введен в научный оборот ряд новых поселений. Одно из них расположено на горе Харам-Дуппур в 1 км к востоку от а. Каменно-мост. В плане поселение имеет вид неправильного треугольника, острым углом направленного на юг. Его длина – 200 м, наибольшая ширина – 70 м. Примерная площадь – 0.7 га. По периметру расположена искусственная оборонительная насыпь валом высотой около 57 см. Поселение условно можно разбить на три части: первая, самая крупная, где, вероятно, и проживало население, обнесена валом и условно обозначена нами как центр. Вторая часть примерно площадью 170 м² с остатками оборонительных сооружений – насыпей – расположена к югу. С юга можно наблюдать удобное место для подъема на поселение, предположительно, здесь и проходила дорога, ведущая наверх. (Со стороны долины р. Кубань это место наиболее удобно для подъема на вершину Харам-Дуппуре.) Практически на всей протяженности дороги отмечаются участки, наиболее удобные для обороны. При подходе к самому поселению она проходит между двумя небольшими холмами. Третья площадка находится к востоку от первой, вверх по склону, ее размеры – 9×11 м. С запада и севера от поселения обнаружены земледельческие террасы.

Недалеко зафиксирован развал камней со следами искусственной обработки (нашлось место выхода такого камня). Можно предположить, что здесь была каменоломня. В пользу этого предположения говорит не только выход породы и ее обработка, но и то, что в паре метров от развала расположена ровная укрепленная площадка размером 103×30 м, на которой разбросаны похожие камни. В западной части между насыпями имеется проход шириной 2.4 м.

Второе поселение фактически расположено на северо-восточном склоне г. Дардон, западнее с. Коста-Хетагурова. Его длина – 90 м, ширина – 24 м. Ориентировочная площадь – 0.21 га. Поселение имеет как бы два уровня: с юга на северо-восток тянется на 75 м по не очень крутому склону (примерно 6°), после чего резко обрывается вниз, где находится площадка 18×14 м. Наиболее удобное место для подъема находится на западном склоне, более пологом. Оборонительных сооружений на территории поселения не обнаружено. Здесь проводились охранные работы, в ходе которых были найдены осколки красноглиняной керамики, накопчик стрелы (VIII–X вв.), каменная кладка высотой до 12 см. Все вещи сданы в РГУ “Госинспекция по охране культурного наследия Карачаево-Черкесской Республики”.

Надеюсь, доклад показал актуальность и эффективность использования данных дистанционного зондирования, в частности, спутникового изображения, полученного с геосервера Google.Maps.

А.В. Сафронов

Московский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНИХ МАЙЯ: ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД И ГИС-МЕТОД

Метод геоинформационных систем в настоящее время – один из наиболее передовых и актуальных в исторических исследованиях. Его особенность заключается в возможности комплексного исследования исторических источников разного типа. Он предполагает создание на основе анализируемой информации структурированных электронных баз данных и наглядную визуализацию результатов исследований. К его характерным чертам относятся точная географическая привязка всех объектов исследования, возможность их сопоставления друг с другом в любой комбинации и проведение исторических реконструкций на основе имеющихся данных.

ГИС-метод уже широко применяется в различных областях исторической науки, в частности в археологии, предоставляющей большой объем статистического материала, который необходимо точно локализовать на местности. Однако до недавнего времени к ГИС-методу со стороны собственно исследователей-историков проявлялось недостаточное внимание. Во-первых, он сопряжен с определенными техническими сложностями, во-вторых, специфика исследований преимущественно письменных источников не предполагала настолько точной и масштабной привязки информации к географии исследуемого региона.

Однако в последние годы большое значение приобрели исследования в области исторической географии, охватывающие значительные географические области и опирающиеся на данные разных типов. Здесь применение ГИС-метода совершенно необходимо. Мы попытаемся показать возможности применения ГИС-метода на примере исследования исторической географии древних майя классического периода (III–IX вв.), которое сопряжено с анализом письменных памятников майя, данных археологии, топографии, распределением коммуникационных путей, ресурсов и т.д.

Традиционно исследования исторической географии древних майя ограничивались сферой реконструкции политической географии. В 70-х годах XX в. были разработаны два принципиально разных подхода к характеристике политиче-

ской структуры области майя – концепция региональных государств и концепция городов-государств, – господствовавших в историографии вплоть до начала XXI в. Однако появление программных комплексов ГИС позволило по-иному подойти к анализу имеющегося материала. Одним из первых появилось исследование политической структуры бассейна Усумасинты мексиканского специалиста А. Анайи. Правда, под ярлыком ГИС в данном случае скрывалось использование обычного математического метода, примененного на материале письменных источников.

В докладе речь пойдет о таких примерах применения ГИС-метода в исследовании исторической географии классических майя, как локализация неидентифицированного небольшого политического центра Тубаль в Восточном Петене (Гватемала), упоминавшегося в связи с войной Тикаля и Наранхо 744 г., и определение границ царства Пачан-Ках со столицей в Танхапачан, существовавшего в IV–IX вв. в Верхней Усумасинте (граница Мексики и Гватемалы).

К.А. Гусев

Институт археологии РАН, Москва

**РОЛЬ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ,
АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ФОРМИРОВАНИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЕВ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Формирование археологических коллекций было и остается актуальной научной задачей. Археологические коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина имеют долгую историю формирования. Первыми материалами этой коллекции стали экспонаты Антропологической выставки 1879 г.

Особую роль в ее организации сыграло Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. Именно его силами и по его инициативе была проведена московская Антропологическая выставка 1879 г. Достаточно ясно осознавалась цель этого начинания: “Конечной целью нашей деятельности является антропологический музей при устроенной Обществом в университете кафедре антропологии” (Отдел письменных источников политехнического музея. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 16557/1. Л. 2, лиц.). Для ее подготовки был создан специальный комитет, а основные цели и задачи обсуждались на заседаниях антропологического отдела Общества. Средства на проведение были получены от двух членов ОЛЕАиЭ: Л.С. Полякова и Ф.А. Терещенко (Отдел письменных источников Политехнического музея. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 16557/1. Л. 1, об.).

Надо заметить, что на тот момент под термином антропология понималась вся совокупность естественно-исторических наук о человеке, в том числе и археология. Таким образом, московская Антропологическая выставка 1879 г. имела первостепенное значение и для формирования археологических музейных коллекций. Главной задачей всего мероприятия признавалось формирование антропологического собрания для преподавания антропологии (Заседание комитета..., 1878. С. 4). Одним из основных путей формирования коллекции назывались археологические раскопки. В дополнение к уже имевшимся в распоряжении организаторов материалам по курганам Московской губернии, были организованы экспедиции для проведения раскопок на Кавказе, в Туркестане, на севере европейской части

России, в Поволжье (Заседание Совета..., 1878. С. 8, 9). Именно из материалов этих раскопок была составлена экспозиция выставки. Использовались также экспонаты, полученные из научных организаций и музеев Англии, Франции, Австрии, Германии и др. (Отдел Письменных источников Политехнического музея. Л. 2, лиц.).

Экспозиция московской Антропологической выставки 1879 г., организованной и проведенной ОЛЕАиЭ, стала основой для археологических коллекций музея антропологии МГУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заседание комитета Антропологической выставки 21 января 1873 г. // Антропологическая выставка. Т. 1 // Изв. ОЛЕАиЭ. Т. 27. М., 1878 (Тр. антропологического отдела; Т. 3).

Заседание Совета ОЛЕАиЭ 6 мая 1876 г. // Антропологическая выставка. Т. 1 // Изв. ОЛЕАиЭ. Т. 27. М., 1878 (Тр. антропологического отдела; Т. 3).

К.В. Ванюшева

Институт истории и культуры народов Приуралья, Ижевск

ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

Российская археология как наука развивалась не только благодаря столичным ученым, но и усилиями региональных исследователей. Иницилируемая из центра императорскими указами о собирании древностей и “ученых путешествиях” деятельностью Императорской Археологической комиссии и т.п., она успешно выстраивалась на местах. В силу этого важно изучать историю провинциальной археологии.

Уникальный источник по истории науки – письма: с одной стороны, они свободны от официальной цензуры, с другой, отражают настроение времени. Это одно из наиболее доступных и эффективных средств коммуникации, использовавшееся учеными и в XVIII, и в XIX, и в XX вв. Письма являются результатом рефлексии провинциальной науки, в них выделяются ее проблемы, перспективы, дискуссии.

Исследование проводилось на примере переписки деятелей Вятской и Пермской губ. конца XIX – 20-х годов XX в.: И.Я. Кривошеков – Ф.А. Теплоухову (1886–1888 гг.) (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 7–49), В.С. Малченко (1903–1904 гг.) (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 112. Л. 1, 6), Ф.А. Теплоухов – В.С. Малченко (1902–1903 гг.) (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 86. Л. 17, 18), А.А. Спицын – И.Г. Остроумову (1903–1930 гг.) (ГАПК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–5), А.С. Лебедев – А.М. Тальгрёну (1911–1928 гг.) (“Надо торопиться жить...”, 2008. С. 171–200), М.С. Тюнину (1909 г.), Л.А. Беркутов – М.С. Тюнину (1910–1911 гг.) (ЦГА УР. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 222; Ед. хр. 13. Л. 50; Ед. хр. 16. Л. 105) и др. В результате была выделена следующая информация.

Во-первых, письма могут содержать сведения личного характера, дополняющие уже известные, а также открывать для науки новые персоналии. Например, в письмах вятского исследователя А.С. Лебедева финскому археологу А.М. Тальгрёну неоднократно упоминается некий Н.Я. Сафронов – автор

“Очерков родинovedения в Польше” и отзыва на книгу А. Михаэля, организатор Образовательного общества в Елабуге, “лучший теоретик нового родинovedения” (“Надо торопиться жить...”, 2008. С. 190). Но в местных справочных и историографических изданиях о нем нет никакой информации.

Во-вторых, с их помощью были выделены методологические приемы и установки провинциальных археологов, а также теоретические положения, на основе которых развивались исследования. Интересно было проследить, насколько сознательно выбирались различные группы методов (сбора, извлечения исторической информации, ее понимания), выявить внутренние причины изменения методологических и теоретических установок отдельных исследователей. Так, в 1886 г. пермский лесничий И.Я. Кривошеков пишет Ф.А. Теплоухову, что “чутьем начинает различать древнерусские вещи от чудских”. Это значит, что обычный служащий, исполняя поручения и инструкции по покупке древних вещей от образованного начальника (археолога-любителя), приходит к неосознанному выделению определенных критериев для классификации предметов. Затем он “входит в археологический вкус” и принимает вывод о генетической связи древних и современных народов: “есть много оснований думать, что современные пермяки и зыряне есть потомки Чуди (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9).

В третьих, в письмах возможно вычленили профессиональные нормы, ценности, этику. Ф.А. Теплоухов в письме председателю ПУАК В.С. Малченко затрагивает важную для становления профессиональной культуры проблему заботы о читателе-неспециалисте. Рассуждая о посмертной статье Н.Н. Новокрещенных о Гляденовском городище, он отмечает неравномерность в полноте материалов, вследствие чего “читатель, не интересующийся предметом, будет неминуемо чувствовать некоторую неудовлетворенность и недосказанность” (ГАПК. Ф. 297. Д. 86. Л. 17, 18).

При работе с письмами использовались текстологический метод и метод деконструкции текстов, а также контент-анализ, позволившие систематизировать огромный массив информации, получить сведения статистического характера о научных и организационных проблемах провинциальной археологии данного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

“Надо торопиться жить, торопиться работать”: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрону // Вестн. Удмуртского университета. Вып. 2. Сер. “История и филология”. Ижевск, 2008.

Новые материалы и методы археологического исследования:
Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов

Научное издание

Редактор *С.Б. Григорян*
Дизайн и верстка: *А.Н. Ворошилов, С.В. Кожушков*

Подписано в печать 11.03.2011. Формат 60 × 84 ¹/₈
Усл.печ.л. 11,5. Уч.-изд.л. 7,0. Тираж 150 экз.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-105-9

9 785943 751059